

№ 5, 2025
Volume 5, 2025

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT.INNOVATIONS.INVESTMENTS

ГОСТЬ НОМЕРА

А. М. Түфетулов
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
ИНКОРПОРАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В МОДЕЛЬ «УМНОГО ГОРОДА»

GUEST OF VOLUME

A. M. Tufetulov
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
INCORPORATION OF ECONOMIC SECURITY TOOLS INTO THE SMART CITY MODEL

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

Журнал основан в 2008 году

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Периодичность издания: 6 номеров в год.

Решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов от 09.09.2025 журнал включён в третий уровень Единого государственного перечня научных изданий (ЕГПНИ).

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

В Перечне ВАК РФ журнал имеет категорию K2.

Журнал входит в список рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Ученым советом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук.

Журнал архивируется в РГБ, eLIBRARY.RU, НЭБ «КиберЛенинка», ЭБС «Лань» и Znanium, на Национальном цифровом ресурсе «Рукопт», Национальной платформе периодических научных изданий РЦНИ, индексируется в РИНЦ, Crossref, DOAJ, Google Scholar, ВИНТИ РАН, в системе «Российские научные журналы» на портале РИЭПП.

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется разработками Комитета по публикационной этике (Committee on Publication Ethics (COPE)), Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Journal appeared in 2008

**Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»**

Journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-63471, 30.10.2015.

Publication frequency: 6 issues per year.

By the decision of the Interdepartmental Working Group on the Formation and Updating of the «White List» of Scientific Journals dated 09.09.2025, the journal was included in the third level of the Unified State List of Scientific Publications (USLPS).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following journal headings are accepted for publication:

Economic Sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical Sciences

The subject of the articles are topical issues in the field of ontology and theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

In the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, the journal has a category K2.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University for publication of the main scientific results of theses for the degree of Candidate and Doctor of Economic Sciences.

The journal is archived in the Russian State Library, eLIBRARY.RU, NEB «Cyberleninka», EBS «LAN» and Znanium, NCR «Rucont», RCSI Journals Platform, indexed in Science Index, Crossref, DOAJ, Google Scholar, VINITI RAS, in the Russian Scientific Journals system on the RIEPL portal.

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

In its activities, the editorial board is guided by the developments of the Committee on Publication Ethics (COPE), the Declaration of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) «Ethical Principles of Scientific Publications».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН, ректор,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, декан факультета бизнеса и управления, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, финансов, логистики и менеджмента, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б.С., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Корзёб Збигнев, д-р экон. наук, заместитель декана факультета экономики и управления по научной работе, профессор, заместитель заведующего кафедрой учета и финансов, Белостокский технологический университет, Белосток, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, доцент, профессор базовой кафедры торговой политики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Нурланова Н.К., д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела региональной экономики, Институт экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Панков Д.А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христукас Чесловас, профессор, Каунасский университет прикладных наук, Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, Москва, Россия

Сель Николя, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В.А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, ВРИО Первого заместителя директора по научной работе Института философии Российской академии наук, руководитель секции философии, политологии, психологии, социологии и права Отделения общественных наук Российской академии наук, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, руководитель Высшей школы транспортных систем и технологий, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры автомобилей, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарьянос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Пашкевич Антон, д-р техн. наук, доцент, профессор департамента транспортных систем, Краковский политехнический университет имени Тадеуша Костюшко, Краков, Польша

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, экономики и предпринимательства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, директор Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Панкова С. В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Суглобов А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель Всероссийского научно-исследовательского института организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, доцент, заместитель директора филиала, заведующий кафедрой цифровой экономики и логистики, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Анкин Д. В., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Кубанский государственный технологический университет, профессор кафедры графики, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Коломиец Г. Г., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Косиченко А. Г., д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Лойко А. И., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук и молодежной политики, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Аземша С. А., канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой «Управление автомобильными перевозками и дорожным движением», Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Республика Беларусь

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Цифровые технологии управления транспортными процессами», Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и систем, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой инженерно-экологических инноваций и комплексной безопасности, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences,
Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Business and Management, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vegera S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Accounting, Finance, Logistics and Management, Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Management, Economy and Finance, Bialystok University of Technology, Bialystok, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Basic Department of Trade Policy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Regional Economics, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Popova E.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Professor, Kaunas University of Applied Sciences, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian

Academy of Sciences, Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Production Potential and Intersectoral Interactions, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom
Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Acting First Deputy Director for Scientific Work at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of the Section of Philosophy, Political Science, Psychology, Sociology and Law of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Higher School of Transport Systems and Technologies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Automobiles, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Pashkevich Anton, Ph. D., Assistant Professor, Professor of the Department of Transportation Systems, Politechnika Krakowska, Krakow, Poland

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Economics and Entrepreneurship, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyyuk N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Institute for the Development of Economics and New Competencies of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Director of the Research Institute for Economic Development and New Competences of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Finance, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Pankova S. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Suglobov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the All-Russian Scientific Institute for Organization of Production, Labor and Management in Agriculture- the branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories-All-Russian Research Institute of Agriculture», Moscow, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Production Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

Yumatov A.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the branch, Head of the Department of Digital Economy and Logistics, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Ankin D. V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Apollonov I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Kuban State Technological University, Professor of the Department of Graphics, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culture and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kolomiets G. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kosichenko A. G., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Loiko A. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophical Studies», Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Maksimov A.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

Fedyaev D.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Azemsha S. A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport and Traffic Management, Belarusian State University of Transport, Gomel, Republic of Belarus

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department «Digital Technologies of Transport Process Management», Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Engineering and Environmental Innovations and Integrated Safety, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

А. М. Туфегулов

Инкорпорация инструментов обеспечения экономической безопасности в модель «Умного города»11

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

М. А. Гордилов, И. Н. Гуров, Н. А. Кустов

Анализ правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход: российский и зарубежный опыт21

И. Ю. Мерзлов

Сравнительный анализ тенденций государственно-частного партнерства в европейских и азиатских странах в 2023–2025 годах40

С. Г. Фомин

Цифровизация данных в системе сквозного планирования работ в машиностроении51

ТРАНСПОРТ

И. Е. Ильина, К. А. Перекусихина, В. И. Рассоха

Анализ факторов дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов64

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

С. А. Азаренко

Топология души и детства: феноменологическая и социально-топологическая методология исследования76

Н. В. Бряник

Структуралистская концепция истории науки87

В. В. Ванчугов

«Философия правды» архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского): опыт создания национальной философии права96

Г. Г. Коломиец, П. В. Ляшенко

Утопия в философской мысли Латинской Америки как образ межчеловеческих отношений 108

М. А. Соколов

Ловушки отчуждённой вовлечённости и способ выхода из них.....123

Е. В. Ускова

О метафизических основаниях натурализма в отношении сознания133

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

A. M. Tufetulov

Incorporation of economic security tools into the Smart City model11

ECONOMICAL SCIENCES

M. A. Gorodilov, I. N. Gurov, N. A. Kustov

Analysis of law enforcement practice on professional income tax: Russian and foreign experience21

I. Y. Merzlov

Comparative analysis of public-private partnership trends in European and Asian countries in 2023–202540

S. G. Fomin

Digitalization of data in the end-to-end work planning system in mechanical engineering51

TRANSPORT

I. E. Ilyina, K. A. Perekusikhina, V. I. Rassokha

Determining the factors of an accident involving pedestrians.....64

PHILOSOPHICAL SCIENCES

S. A. Azarenko

Topology of the Soul and Childhood: A Phenomenological and Socio-Topological Research Methodology76

N. V. Bryanik

Structuralist conception of the history of science87

V. V. Vanchugov

«The Philosophy of Truth» by Archimandrite Gabriel (V.N. Voskresensky): An Experience in Creating a National Philosophy of Law96

G. G. Kolomiets, P. V. Lyashenko

Utopia in the philosophical thought of Latin America as an image of interpersonal relations 108

M. A. Sokolov

Traps of alienated involvement and a way out of them123

E. V. Uskova

On the metaphysical foundations of naturalism in relation to consciousness133

ГОСТЬ НОМЕРА

Научная статья
УДК 338.246.2

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-11>

ИНКОРПОРАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МОДЕЛЬ «УМНОГО ГОРОДА»

А. М. Туфетулов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
e-mail: ajdar-t@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена ускорением процессов урбанизации и негативными последствиями, создающими угрозы для сбалансированного развития городов. Цель исследования заключается в выявлении содержания модели «Умного города», определении этапов ее эволюции и обосновании тезиса о необходимости учета угроз и рисков для экономической безопасности при разработке проектов цифровизации городского экономического пространства. В ходе исследования определено, что цифровизация всех сфер жизнедеятельности современного общества включает трансформацию инструментов стратегического планирования и управления городским развитием с использованием платформенных решений. Развитие цифровых технологий стало объективной предпосылкой для формирования модели «Умного города», реализация которой предполагает внедрение интеллектуальных систем во все сегменты городского пространства, создание интеллектуального транспорта, интеллектуальной (низкоуглеродной или альтернативной) энергетики,

электронных публичных услуг, «умных финансов», «умного управления» и др. Для достижения поставленной цели использован сравнительный анализ теоретических и методических подходов к разработке модели «Умного города», имеющих место в работах российских и зарубежных ученых, а также анализ практики реализации проектов цифровизации экономического пространства российских городов и инструментов управления ими. Это позволило представить авторский подход к решению задачи повышения уровня защищенности экономики города от внешних и внутренних угроз как необходимого условия его сбалансированного развития. Научная новизна исследования заключается в положении о необходимости инкорпорации в состав модели «Умного города» инструментов, обеспечивающих своевременное выявление угроз и рисков, а также нейтрализацию последствий их реализации с использованием цифровых технологий. Представленный подход к разработке модели «Умного города» с необходимостью предполагает учет взаимной зависимости и взаимосвязи между угрозами, что должно отражаться в содержании стратегического планирования и управления городским развитием. Дальнейшие исследования будут связаны с уточнением состава угроз и инструментария управления ими, а также определении инструментов вовлечения горожан в процессы разработки и внедрения интеллектуальных систем. Положения и выводы, сформулированные в статье, могут быть использованы при разработке муниципальных программ цифровизации городского экономического пространства, учитывающих изменяющийся состав угроз.

Ключевые слова: модель «Умный город», проекты цифровизации городского пространства, интеллектуальные системы, экономическая безопасность, угрозы для сбалансированного развития города.

Для цитирования: Туфетулов А. М. Инкорпорация инструментов обеспечения экономической безопасности в модель «Умного города» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 11–20. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-11>.

INCORPORATION OF ECONOMIC SECURITY TOOLS INTO THE SMART CITY MODEL

A. M. Tufetulov

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

e-mail: ajdar-t@yandex.ru

Abstract. *The relevance of this research topic is determined by the acceleration of urbanization processes and the negative consequences that pose threats to the balanced development of cities. The purpose of the study is to identify the content of the «Smart City» model, determine the stages of its evolution, and substantiate the thesis of the need to consider threats and risks to economic security when developing projects for the digitalization of the urban economic space. The study determined that the digitalization of all spheres of life in modern society involves the transformation of strategic planning and urban development management tools using platform solutions. The development of digital technologies has become an objective prerequisite for the formation of the «Smart City» model, the implementation of which involves the introduction of intelligent systems into all segments of the urban space, the creation of intelligent transport, intelligent (low-carbon or alternative) energy, electronic public services, «smart finance», «smart governance», etc. To achieve this goal, a comparative analysis of theoretical and methodological approaches to the development of the «Smart City» model, existing in the works of Russian and foreign scientists, as well as an analysis of the practical implementation of digitalization projects of the economic space of Russian cities and the tools for their management, was used. This allowed us to present our own approach to improving the city's economic security from external and internal threats as a prerequisite for its balanced development. The scientific novelty of this study lies in the need to incorporate into the Smart City model tools that ensure the timely identification of threats and risks, as well as the mitigation of their consequences using digital technologies. The presented approach to developing a Smart City model necessarily requires consideration of the interdependence and interconnectedness of threats, which should be reflected in the content of strategic planning and urban development management. Further research will focus on clarifying the nature of threats and the tools for managing them, as well as identifying tools for engaging citizens in the development and implementation of intelligent systems. The findings and conclusions formulated in this article can be used in the development of municipal programs for the digitalization of urban economic space, taking into account the changing threat landscape.*

Key words: *Smart City model, urban digitalization projects, intelligent systems, economic security, threats to balanced urban development.*

Cite as: Tufetulov, A. M. (2025) [Incorporation of economic security tools into the Smart City model]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 11–20. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-11>.

Введение

Одной из ключевых тенденций развития современного общества выступает урбанизация, что находит выражение в растущих темпах роста численности городских жителей и его удельного веса в общей численности населения. Согласно данным Организации Объединенных Наций, «в период с 1950 по 2020 годы доля городского населения в мире выросла с 29,6% до

56,2%. Прогнозируется увеличение данного показателя к 2030 году до 60,4%, а в 2050 году – до 68,4%»¹. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2025 года в Российской Федерации проживало 146,028 млн человек, из которых городское население составляло 109,691 млн человек, или 75,1%, сельское – 36,337 млн человек, или 24,9%². В Российской Федерации в настоящее время

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Online Edition. POP/DB/WUP/Rev.2018/1/F21. File 21: Annual Percentage of Population at Mid-Year Residing in Urban Areas by Region, Sub-region, Country and Area, 1950-2050. – URL: https://population.un.org/wup/assets/Download/WUP2018-F21-Proportion_Urban_Annual.xls (accessed: 02.07.2025). (In Eng.).

² Численность постоянного населения на 1 января // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/report/278928/> (дата обращения: 02.07.2025).

насчитывается более тысячи городов, при этом имеют место ускоренные темпы роста валового территориального продукта городских агломераций и мегаполисов с числом жителей более 1 млн человек. Изменения в демографической структуре населения сопровождаются качественной трансформацией технико-технологического уклада, характера экономической деятельности, структуры доходов и образа жизни горожан. Одновременно демографические сдвиги инициируют многочисленные проблемы, требующие всестороннего переосмысления и разработки новых подходов к разрешению. Признание международного масштаба подобных проблем нашло отражение в программных документах Организации Объединенных Наций. Так, в Докладе конференции ООН по населенным пунктам (Хабитат II) в качестве угроз, обусловленных процессами урбанизации, определены «отсутствие безопасности и расширяющееся насилие, деградация окружающей среды и возросшая уязвимость к стихийным бедствиям»³. В России последствия урбанизации и инструменты управления ими сформулированы в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Согласно положениям данного программного документа, «9 субъектов РФ ... обеспечивают наибольший вклад в совокупный валовой региональный продукт, ... их доля в совокупном валовом региональном продукте увеличилась с 50,2 процента в 2016 году до 53,2 процента в 2022 году»⁴. Тем самым, следствиями урбанизации выступают: поляризация национального экономического пространства, проявляющаяся в межрегиональных диспропорциях, активизация внутренних миграционных потоков, обострение экологических проблем в индустриальных центрах, повышение уровня криминализации в городах и др. Несоответствие содержания инструментов управления городским развитием вызовам времени проявляется в несоответствии состояния транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры городов современным требованиям, недостаточном уровне жилищной обеспеченности населения, диспропорциях на рынках труда и др. В условиях внедрения сквозных цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества инструментом выявления угроз, обусловленных активизацией процессов урбанизации, и нейтрализации последствий их реа-

лизации выступает разработка и внедрение цифровых платформ в систему управления развитием городского хозяйства. Использование цифровых платформ обеспечивает «взаимовязку отраслевых и пространственных приоритетов, планов по развитию инфраструктуры на основе документов территориального планирования, мониторинг динамики развития территорий с использованием широкого круга статистических и ведомственных данных»⁵, что является необходимым условием принятия эффективных управленческих решений, обеспечивающих сбалансированное развитие городов. Это определяет актуальность исследования, целью которого выступает выявление этапов становления теоретических и методических подходов к исследованию инструментов предупреждения угроз для сбалансированного развития городских образований в рамках модели «Умного города».

Степень разработанности проблемы

Представления об атрибутивных признаках «Умного города» (Smart City), начало которым было положено в 2000-х годах, прошли определенную эволюцию, обусловленную цифровой трансформацией экономики и развитием научного знания. С учетом ключевого фактора городского развития [13] выделяются следующие этапы становления современных представлений о модели «Умного города»: технологический проект, административный проект, гражданское самоуправление, «умная нация», «суперумное общество» [5]. Первый этап развития представлений об «Умном городе» (модель 1.0) был инициирован деятельностью высокотехнологичных компаний – ПАО «Сбербанк России», ПАО «Ростелеком», ПАО «МТС», АО «Ситроникс» и др., которые разрабатывали информационные и коммуникационные технологии, обеспечивающие эффективность инструментов управления городским хозяйством. При этом предполагалось, что реализация модели «Умного города» начинается с основания новых населенных пунктов, планирование и управление которыми с первого этапа их функционирования будут осуществляться с использованием IT-технологий. Воплощением данной модели в современной России выступает Иннополис, который был основан в 2012 году и в настоящее время представляет собой современный наукоград, играющий роль одного из центров развития высоких технологий.

³ Стамбульская Декларация по населенным пунктам // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/habdecl.shtml (дата обращения: 02.07.2025).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 02.07.2025).

⁵ Там же.

Второй этап развития представлений об «Умном городе» (модель 2.0) был связан с активизацией роли государства и органов местного самоуправления в разработке проектов внедрения цифровых технологий в различные сектора жизни города с целью повышения уровня безопасности, качества жизни, предупреждения негативных эффектов для окружающей среды и др. Эффективность данного подхода нашла отражение в показателях уровня преступности, качества публичных услуг, предоставляемых в дистанционном формате, объемах экономии энергетических и иных ресурсов, перепроектировании транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры и др. Модель 2.0 соответствовала принципам устойчивого развития и углеродного регулирования, сформулированным в программных документах ООН⁶ и российского государства⁷. Подобный подход представлен в работах российских (В. П. Куприяновский, О. И. Карасев, Д. Е. Намиот, Н. А. Уткин, Д. И. Ярцев [9], О. Ю. Патракеева [6] и др.) и зарубежных (Р. Папа [16], А. Пикон [17] и др.) авторов. Ключевые идеи, сформулированные на данном этапе развития представлений об «Умных городах», нашли отражение в проекте Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации «Умный город»⁸, Государственной программе Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»⁹ и национальной программе «Цифровая экономика»¹⁰. В качестве цели проекта «Умный город» определено «повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан»¹¹. В свою очередь, цифровые технологии и интеллектуальные системы рассматриваются в качестве инструментов повышения эффективности управления городским развитием и составной ча-

стью инфраструктуры муниципального образования. В соответствии с принципами модели 2.0 в 2022 году Минстроем России был утвержден стандарт «Умного города», что стало важным шагом на пути формирования унифицированного подхода к разработке и реализации проектов цифровизации городского пространства. В настоящее время в реализации проекта принимают участие более 200 российских городов с числом жителей более 100 тысяч человек. Одним из лидеров рейтинга городов по уровню цифровизации выступает г. Казань, который в 2024 году стал победителем II Национальной премии в номинации «Городская среда» благодаря широкому использованию отечественных технологических решений, что является необходимой предпосылкой достижения технологического суверенитета.

Третий этап развития представлений об «Умном городе» (модель 3.0) связан с развитием горизонтальных взаимодействий в соответствии с принципом антропоцентричности проекта и с участием местного сообщества, принимающего активное участие в разработке стратегических планов и программ развития городов. Особенности данной модели представлены в работах В. В. Вагина, В. Д. Сафроновой [2], Т. Н. Серегиной [8], Н. А. Костко, И. Ф. Печеркиной, А. А. Попковой [4] и др. В ряде публикаций российских авторов отражены отдельные аспекты модели «Умного города», включающие внедрение высоких технологий в сферу управления транспортными потоками [3] и др. В рамках реализации модели 3.0 органы городского управления разрабатывают нормативные правовые акты, определяющие состав цифровых технологий с учетом мнения горожан относительно сферы их применения. В качестве форм участия граждан в разработке и реализации различных инициатив, направленных на повышение качества жизни и обеспечение сбалансированности развития, выступают (на примере г. Казань): внедрение

⁶ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 02.07.2025).

⁷ Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 N 296-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения: 02.07.2025).

⁸ Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Минстрой России. – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/> (дата обращения: 02.07.2025).

⁹ Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 N 1710 (ред. от 09.06.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286800/0681ca8fd7325668dd34f83a7dd9a0557dc4c2b3/ (дата обращения: 02.07.2025).

¹⁰ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Минцифра. – URL: <https://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczi/> (дата обращения: 02.07.2025).

¹¹ Приказ Минстроя России от 27 декабря 2021 г. № 1014/пр «Об утверждении паспорта ведомственного проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» и признании утратившими силу некоторых актов Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» // Минстрой России. – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/379141/> (дата обращения: 02.07.2025).

цифровой платформы «Общественные обсуждения», используемой для вовлечения граждан в решение вопросов городского развития; применение искусственного интеллекта для контроля качества благоустройства города; внедрение системы «Открытая Казань», обеспечивающей прием заявок по вопросам ЖКХ, контроль за своевременностью и надлежащим качеством их исполнения; внедрение автоматизированного учета потребления коммунальных ресурсов; развитие информационного обеспечения градостроительной деятельности¹² и др.

Модель 4.0 «Умная нация» и модель 5.0 «Суперумное общество» могут быть реализованы при условии интеграции локальных интеллектуальных систем в рамках государства в целом, что, в свою очередь, предполагает дальнейшее развитие технологий, формирующихся в условиях четвертой промышленной революции (искусственный интеллект, Интернет вещей, облачные технологии, киберфизические системы и др.) и их применение в реальном времени для расширяющегося круга задач, а также повышение цифровых компетенций работников органов государственной власти (местного самоуправления) и населения. Трендам развития «Умных городов» посвящены труды Е. А. Смирнова [10], Е. О. Черных [11], С. Г. Камолова, К. С. Ким, Н. Д. Александрова [15], Д. Читакунье [12] и др.

Проведенное исследование показывает, что при всем многообразии публикаций по проблемам разработки и внедрения модели «Умного города» вопросы обеспечения экономической и цифровой безопасности функционирования муниципальных образований не стали предметом самостоятельного изучения. В ряде случаев российские авторы анализируют правовой аспект проблемы (К. Е. Белоцерковский [1] и др.) или рассматривают методы управления угрозами и рисками как одну из составляющих модели «Умного города» (К. Рагги, М. Клодел [7] и др.). В этой связи возникает необходимость выделения инструментов обеспечения экономической безопасности в качестве самостоятельного предмета исследования в контексте проблемы внедрения цифровых технологий в городское экономическое пространство.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использованы различные методы исследования, в том числе гипотеза, контент-анализ, классификация, сравнительный анализ и др.

Результаты исследования

При всем многообразии определений «Умного города» представляется возможным выделить две группы дефиниций. Первая группа объединяет определения, авторы которых выделяют атрибутивные признаки «Умных городов», к которым отнесены: доминирование в их отраслевой структуре высокотехнологичных видов экономической деятельности; высокий уровень мобильности факторов производства; инкорпорация специфического человеческого капитала в состав эндогенного экономического роста; растущая роль ресурсосберегающих технологий, что свидетельствует о формировании экономики замкнутого цикла; внедрение высоких технологий в процессы не только на уровне города, но и уровне домашнего хозяйства («умный дом»), а также во все сферы экономической деятельности (телемедицина, дистанционное обучение, интерактивные объекты культуры и др.); формирование городской идентичности; использование интеллектуальных управленческих систем и др. Вторая группа определений акцентирует внимание на составе задач, решаемых на основе использования новых технологий и инновационных подходов к административным процессам. Тем самым, указанные группы определений основаны соответственно на структурном и функциональном подходах к исследованию «Умных городов». Вне зависимости от используемого определения «Умного города» представляется целесообразным использовать подход Р. Гиффингера, который в составе его признаков выделил характеристики, объединенные в следующие группы: «умная экономика», «умное управление», «умные финансы», «умная инфраструктура», «умные жители», «умная окружающая среда» [14]. Проектирование и планирование «умных городов» предполагает использование преимуществ новых знаний и цифровых инструментов для управления городским развитием в соответствии с изменяющимися потребностями местного сообщества и вызовами урбанизации.

Анализ этапов становления современных представлений об «Умном городе» (модели 1.0, 2.0, 3.0) и его атрибутивных признаков показывает, что на первом этапе разработчиками учитывались отдельные риски и угрозы функционирования городского хозяйства (экологические риски, риски дорожно-транспортных происшествий, угрозы нарушения неприкосновенности жилища, риски нарушения транспортного трафика, риски несоответствия качества оказываемых публичных услуг потребностям в них

¹² Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений («умный город») // Официальный сайт Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Татарстан». – URL: <https://sovmo.tatarstan.ru/modernizatsiya-gorodskogo-hozyaystva-posredstvom-7626949.htm>. (дата обращения: 02.07.2025).

и др.). Это нашло выражение в создании локальных интеллектуальных систем, направленных на выявление рискообразующих факторов, предупреждение рисков или нейтрализацию последствий их реализации. Например, в г. Казань с 2012 года реализуется проект «Автоматизированная система управления дорожным движением», направленный на «обеспечение безопасности дорожного движения, снижение транспортных задержек и улучшение экологической обстановки»¹³. Использование Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) обеспечивает повышение качества публичных услуг, что находит отражение в снижении затрат на их оказание, обеспечении своевременности, полноты, а также соответствии административным регламентам и запросам получателей. Формирование обратной связи с использованием государственных цифровых платформ создало предпосылки для вовлечения горожан в процесс управления городским развитием (участие в опросах относительно мест размещения объектов социальной и транспортной инфраструктуры, использования средств муниципального бюджета, благоустройства города, использования объектов культурно-исторического наследия и др.).

На втором этапе обеспечение экономической безопасности включается в состав ключевых задач, решаемых с использованием модели «Умного города». Это находит выражение в разработке и внедрении центра мониторинга, который позволяет анализировать в дистанционном формате «работоспособность различных систем безопасности, включающих охранно-пожарную сигнализацию, систему экстренного речевого оповещения и систему видеонаблюдения на объектах социальной инфраструктуры»¹⁴. Так, в настоящее время в Казани «в режиме реального времени производится автоматический мониторинг более 1100 камер видеонаблюдения и более 20 000 датчиков автоматической пожарной сигнализации»¹⁵. Тем самым, расширяется состав угроз, которые являются объектом наблюдения и диагностики, а также делается плодотворная попытка интеграции инструментов мониторинга различных угроз в рамках единой цифровой платформы.

На третьем (современном) этапе развития модели «умного города» внедрение сквозных цифровых тех-

нологий во все сферы жизнедеятельности общества при одновременном повышении уровня угроз определяет приоритетный характер задачи обеспечения экономической безопасности при разработке и внедрении модели «умного города». С учетом этого формируется состав инструментов управления городским развитием. Так, достижение технологического суверенитета трактуется в качестве объективной предпосылки обеспечения состояния «защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз»¹⁶, что определяет необходимость использования отечественных программных продуктов и оборудования, а также стимулирования процессов производства знаний и подготовки квалифицированных специалистов для высокотехнологичных видов экономической деятельности. В свою очередь, управление экологическими рисками рассматривается как составная часть реализации стратегии устойчивого развития, которая предполагает внедрение «зеленых» стандартов в сферу строительства объектов жилой и коммерческой недвижимости, использование ресурсо- и энергосберегающих технологий, оптимизацию транспортных потоков и др. Тем самым, риски и угрозы для сбалансированного городского развития в рамках модели 3.0 рассматриваются во взаимной связи и взаимной обусловленности, что является предпосылкой для трактовки модели «Умного города» в качестве составной части интегрированной системы национальной экономической безопасности. Подобный подход к трактовке экономической безопасности в контексте становления и развития концепции «Умного города» будет определять ее атрибутивные признаки и состав инструментов реализации на этапе формирования модели 4.0 «Умная нация» и модели 5.0 «Суперумное общество».

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить объективные и субъективные предпосылки формирования модели «Умного города», сформулировать ее атрибутивные признаки и состав решаемых задач управления сбалансированным городским развитием. Анализ многочисленных публикаций, посвященных проектам цифровизации городского экономического пространства, и практики их реализации, позволил

¹³ Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений («Умный город») // Официальный сайт Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Татарстан». – URL: <https://sovmo.tatarstan.ru/modernizatsiya-gorodskogo-hozyaystva-posredstvom-7626949.htm>. (дата обращения: 02.07.2025).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 02.07.2025).

выделить 5 моделей «Умного города»: модель 1.0 «Технологический проект», модель 2.0 «Административный проект», модель 3.0 «Гражданское самоуправление», модель 4.0 «Умная нация» и модель 5.0 «Суперумное общество». Анализ показал, что на всех этапах развития современных представлений о модели «Умного города» инструменты обеспечения безопасности (экологической, энергетической, транспортной и др.) выступали ее неотъемлемым элементом. В то же время было определено, что фрагментар-

ный подход к решению проблем управления угрозами для сбалансированного городского развития в настоящее время замещается комплексным подходом, в соответствии с которым решение задач цифровизации сегментов городского экономического пространства способствует обеспечению экономической безопасности городского сообщества и одновременно выступает необходимым условием повышения уровня защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз.

Литература

1. Белоцерковский К. Е. Технологии «Умный город» и «Безопасный город»: содержание и правовое регулирование // Законность и правопорядок. – 2024. – № 1(41). – С. 39–44. – EDN: BIRUDN.
2. Вагин В., Сафронова В. Умный город и гражданское участие // Городские исследования и практики. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 87–99. – <https://doi.org/10.17323/usp63202187-99>. – EDN: XQYVST.
3. Дрючин Д. А., Якунин Н. Н., Якунина Н. В. Оценка экологической безопасности и энергетической эффективности транспортных средств, обслуживающих маршруты городского наземного транспортного комплекса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 2. – С. 43–55. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-43>. – EDN: YYQBGW.
4. Костко Н. А., Печеркина И. Ф., Попкова А. А. Модели реализации концепции «Умный город» в стратегиях социально-экономического развития крупных городов Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 4. – С. 197–223. – <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223>. – EDN: UOLFKY.
5. Люлько А. Н. Эволюция «умных городов»: от технологических проектов к искусственному интеллекту // ЭКО. – 2023. – № 6 (588). – С. 8–31. – <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-6-8-31>. – EDN: AWQTFI.
6. Патракеева О. Ю. «Умный город»: концепции, вызовы, тенденции развития // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 125–136. – <https://doi.org/10.18334/social.3.2.115021>. – EDN: TIEZSG.
7. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / Пер. с англ. Е. Бондал. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 248 с.
8. Серегина Т. Н. Умный город как феномен информационного общества: социально-философский анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 185–195. – <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-3-185-195>. – EDN: XBQLLS.
9. Стандарты для создания дорожных карт умных городов на примере BSI / В. П. Куприяновский [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Т. 4, № 8. – С. 9–19. – EDN: WFVAOH.
10. Тренды инновационного развития умных городов / Е. А. Смирнов [и др.] // Вестник университета. – 2021. – № 5. – С. 28–36. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-5-28-36>. – EDN: KGPXOC.
11. Черных Е. О. Обзор реализации Концепции развития города Москвы «Москва «Умный город – 2030» // Наукосфера. – 2023. – № 8–1. – С. 214–225. – EDN: OAHTRS.
12. Chitakunie D., Yesturliyeva A. I. (2021) Modern Smart cities and prospects of introducing the concept of a Smart city in the Republic of Kazakhstan // *Yessenov Science Journal*. – No. S1(39), pp. 193–196. – EDN JFAFX. (In Eng.).
13. Cohen B. The 3 Generations of Smart Cities: Inside the development of the technology driven city. 08.10.2015. // FastCompany. – URL: <https://www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities> (accessed: 02.06.2025). (In Eng.).
14. Giffinger R., et al. (2007). City-ranking of European Medium-Sized Cities. Vienna, UT: Centre of Regional Science. – URL: http://www.smart-cities.eu/download/city_ranking_final.pdf (accessed: 02.07.2025). (In Eng.).
15. Kamolov S. G., Kim K. S., Aleksandrov N. D. (2023) Study of Smart Cities Based on Human Capital (Case of Russian Research-Driven Townsas Proto-Smart Cities). *Management Sciences*. – Vol. 13. – No. 4, pp. 34–46. – <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-4-34-46>. – EDN: GMYDAR. (In Eng.).
16. Papa R., Gargiulo C., Galderisi A. (2013). Towards an urban planners' perspective on Smart City. *TeMA – Journal of Land Use, Mobility and Environment*. – Vol. 6. – No. 1, pp. 5–17. – <https://doi.org/10.6092/1970-9870/1536>. (In Eng.).

17. Picon A. (2018) Villes et systèmes d'information : de la naissance de l'urbanisme moderne à l'émergence de la smart city. *Flux*. – Vol. 1. No. 111-112, pp. 80–93. – <https://doi.org/10.3917/flux1.111.0080>. (In Fr.).

References

1. Belotserkovsky, K. E. (2024) [Technologies «Smart City» and «Safe City»: Content and Legal Regulation]. *Zakonnost' i pravoporyadok* [Legality and law and order]. Vol. 1 (41), pp. 39–44. (In Russ.).
2. Vagin, V., Safronova, V. (2021) [Smart City and Civic Engagement]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies]. Vol. 6. № 3, pp. 87–99. – <https://doi.org/10.17323/usp63202187-99>. (In Russ.).
3. Dryuchin, D. A., Yakunin, N. N., Yakunina, N. V. (2024) [Assessment of environmental safety and energy efficiency of vehicles serving the routes of the urban ground transport complex]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 43–55. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-2-43>. (In Russ.).
4. Kostko, N. A., Pecherkina, I. F., Popkova, A. A. (2022) [Implementation models for the «smart city» concept in the strategies for socio-economic development of large cities in the Russian Federation]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues]. Vol. 4, pp. 197–223. – <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-4-197-223>. (In Russ.).
5. Lyulko, A. N. (2023) [Evolution of Smart Cities: from Technological Projects to Artificial Intelligence]. *ECO* [ECO]. Vol. 6, pp. 8–31. – <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-6-8-31>. (In Russ.).
6. Patrakeeva, O. Y. (2022) [Smart city: concepts, challenges and development trends]. *Social'noe predprinimatel'stvo i korporativnaya social'naya otvetstvennost'* [Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility]. Vol. 3(2), pp. 125–136. – <https://doi.org/10.18334/social.3.2.115021>. (In Russ.).
7. Ratti, C., Claudel, M. (2018) *Gorod zavtrashnego dnya: Sensory, seti, hakeri i budushchee gorodskoj zhizni* [The City of Tomorrow. Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 248 p.
8. Seregina, T. N. (2022) [Smart City as a Phenomenon of Information Society: a Social and Philosophical Analysis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities]. Vol. 3, pp. 185–195. – <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-3-185-195>. (In Russ.).
9. Kupriyanovsky, V. O., et al. (2016) [Standards for Creating Smart Cities Roadmaps by the Example of BSI]. *International Journal of Open Information Technologies* [International Journal of Open Information Technologies]. Vol. 4. No. 8, pp. 9–19. (In Russ.).
10. Smirnov, E. A., et al. (2021) [Trends in the innovative development of smart cities]. *Vestnik Universiteta* [University Bulletin]. Vol. 5, pp. 28–36. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-5-28-36>. (In Russ.).
11. Chernykh, E. O. (2023) [Overview of the Implementation of the Concept of Development of the City of Moscow «Moscow «Smart City – 2030»]. *Naukosfera* [The science Sphere]. Vol. 8-1, pp. 214–225. (In Russ.).
12. Chitakunie, D., Yesturliyeva, A. I. (2021) Modern Smart cities and prospects of introducing the concept of a Smart city in the Republic of Kazakhstan. *Yessenov Science Journal*. Vol. S1(39), pp. 193–196. (In Eng.).
13. Cohen, B. The 3 Generations Of Smart Cities: Inside the development of the technology driven city. 08.10.2015. Available at: <https://www.fastcompany.com/3047795/the-3-generations-of-smart-cities> (accessed: 02.06.2025). (In Eng.).
14. Giffinger, R., et al. (2007) Smart Cities Ranking of European Medium-Sized Cities. Vienna, UT: Centre of Regional Science. Available at: http://www.smart-cities.eu/download/city_ranking_final.pdf (accessed: 02.07.2025). (In Eng.).
15. Kamolov, S. G., Kim, K. S., Aleksandrov, N. D. (2023) Study of Smart Cities Based on Human Capital (Case of Russian Research-Driven Townsas Proto-Smart Cities). *Management Sciences*. Vol. 13. No. 4, pp. 34–46. – <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-4-34-46>. (In Eng.).
16. Papa, R., Gargiulo, C., Galderisi, A. (2013). Towards an urban planners' perspective on Smart City. *TeMA – Journal of Land Use, Mobility and Environment*. Vol. 6. No. 1, pp. 5–17. – <https://doi.org/10.6092/1970-9870/1536>. (In Eng.).
17. Picon, A. (2018) Villes et systèmes d'information : de la naissance de l'urbanisme moderne à l'émergence de la smart city. *Flux*. Vol. 1. No. 111-112, pp. 80–93. – <https://doi.org/10.3917/flux1.111.0080>. (In Fr.).

Информация об авторе:

Айдар Миралимович Туфетулов, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической безопасности и налогообложения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

ORCID iD: 0000-0003-2204-5667, **Researcher ID:** L-9497-2013, **Scopus Author ID:** 55537900900

e-mail: ajdar-t@yandex.ru

Айдар Миралимович в 1994 г. окончил юридический факультет в Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина с квалификацией «юрист», в 1996 г. – Казанский финансово-экономический институт по специальности «Финансы и кредит» с квалификацией «экономист». В 1999 г. Туфетулов А. М. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему: «Управление производственной кооперацией предприятий во внешнеэкономической деятельности (на примере предприятий Республики Татарстан)» (специальность 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (промышленность)), а в 2010 г. – диссертацию «Интеграционные процессы трансформации экономической структуры региональной экономики (на примере Республики Татарстан)» (специальность 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика) на соискание ученой степени доктора экономических наук.

Айдар Миралимович с 2000 по 2009 годы работал в Казанском государственном финансово-экономическом институте (КГФЭИ), пройдя профессиональный путь от ассистента до доцента. В 2009 году после вхождения КГФЭИ в состав вновь образованного Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ) Туфетулов А. М. возглавил кафедру экономической безопасности и налогообложения Института управления, экономики и финансов. С 2009 года по настоящее время он работает в КФУ.

Туфетулов А. М. является председателем диссертационного совета КФУ.052.5 № № 01-03/24 от 12.01.2024 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидат наук, на соискание ученой степени доктора наук по научной специальности: 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономика сферы услуг, экономическая безопасность) (экономические науки). Айдар Миралимович является судьей Волго-Камского отделения Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, членом Российской академии естественных наук по секции «Экономика и социология».

Туфетулов А. М. – член редколлегии журналов «Экономическая безопасность», «Экономический вестник Республики Татарстан», является автором более 120 научных и учебно-методических работ, в том числе индексируемых в РИНЦ и международных базах Scopus и Web of Science. Сфера его научных интересов: экономическая безопасность; налоговое администрирование и налоговый контроль; экономика энергосбережения и энергетическая эффективность; информационная безопасность; миграция как фактор экономической безопасности; региональная экономика и др.

Айдар Миралимович руководил Казанским межрегиональным методическим центром по повышению финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования. Также были разработаны научные проекты: «Оптимизация подоходного налогообложения и системы страховых взносов в России (грант РГНФ, 2015 год), «Налоговое регулирование деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей в Республике Татарстан» (прикладная НИР, 2013 год), «Экономическая эффективность использования объектов интеллектуальной собственности на производственном предприятии» (прикладная НИР, 2015 год).

Статья поступила в редакцию: 25.08.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Aidar Miralimovich Tufetulov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Security and Taxation, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ORCID iD: 0000-0003-2204-5667, **Researcher ID:** L-9497-2013, **Scopus Author ID:** 55537900900

e-mail: ajdar-t@yandex.ru

Aidar Miralimovich graduated from the Law Faculty of V.I. Ulyanov-Lenin Kazan State University in 1994 with a law degree. In 1996, Aidar Miralimovich graduated from the Kazan Finance and Economics Institute with a degree in Finance and Credit as an economist. In 1999, Tufetulov A. M. defended his dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences on the topic: «Management of Industrial Cooperation of Enterprises in Foreign Economic Activity (using the example of enterprises of the Republic of Tatarstan)» (specialty 08.00.05 Economics and Management of the National Economy (Industry)), and in 2010, Aidar Miralimovich defended his dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences on the topic: «Integration Processes of Transformation of the Economic Structure of the Regional Economy (using the example of the Republic of Tatarstan)» (specialty 08.00.05 Economics and Management of the

National Economy (Regional Economy).

From 2000 to 2009, Aidar Miralimovich worked at the Kazan State Finance and Economics Institute (KSFEI), working his way up from assistant to associate professor. In 2009, after KSFEI became part of the newly formed Kazan (Volga Region) Federal University, Tufetulov A. M. became head of the Department of Economic Security and Taxation at the Institute of Management, Economics, and Finance. From 2009 to the present, A. M. Tufetulov has worked at Kazan Federal University.

Currently, A. M. Tufetulov serves as the Chairman of the KFU Dissertation Council. 052.5 No. 01-03/24 dated January 12, 2024, for the defense of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences in the scientific specialty: 5.2.3. Regional and Sectoral Economics (Service Sector Economics, Economic Security) (Economic Sciences). Aidar Miralimovich is a judge at the Volga-Kama Branch of the Arbitration Center under the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs and a member of the Russian Academy of Natural Sciences in the Economics and Sociology section.

A. M. Tufetulov is a member of the editorial board of the journals «Economic Security» and «Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan». A. M. Tufetulov is the author of over 120 scientific and educational works, including those indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) and the international databases Scopus and Web of Science. His research interests include economic security; tax administration and tax control; energy conservation and energy efficiency; information security; migration as a factor in economic security; regional economics, etc.

Aidar Miralimovich headed the Kazan Interregional Methodological Center for Improving Financial Literacy in the General and Secondary Vocational Education System. Aidar Miralimovich supervised the following research projects: «Optimization of Income Taxation and the Insurance Contribution System in Russia» (grant from the Russian Humanitarian Science Foundation, 2015), «Tax Regulation of Agricultural Producers in the Republic of Tatarstan» (applied research, 2013), and «Economic Efficiency of Using Intellectual Property in a Manufacturing Enterprise» (applied research, 2015).

The paper was submitted: 25.08.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 336.201

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-21>

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО НАЛОГУ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

М. А. Городилов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

e-mail: gorodilov59@yandex.ru

И. Н. Гуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: ingurov@mail.ru

Н. А. Кустов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

e-mail: parolaks@yandex.ru

Аннотация. Актуальность выбранной темы определяется динамикой числа самозанятых, применяющих льготный налоговый режим – налог на профессиональный доход. Наблюдаемая тенденция увеличения числа правоприменительных актов, принимаемых арбитражными судами в рамках исследуемой категории дел, свидетельствует о необходимости теоретического обобщения практики в целях выработки единых подходов, которые могли бы использоваться налоговыми органами и налогоплательщиками в целях недопущения развития растущей динамики налоговых споров и обеспечения правовой определенности. В более раннем исследовании [2] одного из авторов настоящей статьи был сделан вывод о том, что правовая определенность является важнейшим атрибутом налоговых отношений в условиях рыночной экономики. Затрагивая публично-правовую и общественно-экономическую сферу, принцип правовой определенности в отрасли налогового законодательства обеспечивает предсказуемость поведения участников налоговых правоотношений, одним из которых является государство, а также устойчивость не только фискально-бюджетной и финансовой систем, но и инвестиционную привлекательность, экономическую стабильность, равенство субъектов предпринимательской деятельности в части определения справедливой величины налоговой нагрузки, соразмерность распределения налогового бремени в обществе. Все вышеизложенное важно в целях недопущения произвола по отношению к налогоплательщикам со стороны государственных органов, включая финансово-налоговые и судебные, обеспечивает экономическую, социальную и политическую стабильность государственных устоев. В продолжение ранее проведенного исследования, в настоящей статье справедливость данного вывода подлежит проверке на основе анализа правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход – налоговому режиму, который стремительно набирает популярность среди трудоспособного населения России; при этом отечественную практику целесообразно сопоставить и с опытом зарубежных стран, что и составляет цель исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых-экономистов и правоведов, рассматривающих данную проблему через призму публично-правовых и общественно-экономических отношений, законодательные и нормативные акты Российской Федерации, зарубежных стран, аналитические данные ФНС, аналитические и информационные материалы, опубликованные в российской и зарубежной периодической печати и представленные в компьютерной сети Internet, материалы судебной практики, в том числе зарубежной. В качестве методического инструментария исследования применялись общенаучные методы познания: наблюдения, абстрагирования, дедукции и индукции, сравнительного анализа, группировки данных, обобщения теоретического и фактического материала. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении феномена самозанятости через призму публичного налогово-

правового регулирования в целях выработки критериев обоснованной налоговой оптимизации. В результате исследования разработан рекомендуемый к применению стандарт доказывания, который призван обеспечить правовую определенность в вопросе налогообложения доходов, получаемых самозанятыми, что особенно важно в условиях публично-правовой сферы бюджетно-налогового регулирования, который может применяться как налогоплательщиками, так и правоприменительными органами, что обуславливает практическую значимость работы. Направления дальнейших исследований могут быть связаны с разработкой количественных показателей, которые могут быть положены в основу матрицы налоговых рисков, а также развитием налогового законодательства на основе метода сравнительного правоведения, используя опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: налогообложение, принципы налогообложения, налог на профессиональный доход, налоговая нагрузка.

Для цитирования: Городилов М. А., Гуров И. Н., Кустов Н. А. Анализ правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход: российский и зарубежный опыт // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – № 5. – С. 21–39. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-21>.

Original article

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON PROFESSIONAL INCOME TAX: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

M. A. Gorodilov

Perm State National Research University, Perm, Russia

e-mail: gorodilov59@yandex.ru

I. N. Gurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: ingurov@mail.ru

N. A. Kustov

Perm State National Research University, Perm, Russia

e-mail: parolaks@yandex.ru

Abstract. The relevance of the chosen topic is determined by the dynamics of the number of self-employed persons applying a preferential tax regime – tax on professional income. The observed trend of increasing the number of law enforcement acts adopted by arbitration courts within the framework of the studied category of cases indicates the need for a theoretical generalization of practice in order to develop uniform approaches that could be used by tax authorities and taxpayers in order to prevent the development of growing dynamics of tax disputes and ensure legal certainty. In an earlier study [2] by one of the authors of this article, it was concluded that the latter is the most important attribute of tax relations in a market economy. Affecting the public-law and socio-economic sphere, the principle of legal certainty in the tax legislation ensures predictability of behavior of participants in tax legal relations, one of which is the state, as well as stability of not only the fiscal-budgetary and financial systems, but also investment attractiveness, economic stability, equality of business entities in terms of determining the fair amount of the tax burden, proportionality of distribution of the tax burden in society. All of the above is important in order to prevent arbitrariness in relation to taxpayers on the part of government agencies, including financial-tax and judicial ones, ensures economic, social and political stability of state foundations. In continuation of the previously conducted study, in this article the validity of this conclusion is subject to verification based on the analysis of law enforcement practice on the tax on professional income – a tax regime that is rapidly gaining popularity among the working-age population of Russia; at the same time, it is advisable to compare domestic practice with the experience of foreign countries, which is the purpose of the study. The theoretical and methodological basis of the study were the works of leading domestic and foreign economists and lawyers who consider this problem through the prism of public-legal and socio-economic relations, legislative and regulatory acts of the Russian Federation, foreign countries, analytical data of the Federal Tax Service, analytical and information materials published in Russian and foreign periodicals and presented on the Internet, materials of judicial practice, including foreign. General scientific methods of cognition were used as methodological tools of the study:

observation, abstraction, deduction and induction, comparative analysis, data grouping, generalization of theoretical and factual material. The scientific novelty of the study consists in considering the phenomenon of self-employment through the prism of public tax and legal regulation in order to develop criteria for justified tax optimization. As a result of the study, a recommended standard of proof was developed, which is designed to ensure legal certainty in the issue of taxation of income received by the self-employed, which is especially important in the public-law sphere of budgetary and tax regulation, which can be applied by both taxpayers and law enforcement agencies, which determines the practical significance of the work. Directions for further research may be related to the development of quantitative indicators that can be used as the basis for the tax risk matrix, as well as the development of tax legislation based on the comparative law method, using the experience of foreign countries.

Key words: taxation, principles of taxation, tax on professional income, tax burden.

Cite as: Gorodilov, M. A., Gurov, I. N., Kustov, N. A. (2025) [Analysis of law enforcement practice on professional income tax: Russian and foreign experience]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 21–39. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-21>.

Введение

Наблюдаемая положительная динамика числа российских граждан, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», свидетельствует о его резко возросшей по-

пулярности. Так, по данным ФНС по состоянию на 31.03.2025 в России насчитывалось 13,0 млн чел. самозанятых, при этом каждый год наблюдается их устойчивый рост, отраженный на рисунке 1¹.

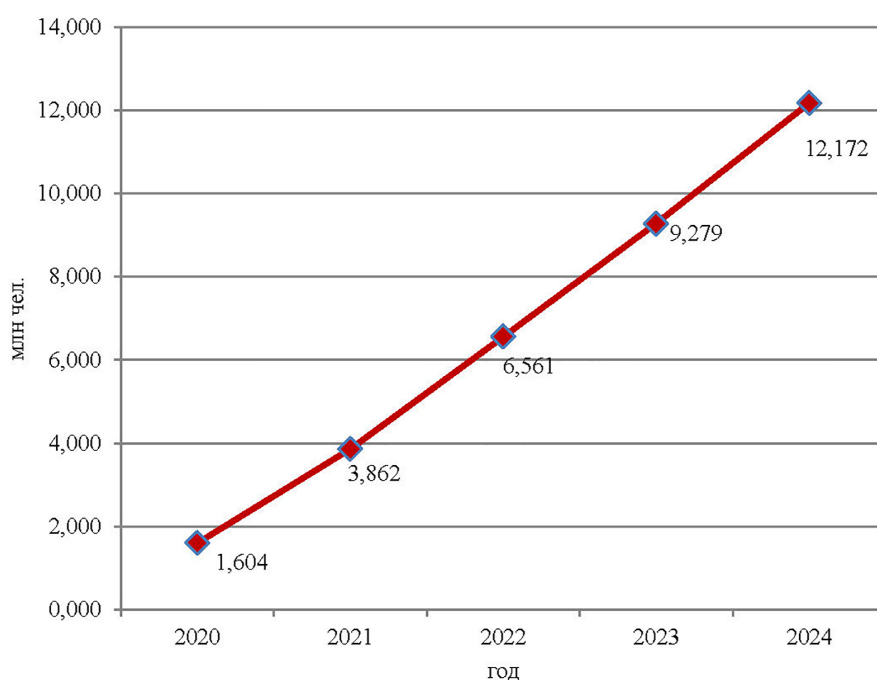

Рисунок 1. Динамика числа самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» по данным ФНС, млн чел.

Источник: разработано авторами на основе Сведений о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» – URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 06.04.2025)

¹ Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» / Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 06.04.2025).

Частично данный рост может быть объясним с научной и практической точек зрения осознанной необходимостью трудоспособного населения «выйти из тени» для занятия личным предпринимательством, как на то изначально нацеливала концепция законопроекта перед принятием рассматриваемого закона². Однако рост числа плательщиков на профессиональный доход связан со все более широким применением бизнес-сообществом инструментов налоговой оптимизации, искусственно снижающих налоговую нагрузку с использованием труда самозанятых, что в масштабах страны может создавать угрозу финансовой системе и экономической безопасности государства. В целом, описанные эффекты говорят о том, что, с одной стороны, введение налога на профессиональ-

ный доход способствует выходу экономики из тени, с другой стороны – создает условия для использования налоговых лазеек другими участниками хозяйственной жизни. М. Ю. Головнин и соавторы отмечают, что в структурной перестройке российской экономики должна принимать участие и бюджетно-налоговая политика [1], в связи с чем следует особое внимание уделять и положительным, и негативным последствиям изменений в налоговом регулировании.

Распространению налоговых схем активно противодействуют фискальные и судебные органы. Наблюдаемая тенденция увеличения числа правоприменительных актов, принимаемых арбитражными судами в рамках исследуемой категории дел, изображенная на рисунке 2, свидетельствует о необходи-

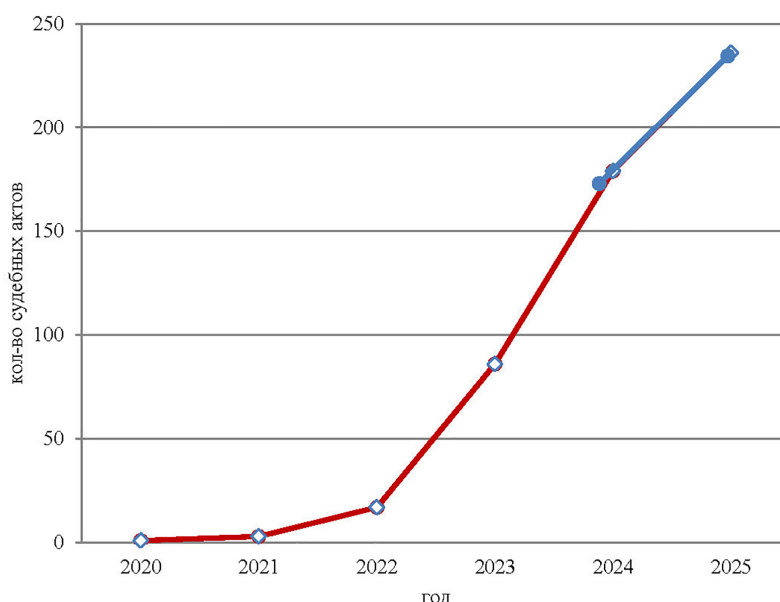

Рисунок 2. Динамика количества судебных актов за 2020–2025 гг., содержащих одновременно слова «налог», «профессиональный», «доход», «самозанятый», в категории дел «Споры, связанные с применением налогового законодательства» (код 25) по данным отбора, произведенного авторами статьи на основе банка решений арбитражных судов

Примечание. Прогноз данных на 2025 г. получен на основе расчета соотношения количества судебных актов по исследуемой теме, вынесенных за период с 01.01.2025 по 11.03.2025 (29) в сравнении с тем же показателем за аналогичный период прошлого года (22), умноженного на итоговое количество судебных актов за 2024 год (179). Таким образом, в 2025 г. прогнозируемый рост исследуемого показателя составит 131,8% по сравнению с 2024 г.

Источник: разработано авторами на основе банка решений арбитражных судов – URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: с 24.02.2025 по 11.03.2025)

² О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Законопроект № 551845-7 // Официальный сайт система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/551845-7?ysclid=lw0325qjdn7644536> (дата обращения: 21.04.2024); О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 31.03.2025).

мости теоретического обобщения практики в целях выработки единых подходов, которые могли бы использоваться налоговыми органами и налогоплательщиками в целях недопущения развития растущей динамики налоговых споров. В понимании того, *quod licet Jovi, non licet bovi*³, иными словами, разумных пределов налоговой оптимизации, может оказаться полезным изучение и сравнение уже накопленного отечественного и зарубежного опыта, о котором пойдет речь в настоящей статье.

Определенность налогово-правового регулирования как фактор обеспечения устойчивости правоприменительной практики

Общий для всех обязательных платежей принцип формальной определенности норм, закрепленный в п. 6 ст. 3 НК РФ, имеющий крайне важное значение для устойчивости налоговой политики, раскрыт в Определении Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 305-КГ17-12383 (впоследствии изложен также и в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018)⁴: «...для отношений по уплате фискальных сборов в правовом государстве принципиально важным является соблюдение требования определенности правового регулирования, заключающейся в конкретности, ясности и недвусмысленности нормативных установлений, что призвано обеспечить лицу, на которое законом возлагается та или иная обязанность, реальную возможность предвидеть в разумных пределах последствия своего поведения в конкретных обстоятельствах».

В связи с этим, представляется важным научно обоснованный А. В. Демин тезис о том, что, будучи неопределенным, налогово-правовое регулирование не способно выполнять функцию распределения бремени публичных расходов на основе принципов справедливости, равенства и всеобщности, а, следовательно, утрачивая соответствующие качественные характеристики, оно превращается в свою прямую противоположность — в механизм квазизаконоуложения изъятия частной собственности без должных правовых оснований и с неясными целями. Ссылаясь на положения, сформулированные Конституционным

Судом РФ еще в 2000 г.⁵, А. В. Демин предупреждает о том, что расплывчатость налоговых норм может приводить к произвольному и дискриминационному применению таких норм со стороны государственных органов и должностных лиц и тем самым — к нарушению принципов правового государства и юридического равенства, а также требования равенства налогообложения; следовательно, налог, предусмотренный в нормах, «дефектных» с точки зрения требований юридической техники, не может считаться законно установленным. Публичность налоговых правоотношений, безвозмездный характер изъятия налогов в пользу государства по А. В. Демину, обуславливают и наличие повышенного стандарта к установлению правовой определенности в соответствующей отрасли законодательства («...в сфере налогового права требование определенности выражается более категорично...»). Только это обеспечивает нахождение всех участников рынка — налогоплательщиков в одинаковых экономических, конкурентных условиях, не допуская дискриминации [3]. (Подробнее вопрос о правовой определенности норм налогового законодательства раскрыт в статье одного из авторов [2]).

Однако специалисты, знакомые с правоприменительной практикой разрешения налоговых споров, склоняются к общему мнению о том, что в данной сфере зачастую оказываются решающими не формально определенные, «сухие» нормы права, а судебные доктрины, призывающие к деловой цели, недопущению злоупотребления правом и т. д.⁶, с которыми большинство граждан, вовлекаемых в «самозанятость», не знакомы. И очень часто налоговый спор рассматривается и разрешается вокруг ключевого вопроса о том, является ли используемый налогоплательщиком механизм снижения налогового бремени, хотя и формально соответствующий закону, искусственно созданным исключительно для реализации одной-единственной цели — минимизации налогообложения, а потому, по мнению судов, не подлежащим применению? Либо он имеет под собой разумную деловую цель, а потому может быть применен в спорной ситуации? Данная проблема, имеющая важное научное и практическое значение, особенно актуальна для вопроса, связанно-

³ Что позволено Юпитеру, не позволено Быку (пер. с лат.).

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/ (дата обращения: 02.04.2025).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности подп. «к» п. 1 ст. 5 Закона РФ «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой Закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И.В. Савченко» // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26660/ (дата обращения: 02.04.2025).

⁶ Небезынтересно, что Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы», основные положения которого «перекочевали» в статью 54.1 Налогового кодекса РФ, по-прежнему упоминаются в судебных актах. *Примеч. авт.*

го с правомерностью использования механизма льготного налогообложения, который априори несет в себе налог на профессиональный доход (далее – НПД).

Анализ правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход в научной и специальной литературе

В научной и специальной литературе сложились следующие мнения авторов вокруг изучаемой проблемы.

Г. Р. Султанов отмечает то, что проблема перевода работников в статус самозанятых в целях минимизации налоговой нагрузки на бизнес является весьма актуальной [18]. В. В. Житаев [8], И. В. Ершова и соавт. [6], а также Л. В. Зайцева [9] констатируют, что незаконные налоговые схемы с участием «лжесамозанятых» несут в себе серьезные последствия для государственного устройства, стабильности рынка, усиливая неравенство субъектов предпринимательской деятельности, угнетая конкуренцию, не обеспечивая социальную защищенность населения, а, значит, требуют принятия по отношению к ним мер, направленных на их пресечение. К. А. Пономарева и соавт. указывают на то, что у недобросовестных налогоплательщиков есть возможность перевода работников в статус самозанятых при сохранении трудовых обязанностей с новой организацией, имеющей тот же состав учредителей, руководителей и оказывающих услуги по тому же адресу [14]. Цель этого – незаконная минимизация налоговой нагрузки [7]. Причем аналогичная проблема существует не только в России, но и за рубежом (Великобритания, Италия и др.), что усматривается из исследований С. Barnard и соавт. [20], М. Faioli и соавт. [21], А. Moran [22], J. Wickham и соавт.⁷ и др. В англоязычной научной литературе исследуемый феномен именуется как *bogus* (реже – *sham*) *self-employment* (пер. «фиктивная самозанятость»); в итальянской – *collaborazione coordinata e continuativa* («CoCoCo») (пер. «скоординированное и постоянное сотрудничество»). При этом зарубежные исследователи особо отмечают, что лжесамозанятость является проявлением нецивилизованного рынка труда, в рамках которого физические лица выполняют зачастую крайне сложную, а порой и неквалифицированную работу, имеют низкий уровень дохода, социально не защищены, готовы мириться с полным отсутствием пенсионного обеспечения при наступлении старости. Есть наблюдения, показываю-

щие психологический портрет самозанятых, которые по окончании трудового пути оказываются разочарованными их социальным статусом и ранее выбранной профессией. Это происходит потому, что в ряде отраслей доля самозанятых очень высока (например, в строительной отрасли Великобритании их уровень достигает 54% от общего числа занятых, поскольку привлечение самозанятых позволяет обеспечивать гибкость в численности персонала, что очень удобно нанимателям в условиях негативного влияния экономических циклов на строительные фирмы в периоде спада инвестиционно-деловой активности и платежеспособности заказчиков). Делается важный вывод о том, что *выбор профессии даже может предопределять участие будущих работников в статусе самозанятых с той или иной степенью вероятности*⁸. Лжесамозанятость приводит к «дегенеративной» конкуренции, поскольку существенное снижение расходов на персонал и налоги при применении схемы создают безусловные конкурентные преимущества, вытесняя с рынка добросовестных участников; и, спустя время, при условии отсутствия государственного вмешательства на рынке остаются только те игроки, которые неизменно используют труд самозанятых, что и наблюдается в настоящее время в строительной отрасли Великобритании⁹. Фактически такая ситуация может складываться в любой конкурентной отрасли с высокой долей затрат на оплату труда, так как различия в затратах будут определять, какие фирмы останутся в этой отрасли.

Е. Е. Смирнова обобщает известные современной судебной практике признаки подмены трудовых отношений (длительность свыше 3 мес.; заключение договоров лишь с одним заказчиком; однотипность и повторяемость функций, выполняемых физическими лицами для конкретного выгодоприобретателя; одновременная массовая постановка физических лиц, подконтрольных одной организации, на учет в качестве самозанятых и др.). На наш взгляд, заслуживает внимания предложение автора в части создания скоринговой системы – «алгоритма оценки налоговых рисков лица, применяющего НПД» в мобильном приложении «Мой налог», который информировал бы самозанятых о наличии риска подмены трудовых отношений и экономических последствиях участников налоговой схемы [17]. Н. В. Рубан-Лазарева указывает на наличие рисков работы с самозанятыми при достижении определенных количественных показателей в соответствии с Приказом Министерства труда и социальной

⁷ Wickham, James & Bobek, Alicja (2016) Bogus self-employment in the Irish construction industry. 10.13140/RG.2.1.4072.0248.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

защиты Российской Федерации № 40н от 02.02.2024: заключение договоров более чем с 10-ю самозанятыми; среднемесячный размер выплат на самозанятого, превышающий 20 тыс. р.; продолжительность выплат, составляющая более 3 мес. [16]. В то же время следует отметить, что количественные характеристики численности договоров с самозанятыми могут зависеть от размера компании и численности ее сотрудников, а средний размер оплаты – от характера услуги и общего уровня цен. Е. В. Лунева и соавт. рассматривают достаточно распространенную схему, при которой вместо приема на работу с условием об испытательном сроке будущему работнику предлагают сначала заключить гражданско-правовой договор с уплатой НПД вместо НДФЛ [11]. Отражение в первичных документах «должностей» самозанятых, их работа по заранее определенному графику, по мнению Е. Н. Лысенковой, могут быть первыми [но не единственными. – Авт.] признаками подмены трудовых отношений [12].

М. В. Казакова отмечает, что возникает спор о «переквалификации» такого договора и установлении фактических трудовых правоотношений, суды руководствуются положениями тех же норм, которые применяются при рассмотрении споров об установлении факта трудовых правоотношений с гражданами, не имеющими регистрации в качестве самозанятых, и заключившими с фактическим работодателем договор возмездного оказания услуг. Среди них ученый выделяет: ст. 11, 15, 16, 19.1, 56, 67 Трудового кодекса Российской Федерации, а также разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства регулирующего труд работников, работающих у работодателей-физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» [10].

Ю. С. Деткова рассматривает аспекты *организационной, инфраструктурной зависимости, а также особенностей расчетов*, которые могут служить маркерами для идентификации «опасных» отношений, подпадающих под налогово-трудовые [4]. Идентичный набор маркеров мы наблюдаем и в относительно недавних разъяснениях ФНС¹⁰. Заметим, что

в законе их нет, но данная позиция, представляющая собой лишь мнение одной стороны судебного спора, мы зачастую наблюдаем и во многих недавних судебных решениях (дела №№ А35-10624/2022, А45-7788/2024, А69-2620/2024, А09-2092-2024, А60-28456/2024 и др.¹¹). Это может означать то, что набор признаков, предложенный ФНС в комментируемом письме, является в достаточной степени устойчивым и повторяющимся в правоприменительных актах, т.е. образующим некую *квази-нормативно-правовую* конструкцию. Однако является ли приведенный выше перечень признаков полным, точным, если даже в более позднем письме того же ведомства мы видим иной их состав, но уже при полном отсутствии какой-либо классификации и (или) кодификации¹²? Ученые уверены, что наличие последних было бы немаловажным в целях признания методических подходов научными, системными, обоснованными.

А. В. Никитин и соавт. в своей работе приводят, пожалуй, наиболее детализированный перечень, состоящий из *28 (!) признаков*, на основе которых налоговые и правоохранительные органы выявляют факты уклонения от уплаты налогов, страховых взносов, осуществляемого с использованием подмены трудовых отношений гражданско-правовыми в рамках НПД [13]. Кроме тех из них, которые имеют очевидный и бесспорный характер, например, таких как распространение на самозанятого локальных актов работодателя, подчинение плательщика НПД установленному работодателем режиму труда и отдыха и др., исследователь выделяет ряд признаков, которые имеют вероятностный, далеко не бесспорный, а порой даже и *субъективно-оценочный характер*, таких как: обеспечение заказчиком плательщика НПД рабочим местом, спецодеждой, инвентарем, рабочим инструментом, техническими средствами, материалами; совпадение предмета гражданско-правовых договоров с самозанятыми с основным видом деятельности заказчика; возможность привлечения самозанятых к материальной ответственности и др. [там же]. И последнее вызывает вполне обоснованные вопросы у профессионального сообщества, поскольку договорная конструкция выполнения работ

¹⁰ Об оценке налоговых рисков при выборе контрагентов, в частности при привлечении к выполнению работ граждан, применяющих НПД, и о передаче плательщиком НПД чека покупателю (заказчику): Письмо ФНС № АБ-4-20/13183@ от 16.09.2021 // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=206708#FuCfviUm2gTbhdMr> (дата обращения: 09.04.2025).

¹¹ Здесь и далее: авторы используют в работе судебные акты, полученные при исследовании Картотеки арбитражных дел, размещенной на сайте <http://kad.arbitr.ru>.

¹² О направлении информации по проведению мероприятий налогового контроля по НПД: Письмо ФНС № ЕА-4-15/4674 от 15.04.2022 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415304/ (дата обращения: 09.04.2025). Указанный документ выделяет следующие признаки трудовых отношений: достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя; подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности); обеспечение работодателем условий труда и др.

с использованием материалов заказчика гражданским законодательством допускается, равно как и привлечение лица, причинившего ущерб, к гражданско-правовой (по своей сути, материальной) ответственности. Участие субподрядчиков для выполнения работ или оказания услуг в рамках основного вида деятельности генерального подрядчика также формально разрешено нормами права и, более того, используется повсеместно.

А вот понятие «рабочее место» может быть весьма дискуссионным, поскольку для офисного работника оно отождествляется с локацией его постоянного присутствия в рабочее время, оборудованной столом, стулом, компьютером, средствами связи, идеально вписывающимся в рамки трудового законодательства. В то же время для лиц, оказывающих услуги в сфере ЖКХ, которое, по мнению ФНС, оказалось одной из наиболее «уязвимых» отраслей (см. далее), таковым может быть ошибочно признано место собственно оказания услуг – внутридомовая или придомовая территория жилого дома, что, на наш взгляд, уже не может бесспорно и очевидно свидетельствовать о физическом существовании рабочего места как такового, однако данный аспект игнорируется правоприменителем. Кроме того, налоговые органы и суды склонны толковать данный признак расширительно, усматривая наличие рабочего места даже там, где оно фактически работодателем специально и не создавалось, например, в ситуации ... дистанционного и (или) удаленного (!) оказания профессиональных услуг, включая IT, бухгалтерские и т. п. (дело № А69-2620/2024). «Дистанционный формат *разрешен* в рамках трудовых отношений, значит, *это и есть* трудовые отношения». Очевидный логический порок таких рассуждений заключается в том, что дистанционная работа возможна и в рамках гражданско-правовых отношений. Однако такая ошибочная смысловая конструкция очень часто наличествует в позиции налоговых органов и, к сожалению, поддерживается судами.

Об этом как раз и предупреждает А. В. Никитин и соавт., утверждая, что каждый признак сам по себе может и не свидетельствовать о подмене трудовых отношений, но, в совокупности с остальными, сумма признаков уже вполне может перевешивать спор в сторону налоговых органов [13]. В этом кроется и еще одна опасность: ни законодатель, ни правоприменитель не смогли сформулировать точный перечень критериев «истинной» самозанятости, четких отличий ее от трудовых отношений, как и не смогли представить количественно объем критической массы признаков, исходя из которого будет определена правота той

или иной стороны в налоговом споре. А именно это и образует риск неопределенности, крайне опасный для сферы публичных налоговых правоотношений.

Расплывчатое содержание риска может создавать широкую дискрецию в правоприменении и приводить к ошибочным выводам официальных органов, что не обеспечивает важное свойство налогового законодательства – его правовую определенность для участников рынка. С этим выводом соглашаются Д. Бычков и соавт., указывая на то, что неопределенность законодательства, разграничивающего трудовые и гражданско-правовые отношения, создает высокий риск для бизнеса, затрагивая все отрасли, в том числе и те, которые ранее традиционно не были «привязаны» к сугубо трудовым отношениям, например: цифровые платформы и маркетплейсы [15]. Об отсутствии универсальных критериев переквалификации говорит и Н. С. Дмитриевская [5]. Уход в сферу исключительно оценки фактов и выстраивания на их основе судебного решения вне четких законодательно установленных критериев законности схемы может приводить, по Е. В. Тимошиной, к радикальному судебному реализму, при котором суд свободен в установлении смысла толкуемого текста абсолютно произвольно, что свойственно ряду западных стран, но не применимо к российской судебной системе [19].

Анализ правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход, выраженной в судебных актах

Анализ актуальной правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход, выраженной в судебных актах арбитражных судов Российской Федерации, был проведен авторами настоящей статьи на основе банка решений¹³ за период с 01.01.2025 по 11.03.2025. При отборе элементов выборки использовались ключевые слова: «налог» & «профессиональный» & «доход» & «самозанятый» в категории дел «Споры, связанные с применением налогового законодательства» (код 25). Методика отбора отражена на рисунке 3.

Таким образом, на первом этапе было получено 29 судебных актов, из которых в последующем на основе качественного анализа были исключены «выбросы» – решения, не имеющие прямого отношения к изучаемой проблеме. В итоге получено 17 судебных актов, которые были детально изучены авторами. При этом дальнейшее исследование было проведено авторами как на непосредственной основе, так и с помощью искусственного интеллекта в модели GigaChat, отраженного на рисунке 4.

¹³ Банк решений. – URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: с 01.01.2025 по 11.03.2025).

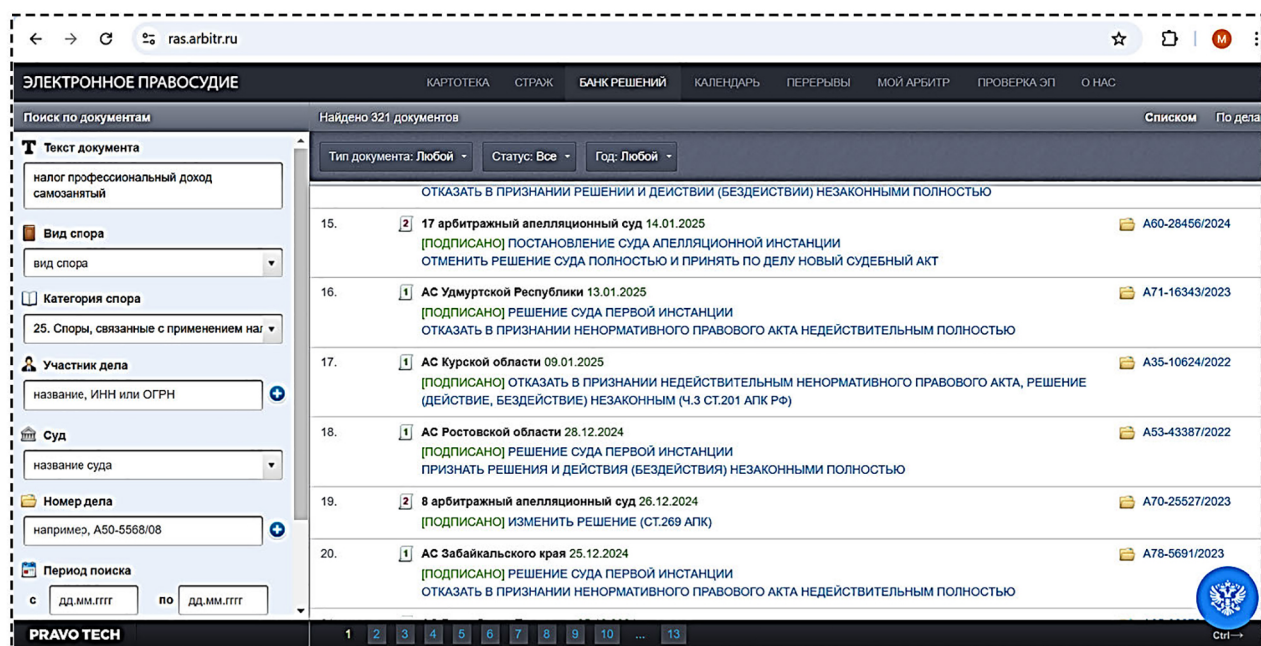

Рисунок 3. Методика отбора для целей анализа правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход

Источник: разработано авторами

1. Скачивание ветки уровней судебных актов (решений, постановлений) на ресурсе <https://ras.arbitr.ru/>.
2. Промт-запрос по пересказу текста документа в модели GigaChat <https://giga.chat/>.
3. Определение того, по каким налогам имеется спор (НДФЛ и (или) страховые взносы).
4. Промт-запрос к выводу значимых аргументов ИФНС.
5. Промт-запрос к значимым контраргументам налогоплательщика.
6. Промт-запрос, почему арбитражный суд вынес именно такое решение (выводы суда).
7. Уточнение запроса (при необходимости).
8. Составление матрицы сводного анализа.
9. Дополнение результатов анализа данными из ЕГРЮЛ и ГИР БО на сайте <https://bo.nalog.ru/> (отрасль, выручка), а также рассчитанными относительными показателями (доля доначислений/выручка).

Рисунок 4. Методика анализа правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход

Источник: разработано авторами

В результате анализа правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход, выраженной в судебных актах арбитражных судов Российской Федерации на основе вышеприведенной методики, были сделаны следующие выводы.

1. Из 17 исследованных судебных актов, принятых за период с 01.01.2025 по 11.03.2025, подавляющее большинство, а именно: 15 (88,2 %) – приняты в пользу налогового органа, и только 2 (11,8 %) – по делам №№ А60-28456/2024, А64-7696/2023 – в поль-

зу налогоплательщика. При этом по первому из них положительное для налогоплательщика решение вынесено по итогам рассмотрения судом апелляционной инстанции, который не согласился с выводами суда первой инстанции. Это соответствует общей тенденции увеличения доли рассматриваемых требований, решения по которым принимаются в пользу налоговых органов, подтвержденной ранее статистическими данными [2].

Достижение такого показателя обусловлено дейст-

вительным увеличением качества работы налоговых органов по сбору доказательственной базы. Например, в решении по делу № А27-14928/2023 приведены технико-экономические расчеты по установлению нормативной потребности в персонале (232 чел.) на общий объем оказанных услуг (выручка от оказания компанией клининговых услуг за 2021 г. составила свыше 148 млн р., при этом было множество объектов). И на основе сравнительного анализа с фактической численностью (2 чел.), детального анализа выполняемых функций, оценки их на предмет однотипности и повторяемости, а также установленных фактов «массовой» регистрации самозанятых, причем с одного мобильного устройства, сделан общий вывод об очевидном злоупотреблении налогоплательщиком нормами права и необоснованном применении им льготного режима НПД исключительно в целях снижения налоговой нагрузки. В удовлетворении требований заявителя было обоснованно отказано.

2. В достаточно сильной степени оказался выражен отраслевой аспект (доначисления косну-

лись, в первую очередь, сфер ЖКХ, строительства и ремонта – 14 из 17 рассмотренных дел, указанных в таблице 1). В данном контексте можно говорить о формировании отраслевого аспекта налогового риска в силу превалирования факторов повторяемости функций, однотипности выполняемых операций, тяжелого физического труда и отсутствия установленных требований к уровню квалификации персонала, что соотносится с теоретическими исследованиями J. Wickham, рассмотренными ранее. Реже на практике встречаются иные «вовлеченные» отрасли (образование, бухгалтерские и IT-услуги). Очевидно, что по мере развития правоприменительной практики налоговые органы будут стремиться к модификации подходов и разработке новых методик к проведению мероприятий налогового контроля именно с учетом специфики разных отраслей, и мы можем получить значительное увеличение налогового риска для оптово-розничного ритейла, маркетплейсов, IT-индустрии, сервиса и туризма и т. д., активно использующих труд самозанятых на постоянной основе.

Таблица 1. «Портрет» заявителя в налоговых спорах, по которым арбитражными судами вынесены решения за период с 01.01.2025 по 11.03.2025

Реквизиты судебного акта	ИНН налогоплательщика	Вид спорных услуг	Вид налоговой проверки	Вид доначисления	Сумма доначислений (налог, взнос), р.	Проверяемый период	Выручка за год, тыс. р.	Доначислено налогов, взносов / выручка за соотв. период, %
А35-9473/2022	4632205377	ЖКХ	камеральная	НДФЛ	59 481	9 мес. 2021	25 376	0,94
А35-7629/2022	4632205377	ЖКХ	камеральная	НДФЛ	84 634	6 мес. 2021	25 376	1,33
А35-9474/2022	4632205377	ЖКХ	камеральная	страховые взносы	85 413	9 мес. 2021	25 376	1,35
А60-28456/2024	6623014027	компьютерные технологии	камеральная	страховые взносы	198 827	12 мес. 2022	16 982	4,68
А35-7630/2022	4632205377	ЖКХ	камеральная	страховые взносы	122 599	3 мес. 2021	25 376	1,93
А35-7806/2023	4632165364	ЖКХ	камеральная	страховые взносы	102 633	6 мес. 2022	40 666	1,01
А07-36497/2023	0278118319	ремонтно-строительные работы	камеральная	страховые взносы	41 145	3 мес. 2022	45 112	0,36
А09-2092/2024	3245503871	ремонт технологического оборудования	камеральная	страховые взносы	11 463 868	12 мес. 2022	1 055 144	4,35
А07-36504/2023	0278118319	ремонтно-строительные работы	камеральная	НДФЛ	19 795	6 мес. 2022	45 112	0,18

Продолжение таблицы 1

Реквизиты судебного акта	ИНН налогоплательщика	Вид спорных услуг	Вид налоговой проверки	Вид доначисления	Сумма доначислений (налог, взнос), р.	Проверяемый период	Выручка за год, тыс. р.	Доначислено налогов, взносов / выручка за соотв. период, %
A69-2620/2024	1701003795	бухгалтерские услуги	камеральная	НДФЛ	77 220	9 мес. 2023	125 128	0,25
A64-7696/2023	6827029529	клининговые услуги	камеральная	НДФЛ, страховые взносы	118 586	9 мес. 2022	11 858	4,00
A27-14928/2023	4205215452	клининговые услуги	камеральная	страховые взносы	7 036 674	2021	148 939	4,72
A45-7788/2024	5407056711	клининговые услуги	выездная	НДФЛ, страховые взносы	17 648 544	9 мес. 2022	124 864	14,13
A35-7475/2022	4632184166	ЖКХ	камеральная	НДФЛ	58 755	6 мес. 2021	25 079	0,94
A35-9475/2022	4632184166	ЖКХ	камеральная	страховые взносы	60 186	9 мес. 2021	25 079	0,96
A54-1195/2023	6229094360	ЖКХ	камеральная	страховые взносы	742 423	2021	42 133	1,76
A35-10624/2022	4632096248	деятельность школ по подготовке водителей автотранспортных средств	камеральная	НДФЛ, страховые взносы	324 634	6 мес. 2021	33 924	3,83

Примечание. Жирным шрифтом выделены номера дел, по которым вынесены судебные акты в пользу налогоплательщика.

Источник: разработано авторами на основе банка решений арбитражных судов, ЕГРЮЛ, ГИР БО

3. *Налоговый риск не зависит от вида налоговой проверки (камеральная или выездная), сумма доначисленных налогов и страховых взносов составляла от 0,18 до 14,13% от суммы выручки за соответствующий период, рассмотренный в таблице 1.* Из этого следует важный вывод о том, что налоговый риск является высоким для всех без исключения налогоплательщиков, использующих труд самозанятых, независимо от масштаба бизнеса, суммы доначислений, количества привлеченных нанимателем самозанятых лиц (от 1 чел. – дело № А69-2620/2024) и т. д.

Подавляющее большинство компаний, которым были доначислены платежи, отвечают критериям отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП). Более того, у всех компаний, кроме одной, наблюдаемый размер выручки составлял менее порогового значения, определенного за-

конодательством для соответствующего налогового периода, что свидетельствовало о возможностях применения ими (при соблюдении остальных условий) упрощенной системы налогообложения. При этом интересно отметить, что относительные выгоды от использования оптимизации налогов с использованием «лжесамозанятых» для компаний на общей системе налогообложения, не являющихся субъектами МСП, оказываются выше. Это связано с двумя аспектами: во-первых, компании, находящиеся на упрощенной системе налогообложения, как правило, в целом имеют более низкий уровень налоговой нагрузки. Во-вторых, для субъектов МСП имеются преференции в части расчета страховых взносов (в полном объеме ежемесячно начисляются и оплачиваются страховые взносы на минимальный размер оплаты труда, умноженный на 1,5, а для превышения действуют льготы).

Для юридических лиц, не являющихся субъектами МСП, подобные льготы начинают действовать только при превышении порогового значения начисленной накопленным итогом с начала года заработной платы сотрудника, причем такое пороговое значение на порядок превосходит полуторный размер минимального размера оплаты труда за соответствующий период.

В таблице 2 приведен условный расчет сравнительных выгод для различных компаний (находящихся на общей системе налогообложения (ОСН) или на упрощенной системе налогообложения (УСН), явля-

ющихся или не являющихся субъектами МСП). Для целей данного расчета предполагается, что компании делают выбор между тем, чтобы выплачивать официальную заработную плату, либо использовать оптимизацию с лжесамозанятыми («лжеСЗ»). В качестве критерия экономической выгоды от использования такой схемы использована разница между отношениями выплат «на руки» к выручке без учета НДС для схемы с использованием лжесамозанятых и без такой агрессивной оптимизации.

Таблица 2. Условный расчет сравнительных выгод компаний от использования различных вариантов, в том числе схемы с лжесамозанятыми

Показатели	Компания на ОСН			Компания на УСН	
	не субъект МСП	субъект МСП	вывод через лжеСЗ	субъект МСП	вывод через лжеСЗ
Выручка с учетом НДС (если применимо)	1 200 000	1 200 000	1 200 000	—	—
НДС (к уплате)	200 000	200 000	200 000	—	—
Выручка-нетто без учета НДС	1 000 000	1 000 000	1 000 000	1 000 000	1 000 000
Закупка услуги у СЗ	—	—	1 000 000	—	1 000 000
Единый налог при УСН (6%)	—	—	60 000	—	60 000
Заработная плата до вычета НДФЛ	769 231	865 175	—	865 175	—
Страховые взносы	230 769	134 825	—	134 825	—
НДФЛ	100 000	112 473	—	112 473	—
Выплата «на руки»	669 231	752 702	940 000	752 702	940 000
Отношение выплат «на руки» к выручке без учета НДС	0,67	0,75	0,94	0,75	0,94
Сравнительная выгода (0,94 – 0,67 = 0,27 и т. д.)	0,27	0,19	—	0,19	—

Допущения: 1) для субъектов МСП применена норма, установленная пп. 17 п. 1 ст. 427 НК РФ, об исчислении пониженного тарифа страховых взносов для плательщиков страховых взносов, признаваемых субъектами малого или среднего предпринимательства в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в отношении части выплат в пользу физического лица, определяемой по итогам каждого календарного месяца как превышение над величиной полуторакратного минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на начало расчетного периода; количество сотрудников, в отношении которых произведены выплаты – 1 чел.; 2) организация, применяющая УСН, не является плательщиком НДС в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 12.07.2024 № 176-ФЗ; 3) страховые взносы, исчисляемые в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 № 125-ФЗ, в расчетах не учитываются ввиду их малозначительности.

Источник: разработано авторами

Как видно из таблицы 2, наибольшую выгоду потенциально могут получать компании на ОСН (плательщики НДС), не являющиеся субъектами МСП. Таковыми являются все крупные компании. Компания на ОСН, не являющаяся субъектом МСП, может экономить до 27% от доходов, которая в последующем может направляться на выплату заработной платы. Если плательщик НДС является субъектом МСП, то его выгода может составить до 19% от доходов, как и для компаний на УСН.

Таким образом, относительная выгода от использования самозанятых для крупных компаний, являющихся плательщиками НДС, выше, однако исходя из данных по судебным делам, рассмотренным в таблице 1, в основном, такие судебные разбирательства касаются компаний с выручкой менее порогового значения (в 2021 г. – 200 млн р.). Вероятно, причина этого заключается в том, что, несмотря на более высокие потенциальные выгоды, крупные компании больше внимания уделяют вопросам минимизации налоговых рисков и склонны отказываться от применения агрессивных методов оптимизации налогообложения.

4. *Содержательный анализ судебных актов за исследуемый период позволил сделать вывод о том, что критерии, признаваемые арбитражными судами при рассмотрении конкретных дел, существенным образом варьируются, при этом единый стандарт доказывания, который был бы разработан на научно обоснованной основе, отсутствует.* При этом, если за основу взять наиболее применимые на практике критерии, установленные в Письме ФНС № АБ-4-20/13183@ от 16.09.2021, то почти в 50% случаев даже они полностью или частично судами не исследованы, что отражается на рисунке 5.

В некоторых делах суды мотивируют свои решения и с помощью иных критериев, например:

- монозаказчик (самозанятые не оказывали аналогичных услуг иным лицам, кроме самого налогоплательщика) (дела №№ А09-2092/2024, А35-7475/2022, А35-7629/2022, А35-9473/2022, А35-9475/2022);
- произошло резкое снижение штатной численности персонала в преддверии начала реализации схемы работы с самозанятыми (А09-2092/2024, А54-1195/2023);
- применялось единое мобильное устройство для регистрации чеков самозанятыми, оказывающими услуги для налогоплательщика (А35-7475/2022, А35-9475/2022). С учетом многообразия критери-

ев, встречающихся в научной и специальной литературе, разъяснениях ФНС, судебной практике, по мнению авторов, требуется разработка научно обоснованного, единого стандарта доказывания, целью которого было бы установление четкого, систематизированного и кодифицированного их перечня, анализ которых был бы обязательным для правоприменительных органов при принятии ими решений в отношении налогоплательщиков.

Следует отметить, что такой важный критерий, как наличие у самозанятых предпринимательского риска, свойственного основным началам гражданского законодательства в условиях развитой рыночной экономики, во многих случаях вообще не исследовался судами. В представленной выборке лишь в одном деле № А45-7788/2024 он упоминается в качестве критерия, послужившего основой для итогового вывода арбитра. Между тем, в зарубежной практике рассмотрения аналогичных судебных дел¹⁴ именно данный аргумент пересилил остальные при рассмотрении аналогичных споров.

По мнению авторов, стандарт доказывания мог бы включать в себя следующие разделы:

1. *Наличие/отсутствие предпринимательского характера деятельности, основанного на риске (в зависимости от видов рисков, свойственных конкретной отрасли), и определение того, кто в наибольшей степени принимает на себя риски: наниматель или самозанятый.* (Самозанятые как активные участники рынка должны принимать на себя значительную часть рисков, свойственных предпринимательской деятельности с учетом специфики отрасли.) Повторимся: это основной и наиболее важный критерий, который в первую очередь должен рассматриваться в спорных ситуациях.
2. *Владение активами, необходимыми для осуществления деятельности в качестве самозанятого:* определение того, в чьих руках сосредоточены основные активы (имущество), необходимые для осуществления деятельности. (Самозанятые, будучи самостоятельными экономическими субъектами, должны обладать средствами труда на праве собственности или ином вещном праве.)
3. *Соответствие размера вознаграждения самозанятого за выполнение работ / оказание услуг рыночному, как если бы работа (услуга) выполнялась (оказывалась) независимым лицом на рынке.* (В условиях фиктивной самозанятости размер вознаграждения с учетом объема принимаемых рисков /

¹⁴ Judgment on a Preliminary Issue Employment Tribunals Case No. 2410722/2019 held at Manchester on 11 March 2020. – URL: <https://www.litrg.org.uk/sites/default/files/files/LITRG-case-MGorman-v-Terence-Paul.pdf> (accessed: 01.03.2025); Mitchell & Another v. HMRC (2011) UKFTT 172 (TC) (15 March 2011). – URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKFTT/TC/2011/TC01041.html> (accessed: 01.03.2025); RS Dhillon and GP Dhillon Partnership v. HMRC (2017) UKFTT 17 (TC) (3 January 2017). – URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKFTT/TC/2017/TC05583.html> (accessed: 01.03.2025).

Номер арбитражного дела	1. Организационная зависимость «плательщика НПД» от своего «Заказчика», то есть:				2. Инфраструктурная зависимость «плательщика НПД» от «Заказчика», то есть «плательщик НПД» выполняет работу полностью материалами инструментами и оборудованием «Заказчика»	3. Порядок оплаты услуг «плательщику НПД» и учет оказываемых услуг аналогичен порядку, установленному Трудовым кодексом Российской Федерации
	1.1) регистрация физического лица в качестве плательщика НПД – обяза- тельно условие «Заказ- чика	1.2) «Заказчик» распределяет «плательщиков НПД» по объектам (маршрутам), исходя из производственной необходимости	1.3) «Заказчик» определяет режим работы «плательщика НПД», в том числе продолжительность рабочего дня (смены), время отдыха	1.4) работник «Заказчика» непосредственно руководит и контролирует работу «плательщика НПД» на объекте (администраторы объектов)		
A35-9473/2022						
A35-7629/2022						
A35-9474/2022						
A60-28456/2024						
A35-7630/2022						
A35-7806/2023						
A07-36497/2023						
A09-2092/2024						
A07-36504/2023						
A69-2620/2024						
A64-7696/2023						
A27-14928/2023						
A45-7788/2024						
A35-7475/2022						
A35-9475/2022						
A54-1195/2023						
A35-10624/2022						

Рисунок 5. Анализ обоснованности судебных актов на основе критериев, установленных в Письме ФНС № АБ-4-20/13183@ от 16.09.2021 (залив-кой выделены судебные акты, в которых, по мнению авторов, критерий рассмотрен судом)

Источник: разработано авторами

имеющихся активов / выполняемых функций, будет существенно отклоняться от рыночного¹⁵.)

4. *Наличие признаков трудовых отношений*: график работы (ограничения распоряжения временем); рабочее место; размер оплаты труда; периодичность выплат; регламенты (в том числе должностные инструкции); контроль со стороны вышестоящего руководителя (отношения подчиненности).

5. *Наличие признаков подконтрольности, а также мнимых фактов хозяйственной жизни*¹⁶, в том числе фактов побуждения к регистрации в качестве самозанятых и (или) осуществление части функций (например, по выдаче чеков) за самозанятых самим нанимателем.

6. *Количественные критерии*, требующие отдельной проработки. Как было отмечено выше, Н. В. Рубан-Лазарева указывает на наличие рисков работы с самозанятыми при достижении определенных количественных показателей в соответствии с Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 40н от 02.02.2024: заключение договоров более чем с 10-ю самозанятыми; среднемесячный размер выплат на самозанятого, превышающий 20 тыс. р.; продолжительность выплат, составляющая более 3 мес. [16]. Авторы настоящей статьи предлагают использовать для указанных целей не абсолютные, а относительные показатели, к примеру, такие как «превышение значения, равного не более 1 самозанятого на 50 трудоустроенных сотрудников в одной организации» или «размер выплат самозанятых, превышающий медианный уровень среднемесячной заработной платы по соответствующему региону и соответствующему виду экономической деятельности налогоплательщика». Разработка системы количественных показателей, которые могут быть

положены в основу матрицы рисков, может быть основой для будущих научных исследований.

Заключение

Анализ правоприменительной практики по налогу на профессиональный доход в научной и специальной литературе, а также решениях арбитражных судов, выполненный авторами настоящего исследования, выявил широкую дискрецию признаков, которые могут служить основой для выводов об обоснованности применения налогоплательщиками в исследуемых отношениях механизмов налоговой оптимизации. Кроме того, установлено отсутствие единых подходов судебными органами при исследовании фактических обстоятельств дела. В результате обобщения российского и зарубежного опыта разработан рекомендуемый к использованию налогоплательщиками, а также правоприменительными органами единый стандарт доказывания, состоящий из шести групп критериев и (или) показателей, который призван обеспечить правовую определенность в вопросах налогообложения доходов, получаемых самозанятыми, что особенно важно в условиях публично-правовой сферы бюджетно-налогового регулирования. Научную ценность представляет изучение феномена самозанятости через призму публично-налогово-правового регулирования в целях выработки критериев обоснованной налоговой оптимизации. Дальнейшие исследования авторов могут быть связаны с разработкой количественных показателей, которые могут быть положены в основу матрицы налоговых рисков, а также положений налогового законодательства в целях устранения выявившейся неопределенности.

Литература

1. Головин М. Ю., Лыкова Л. Н., Букина И. С. Реакция денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики России на вызовы глобализации // *Финансы: теория и практика*. – 2017. – Т. 21, № 5(101). – С. 6–21.
2. Городилов М. А. Правовая определенность как атрибут налоговых отношений // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2022. – № 3. – С. 10–19. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-10>. – EDN: GCOGOE.
3. Демин А. В. Принцип определенности налогообложения: монография. – М.: Статут, 2015. – 368 с.
4. Деткова Ю. С. Налоговые риски и последствия при подмене трудовых договоров // *Инновации и инвестиции*. – 2024. – № 8. – С. 443–445. – EDN: GKQVVL.
5. Дмитриевская Н. С. Риски заключения гражданско-правовых договоров с самозанятыми при фактиче-

¹⁵ Именно такой подход предусмотрен в Руководстве ОЭСР по трансфертному ценообразованию для транснациональных корпораций и налоговых органов (OECD Transfer Pricing Guidelines for Multinational Enterprises and Tax Administrations. Organization For Economic Co-Operation And Development, 2010. 375 p.), которое лежит в основе правил определения цен в сделках между взаимозависимыми лицами, предусмотренных разделом V.1 Налогового кодекса Российской Федерации. *Примеч. авт.*

¹⁶ Под мнимым объектом бухгалтерского учета понимается несуществующий объект, отраженный в бухгалтерском учете лишь для вида (в том числе неосуществленные расходы, несуществующие обязательства, не имевшие места факты хозяйственной жизни. См.: Федеральный закон № 402-ФЗ от 06.12.2011 «О бухгалтерском учете» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 10.04.2025). *Примеч. авт.*

ском наличии трудовых отношений // Трансформация гражданского права в цифровую эпоху: Сборник докладов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону-Таганрог, 17 декабря 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. – 2022. – С. 108–112. – EDN: HLLYWR.

6. Ершова И. В., Лаптев В. А., Тарасенко О. А. Феномен самозанятости: к пятилетнему юбилею правового режима // Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 34–47. – <https://doi.org/10.31857/S102694520021329-2>. – EDN: EOCIVG.

7. Ингман Н. И. Проблемные аспекты взаимодействия юридических лиц с плательщиками налога на профессиональный доход // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. – С. 170–172. – <https://doi.org/10.23672/t8497-8449-9562-x>. – EDN: BPXBTP.

8. Житаев В. В. Противодействие использованию статуса налогоплательщик налога на профессиональный доход в целях уклонения от уплаты налогов // Финансовые рынки и банки. – 2024. – № 5. – С. 396–401. – EDN: FJLIA.

9. Зайцева Л. В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 446. – С. 212–222. – <https://doi.org/10.17223/15617793/446/28>. – EDN: WDIMHR.

10. Казакова М. В. О некоторых вопросах рассмотрения судами трудовых споров с участием самозанятых // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 218–223. – <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-5-218-223>. – EDN: OCRQCU.

11. Лунева Е. В., Матвеев П. А. Налоговые риски для хозяйствующего субъекта при заключении гражданско-правовых сделок с самозанятыми лицами // Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 26 ноября 2021 года. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. – С. 52–56. – EDN: VODENM.

12. Лысенкова Е. Н. К вопросу об оформлении трудовых отношений с самозанятыми // Человек. Социум. Общество. – 2022. – № 12. – С. 87–92. – EDN: ZBRRHO.

13. Никитин А. В., Ступницкий А. Е. Отдельные аспекты выявления уклонения от уплаты налогов, страховых взносов, осуществляемого с использованием подмены трудовых отношений гражданско-правовыми // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции, Иркутск, 23–24 мая 2024 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2024. – С. 102–107. – EDN: WOIEHE.

14. Пономарева К. А., Батарин А. А., Шаталов С. Д. Налог на профессиональный доход: дискуссионные вопросы с точки зрения субъектного состава налогового режима // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. – 2024. – № 1. – С. 34–45. – <https://doi.org/10.55959/MSU2413-631X-27-15-1-03>. – EDN: YAOAVM.

15. Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости / Д. Бычков [и др.] // Экономическая политика. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 60–83. – <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-4-60-83>. – EDN: RFVSAK.

16. Рубан-Лазарева Н. В. Практика налогообложения доходов и использования труда самозанятых // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 12–1. – С. 124–130. – <https://doi.org/10.17513/vaael.3875>. – EDN: LYISNL.

17. Смирнова Е. Е. Оценка налоговых рисков лиц, применяющих налог на профессиональный доход // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 260–264. – <https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-2-260-264>. – EDN: URWVVE.

18. Султанов Г. Р. Самозанятость в Республике Дагестан. Проблемы и общие тенденции развития специального налогового режима «налог на профессиональный доход» // Российский экономический интернет-журнал. – 2024. – № 1. – EDN: JGQPPW.

19. Тимошина Е. В. Методология судебного толкования: критический анализ реалистического подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 72–102. – EDN: YSLVPT.

20. Barnard C., Georgiou D. (2023). Self-employment in UK law. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Iuridica*. Vol. 103. pp. 97–119. – <https://doi.org/10.18778/0208-6069.103.03>. (In Eng.).

21. Faioli M., Ales E. (2010). Self-Employment and Bogus Self-Employment in the European Construction Industry. *SSRN Electronic Journal*. pp. 1–14. – <https://doi.org/10.2139/ssrn.1588005>. (In Eng.).

22. Moran A. (2024) Bogus Self-Employment in the Construction Sector and the Posting of Workers From the Slovak Republic. *Prognostické Práce* Vol. 16, No. 1, pp. 06–31. – <https://doi.org/10.31577/PPFAR.2024.16.002>. (In Eng.).

References

1. Golovnin, M. Yu., Lykova, L. N., Bukina, I. S. (2017) [Response of Russia's Monetary and Fiscal Policy to the Challenges of Globalization]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice]. Vol. 21, No. 5 (101), pp. 6–21. (In Russ.).
2. Gorodilov, M. A. (2022) [Legal Certainty as an Attribute of Tax Relations]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 10–19. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-10>. (In Russ.).
3. Demin, A. V. (2015) *Printsip opredelennosti nalogooblozheniya* [The Principle of Certainty of Taxation]. M.: Statut, 368 p.
4. Detkova, Yu. S. (2024) [Tax risks and consequences of substitution of employment contracts]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. Vol. 8, pp. 443–445. (In Russ.).
5. Dmitrievskaya, N. S. (2022) [Risks of concluding civil law contracts with the self-employed in the actual presence of labor relations]. *Transformatsiya grazhdanskogo prava v tsifrovuyu epokhu: Sbornik dokladov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Transformation of civil law in the digital age: Collection of reports based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Rostov-on-Don-Taganrog, December 17, 2021. Rostov-on-Don: Southern Federal University, pp. 108–112. (Russ.).
6. Ershova, I. V., Laptev, V. A., Tarasenko, O. A. (2023) [The Phenomenon of Self-Employment: On the Fifth Anniversary of the Legal Regime]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. Vol. 1, pp. 34–47. – <https://doi.org/10.31857/S102694520021329-2>. (In Russ.).
7. Ingman, N. I. (2022) [Problematic Aspects of Interaction between Legal Entities and Payers of Professional Income Tax]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences]. Vol. 1, pp. 170–172. – <https://doi.org/10.23672/t8497-8449-9562-x>. (In Russ.).
8. Zhitaev, V. V. (2024) [Counteracting the Use of the Status of Taxpayer of Professional Income Tax for the Purpose of Tax Evasion]. *Finansovyye rynki i banki* [Financial Markets and Banks]. Vol. 5, pp. 396–401. (In Russ.).
9. Zaitseva, L. V. (2019) [Economically Dependent Self-Employed Persons: Differences in National Approaches to Determining Legal Status]. *Vestn. Tom. gos. un-ta* [Bulletin of Tomsk State University]. Vol. 446, pp. 212–222. – <https://doi.org/10.17223/15617793/446/28>. (In Russ.).
10. Kazakova, M. V. (2023) [On Some Issues of Consideration by Courts of Labor Disputes Involving the Self-Employed]. *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law]. Vol. 5, pp. 218–223. – <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-5-218-223>. (In Russ.).
11. Luneva, E. V., Matveev, P. A. (2022) [Tax risks for an economic entity when concluding civil-law transactions with self-employed persons]. *Transformatsiya natsional'noy sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy Rossii: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 26 noyabrya 2021 goda* [Transformation of the national socio-economic system of Russia: Proceedings of the IV International scientific and practical conference, Moscow, November 26, 2021]. M.: Russian State University of Justice, pp. 52–56. (In Russ.).
12. Lysenkova, E. N. (2022) [On the issue of formalizing labor relations with the self-employed]. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Man. Society. Society]. Vol. 12, pp. 87–92. (In Russ.).
13. Nikitin, A. V., Stupnitsky, A. E. (2024) [Certain aspects of identifying tax and insurance premium evasion carried out through the substitution of labor relations for civil ones]. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: Sbornik materialov XXIX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Irkutsk, 23–24 maya 2024 goda* [Activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXIX international scientific and practical conference, Irkutsk, May 23–24, 2024]. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 102–107. (In Russ.).
14. Ponomareva, K. A., Batarin, A. A., Shatalov, S. D. (2024) [Tax on professional income: controversial issues from the point of view of the subject composition of the tax regime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyy audit* [Bulletin of Moscow University. Series 26: State audit]. Vol. 1, pp. 34–45. – <https://doi.org/10.55959/MSU2413-631X-27-15-1-03>. (In Russ.).
15. Bychkov, D., et al. (2024) [Advantages and risks of self-employment and platform employment]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy]. Vol. 19, No. 4, pp. 60–83. – <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-4-60-83>. (In Russ.).
16. Ruban-Lazareva, N. V. (2024) [Practice of taxation of income and use of labor of the self-employed]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. Vol. 12–1, pp. 124–130. – <https://doi.org/10.17513/vaael.3875>.
17. Smirnova, E. E. (2024) [Assessment of tax risks of persons applying the tax on professional income]. *Problemy*

ekonomiki i yuridicheskoy praktiki [Problems of Economics and Legal Practice]. Vol. 20, No. 2, pp. 260–264. – <https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-2-260-264>. (In Russ.).

18. Sultanov, G. R. (2024) [Self-employment in the Republic of Dagestan. Problems and general trends in the development of the special tax regime «tax on professional income»]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal* [Russian Economic Internet Journal]. Vol. 1. (In Russ.).

19. Timoshina, E. V. (2018) [Methodology of judicial interpretation: a critical analysis of the realistic approach]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 13, No. 1, pp. 72–102. (In Russ.).

20. Barnard, C., Georgiou, D. (2023) Self-employment in UK law. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Iuridica*. Vol. 103, pp. 97–119. – <https://doi.org/10.18778/0208-6069.103.03>. (In Eng.).

21. Faioli, M., Ales, E. (2010) Self-Employment and Bogus Self-Employment in the European Construction Industry. *SSRN Electronic Journal*, pp. 1–14. – <https://doi.org/10.2139/ssrn.158>. (In Eng.).

22. Moran, A. (2024) Bogus Self-Employment in the Construction Sector and the Posting of Workers From the Slovak Republic. *Prognostické Práce*. Vol. 16, No. 1, pp. 06–31. – <https://doi.org/10.31577/PPFAR.2024.16.002>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Михаил Анатольевич Городилов, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой учета, аудита и экономического анализа, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4609-4888, **Researcher ID:** N-9977-2016

e-mail: gorodilov59@yandex.ru

Илья Николаевич Гуров, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0003-4057-9101, **Researcher ID:** AFZ-0588-2022

e-mail: ingurov@mail.ru

Никита Алексеевич Кустов, ассистент кафедры финансов, кредита и биржевого дела, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

ORCID iD: 0000-0001-8893-5940, **Researcher ID:** RID-105309

e-mail: parolaks@yandex.ru

Вклад соавторов:

Городилов М. А. – 40 %,

Гуров И. Н. – 30 %,

Кустов Н. А. – 30 %.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Mikhail Anatolyevich Gorodilov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Accounting, Auditing and Economic Analysis, Perm State National Research University, Perm, Russia

ORCID iD: 0000-0002-4609-4888, **Researcher ID:** N-9977-2016

e-mail: gorodilov59@yandex.ru

Ilya Nikolaevich Gurov, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0003-4057-9101, **Researcher ID:** AFZ-0588-2022

e-mail: ingurov@mail.ru

Nikita Alekseevich Kustov, assistant of the Department of Finance, Credit and Exchange Business, Perm National Research University, Perm, Russia

ORCID iD: 0000-0001-8893-5940, **Researcher ID:** RID-105309

e-mail: parolaks@yandex.ru

Contribution of the authors:

Gorodilov M. A. – 40%,

Gurov I. N. – 30%,

Kustov N. A. – 30%.

There is no conflict of interest.

The paper was submitted: 15.06.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ И АЗИАТСКИХ СТРАНАХ В 2023–2025 ГОДАХ

И. Ю. Мерзлов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
e-mail: imerzlov@ya.ru

Аннотация. Настоящая статья представляет собой комплексный сравнительный анализ ключевых тенденций в сфере государственно-частного партнерства (ГЧП), наблюдавшихся в европейских и азиатских странах в период 2023–2025 годов. Данный временной отрезок характеризуется уникальным сочетанием глобальных вызовов, включая необходимость завершения постпандемического восстановления, обострение климатического кризиса, геополитическую нестабильность и ускорение цифровой трансформации, которые оказывают дифференцированное воздействие на модели ГЧП в исследуемых регионах. Основываясь на системном анализе данных авторитетных международных организаций (Европейская Комиссия, Европейский инвестиционный банк (EIB), Азиатский банк развития (ADB), ОЭСР, Всемирный банк), национальных стратегических документов ключевых стран (Германия, Франция, Великобритания, Скандинавия, Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, АСЕАН) и рецензируемых академических публикаций, исследование выявляет существенную дивергенцию в приоритетах, механизмах реализации и фокусировке проектов ГЧП.

Исследование демонстрирует, что европейский подход к ГЧП в указанный период все более концентрируется на роли партнерств как катализатора глубокой структурной трансформации, направленной на достижение климатической нейтральности и цифровизацию общества. Это выражается в доминировании «зеленых» ГЧП (возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и циркулярная экономика), проектов цифровой и социальной инфраструктуры, внедрении жестких регуляторных требований к ESG-отчетности и устойчивости жизненного цикла, а также в использовании специализированных финансовых инструментов («зеленые» облигации и смешанное финансирование). В противоположность этому, азиатская модель ГЧП сохраняет фокус на использовании партнерств как инструмента ускоренного экономического роста и преодоления инфраструктурного дефицита. Это проявляется в приоритете крупномасштабных транспортных и энергетических мегапроектов (включая традиционные источники энергии), активном развитии «умных городов» и цифровой инфраструктуры, внедрении инновационных финансовых моделей (InvIT, REIT) и адаптивных регуляторных реформ, направленных на ускорение процессов. При этом интеграция с ESG-принципами остается опциональной.

Статья направлена на восполнение дефицита сравнительных исследований современных трендов ГЧП на межрегиональном уровне. Результаты представленной работы имеют практическое значение для формирования адаптивных стратегий ГЧП, способных отвечать как на глобальные вызовы устойчивого развития, так и на специфические региональные потребности.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП), инфраструктура, устойчивое развитие, «зеленая» энергетика, цифровизация, инвестиции.

Для цитирования: Мерзлов И. Ю. Сравнительный анализ тенденций государственно-частного партнерства в европейских и азиатских странах в 2023–2025 годах // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 40–50. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-40>.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP TRENDS IN EUROPEAN AND ASIAN COUNTRIES IN 2023–2025

I. Y. Merzlov

Perm State National Research University, Perm, Russia
e-mail: imerzlov@ya.ru

Abstract. This article presents a comprehensive comparative analysis of key trends in the field of public-private partnerships (PPP) observed in European and Asian countries during the period 2023–2025. This timeframe is characterized by a unique combination of global challenges, including the need to complete post-pandemic recovery, the intensification of the climate crisis, geopolitical instability, and accelerated digital transformation, all of which have a differentiated impact on PPP models in the studied regions.

Based on a systematic analysis of data from authoritative international organizations (European Commission, European Investment Bank (EIB), Asian Development Bank (ADB), OECD, World Bank), national strategic documents of key countries (Germany, France, United Kingdom, Scandinavia, China, India, Japan, South Korea, Singapore, ASEAN), and peer-reviewed academic publications, the study reveals significant divergence in priorities, implementation mechanisms, and focus areas of PPP projects.

The research demonstrates that the European approach to PPP during this period increasingly focuses on partnerships as a catalyst for deep structural transformation aimed at achieving climate neutrality and digitalization of society. This is reflected in the dominance of «green» PPP projects (renewable energy sources and circular economy), digital and social infrastructure projects, the introduction of stringent regulatory requirements for ESG reporting and lifecycle sustainability, as well as the use of specialized financial instruments («green» bonds and blended finance).

In contrast, the Asian PPP model maintains a focus on using partnerships as a tool for accelerated economic growth and overcoming infrastructure deficits. This manifests in the priority of large-scale transport and energy megaprojects (including traditional energy sources), active development of smart cities and digital infrastructure, implementation of innovative financial models (InvIT, REIT), and adaptive regulatory reforms aimed at speeding up processes. Integration with ESG principles remains optional in this model.

The article aims to fill the gap in comparative studies of modern PPP trends at the interregional level. The results have practical significance for shaping adaptive PPP strategies capable of responding to both global sustainable development challenges and specific regional needs.

Keywords: public-private partnership (PPP), infrastructure, sustainable development, green energy, digitalization, investments.

Cite as: Merzlov, I. Y. (2025) [Comparative analysis of public-private partnership trends in European and Asian countries in 2023–2025]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 40–50. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-40>.

Введение

Государственно-частное партнерство (ГЧП) становится все более распространенным механизмом для развития инфраструктуры по всему миру. Сотрудничество между государственным и частным секторами позволяет объединять ресурсы, опыт и знания для реализации проектов, имеющих важное значение для экономического и социального развития [21]. В условиях растущего спроса на качественную инфраструктуру и ограниченности государственных бюджетов, ГЧП рассматривается рядом авторов как эффективный инструмент для привлечения частных инвестиций и повышения эффективности реализации соответствующих инвестиционных проектов [1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена ключевой ролью ГЧП в преодолении инфраструктурных инвестиционных разрывов и продвижении целей устойчивого развития, особенно на фоне формирования дивергентных политических траекторий европейских и азиатских государств при общности глобальных вызовов. Если Европейский Союз делает акцент на нормативно-правовой гармонизации в рамках «Европейского зеленого курса» (*European*

Green Deal), то азиатские экономики сохраняют приоритет роста через реализацию мегапроектов в традиционных для инфраструктуры направлениях: транспортная доступность и энергетика. Данная социо-экономическая дихотомия требует глубокого сравнительного анализа для понимания ее краткосрочных последствий и влияния на долгосрочную устойчивость развития.

Анализ современного состояния научного знания выявляет существенные пробелы в изучении региональных различий. Фундаментальные работы *Hodge & Greve* предлагают теоретические основы управления ГЧП, однако преимущественно фокусируются на кейсах отдельных регионов, игнорируя сравнительную динамику [7]. Секторальное исследование *Blanc-Brude u др.*, посвященное анализу европейских проектов ГЧП, содержит ценные технические инсайты, но не проводит сравнительный анализ с другими макрорегионами [3]. И наоборот, анализ *Yang u др.* в отношении проектов ГЧП, реализованных в ряде стран Юго-Восточной Азии, лишен системного сопоставления с европейскими регуляторными инновациями [26]. Кросс-национальные оценки международных организаций развития, таких как Мировой банк, при всей их комплекс-

ности, носят скорее описательный характер, нежели критически анализируют глубинные различия экономико-управленческих подходов реализации проектов ГЧП [19]. В этом контексте остаются нерешенными следующие значимые исследовательские вопросы:

- недостаточная изученность дивергентных моделей управления проектами ГЧП, основанных на концепции устойчивого развития в Европе и традиционной модели экономического роста в азиатском макрорегионе.

- Ограниченный сравнительный анализ эффективности интеграции принципов ESG в различных регуляторных средах.

- Пренебрежение влиянием геополитических факторов на модели транснационального финансирования ГЧП.

Целью данной статьи является проведение комплексного сравнительного анализа тенденций применения ГЧП в Европе и Азии в последние годы, включая выявление ключевых характеристик проектов ГЧП и подходов к их управлению. Результаты исследования позволят выявить общие черты и различия в подходах к применению ГЧП в двух макрорегионах, а также определить возможные направления для дальнейших научных исследований.

Объектом исследования выступают тенденции применения государственно-частного партнерства (ГЧП) в европейских и азиатских странах (под последними в рамках данного исследования понимаются страны, входящие в макрорегион «Восточная Азия и Тихоокеанский бассейн (EAP)»).

Методы и материалы

Настоящее исследование базируется на комплексной методологии, основанной на качественном и количественном анализе литературы, основу которой составили документы и данные из нескольких взаимодополняющих категорий источников. Во-первых, это отчеты и аналитические материалы авторитетных международных организаций, включая Европейскую Комиссию, Европейский инвестиционный банк (EIB), Европейский центр экспертов в области ГЧП (EPEC), Азиатский банк развития (ADB), Всемирный банк и Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Во-вторых, были проанализированы национальные стратегические документы и законодательные акты ключевых стран в каждом макрорегионе (например, Германия, Франция, Великобритания, скандинавские страны – для Европы; Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Индонезия – для Азии). При этом уделялось особое внимание планам развития инфраструктуры, «зеленым» переходам и устой-

чивому развитию. В-третьих, проанализированы рецензируемые академические публикации в сфере развития инфраструктуры и реализации проектов ГЧП. В-четвертых, использовались данные специализированных баз проектов ГЧП [16; 9]. Сравнительный анализ фокусировался на ключевых аспектах: приоритетных секторах инвестиций, интеграции принципов устойчивости (ESG), роли цифровых технологий, применяемых моделях финансирования и распределения рисков, а также особенностях регуляторных сред.

Результаты и их обсуждение

Концептуализация государственно-частного партнерства. Единое определение государственно-частного партнерства в научной литературе отсутствует [24]. Различные организации и исследователи предлагают свои интерпретации, отражающие многогранность и сложность этого явления. Так, Европейская комиссия определяет ГЧП как «передачу частному сектору инвестиционных проектов, которые традиционно выполнялись или финансировались государственным сектором» [4]. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (*United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD*) рассматривает ГЧП как «совместное предприятие между государственным и частным секторами, основанное на опыте каждого партнера, которое наилучшим образом удовлетворяет четко определенные общественные потребности посредством надлежащего распределения ресурсов, рисков и вознаграждений» [25]. Азиатский банк развития (ADB) определяет ГЧП как «долгосрочный контракт между частной стороной и государственным учреждением на предоставление государственного актива или услуги, в котором частная сторона несет значительный риск и управленческую ответственность, а вознаграждение связано с результатами деятельности» [17]. Российское законодательство даёт следующее определение: «Государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, ра-

бот, услуг и повышения их качества»¹.

Несмотря на разнообразие определений, можно выделить ключевые характеристики, присущие большинству моделей ГЧП. К ним относятся долгосрочный характер соглашения, сотрудничество между государственным и частным секторами, разделение рисков и вознаграждений, привлечение частного финансирования, а также предоставление активов, принадлежащих государству [8]. В реализации проектов ГЧП часто участвуют специально создаваемые проектные компании (*Special Purpose Vehicles, SPVs*). Существуют различные типы ГЧП-контрактов, такие как «Строительство-Эксплуатация-Передача права собственности» (*BOT*), «Строительство-Передача права собственности-эксплуатация» (*BOO*), «Проектирование-Строительство-Финансирование-Эксплуатация» (*DBFO*) [14].

Правительства используют ГЧП по ряду причин, в том числе для привлечения частного капитала и экспертизы в реализации сложных инфраструктурных проектов, повышения эффективности и экономии бюджетных средств, ускорения сроков реализации проектов, передачи части рисков частному инвестору и возможности использовать внебюджетное финансирование [12]. Частный сектор, в свою очередь, заинтересован в устойчивом долгосрочном получении прибыли от управления такими проектами и, соответственно, возврате инвестированного капитала [20].

Такое разнообразие определений и мотиваций подчеркивает, что подходы к ГЧП могут существенно различаться в зависимости от региональных и национальных особенностей.

Ландшафт и тенденции государственно-частного партнерства в европейских странах. В Европе в 2024 году стоимость рынка проектов ГЧП оценивалась в 11,47 млрд евро. По сравнению с 2023 годом – это меньше на 17%. При этом произошло незначительное увеличение количества проектов, достигших финансового закрытия (39 проектов в 2024 году против 38 в 2023 году). Средний размер сделки уменьшился до 294 млн евро (с 367,7 млн евро в 2023 году). В 2024 году 11 стран заключили хотя бы один проект ГЧП, в 2023 году таких стран было 13. Греция стала крупнейшим европейским рынком по стоимости проектов ГЧП (3,3 млрд евро) благодаря проекту строительства Афинской кольцевой автодороги. По количеству лидером стала Бельгия с девятью проектами. В более чем 60% заключенных сделок в структуре финансирования использовалось привлечение

бюджетных денег, как правило, на основе платежей за эксплуатационную готовность [11].

В 2024 году наибольший объем сделок по их стоимости (более 6,8 млрд евро) был реализован в транспортном секторе, включая крупные проекты по строительству и реконструкции автомагистралей в Бельгии, Испании и Греции, а также железнодорожные проекты во Франции и проект городской легкорельсовой дороги в Италии. Сфера образования стала лидером по количеству проектов – 15 сделок, включая развитие университетских кампусов в Италии, студенческих общежитий во Франции и Великобритании, а также школьных учреждений в Бельгии. В здравоохранении также наблюдался заметный рост объема проектов по их стоимости, достигший 873 млн евро. В сравнении с предыдущими периодами важно отметить увеличение количества проектов в секторах охраны окружающей среды, отдыха и культуры, что указывает на расширение применения модели ГЧП за рамками традиционных инфраструктурных отраслей [11].

Европейская модель ГЧП в рассматриваемый период претерпевает значительную трансформацию, обусловленную, в первую очередь, амбициозной политикой «Европейского зеленого курса» (*European Green Deal*) и реализацией программы *Next Generation EU*. Доминирующим трендом стал выраженный фокус на так называемых «зеленых ГЧП» (*Green PPPs*). Это проявляется в концентрации усилий на проектах, непосредственно способствующих декарбонизации экономики – таких как развитие морской ветроэнергетики (особенно в акватории Северного моря), создание водородной инфраструктуры (включая производство, транспортировку и заправочные станции), модернизация электросетей для интеграции возобновляемых источников энергии, а также внедрение принципов циркулярной экономики (например, проекты по переработке отходов и повторному использованию воды). Соответствие проектов критериям Таксономии устойчивого финансирования ЕС стало ключевым фактором их оценки и отбора [22].

Как было отмечено ранее, параллельно сохраняется устойчивый интерес к ГЧП в секторе социальной инфраструктуры, прежде всего в здравоохранении (строительство и модернизация больниц с акцентом на цифровые технологии) и образовании (создание «умных» кампусов), а также в развитии социального жилья. При этом цифровизация инфраструктурных решений – таких как сети 5G, центры обработки данных, интеллектуальные транспортные системы – перестала быть

¹ Федеральный закон 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 14.07.2025).

отдельным направлением и превратилась в неотъемлемый компонент большинства проектов ГЧП в Европе.

Важной характеристикой европейского подхода является последовательное ужесточение требований к прозрачности и отчетности в области ESG (экологических, социальных аспектов и корпоративного управления), с особым вниманием к климатическим рискам и социальному воздействию проектов. Акцент сместился на анализ всего жизненного цикла проекта и обеспечение его долгосрочной устойчивости. Это сопровождается усилением институционального потенциала через развитие национальных центров компетенций по ГЧП, внедрение стандартизированных контрактных моделей (например, адаптаций форм FIDIC с включением специальных ESG-приложений) и более тщательным управлением рисками на ранних стадиях, включая анализ экономической эффективности (*Value for Money, VfM*) с обязательным учетом факторов устойчивости [6].

В сфере финансирования наблюдается рост значимости специализированных инструментов, таких как «зеленые» облигации и кредиты, увязанные с показателями устойчивости (*Sustainability-Linked Loans*). Также активно используется модель смешанного финансирования (*blended finance*), где институты развития (в первую очередь – Европейский инвестиционный банк (EIB) и Европейский банк реконструкции и развития (EBRD)) предоставляют субсидированное финансирование или гарантии для снижения рисков частных инвесторов и повышения привлекательности для коммерческих банков сложных «зеленых» проектов [13].

Эти тенденции, в частности, подтверждаются планами муниципалитетов ряда европейских стран увеличить инвестиции в меры по борьбе с изменением климата и социальную инфраструктуру в течение следующих трех лет [23]. Ожидается реализация проектов в энергетической инфраструктуре, а также дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры. В рамках программы *Horizon Europe* будут запущены новые европейские партнерства в области создания новейших материалов, фотоники и метавселенных [15]. Также планируется более расширенное применение ГЧП в секторах национальной безопасности и обороны [18]. Растущее внимание к климатическим изменениям в Европе способствует увеличению числа ГЧП, направленных на достижение целей устойчивого развития и привлечение частного сектора к реализации этих задач [10].

Ландшафт и тенденции государственно-частного партнерства в азиатских странах. На момент проведения представленного исследования данные по азиатскому макрорегиону были ограничены 2023 годом. В указанный год азиатские страны привлекли

совокупные инвестиции в размере 51,4 млрд долларов США в рамках реализации 73 проектов ГЧП. Данный показатель демонстрирует значительный рост (на 28%) по сравнению с уровнем 2022 года, демонстрируя уверенное восстановление после кризисных 2020–2021 годов, характеризовавшихся аномально низкими объемами инвестиций. Более того, наблюдаемое восстановление позволило превзойти допандемийные показатели: объем инвестиций превысил на 47% средний пятилетний уровень за период 2018–2022 годов (35,1 млрд долларов США). Несмотря на рост в денежном выражении, число проектов в регионе снизилось до минимального показателя за последние десять лет. При этом обращает на себя внимание структура инвестиций: четыре крупных проекта стоимостью более 4 млрд долларов США каждый обусловили значительное увеличение средней стоимости проекта в сравнении с предыдущими годами [16].

Ключевым драйвером восстановления экономики в макрорегионе выступил Китай, привлечший 40,4 млрд долларов США частных инвестиций в инфраструктуру. Подавляющая часть этих средств (95%) была направлена в 24 проекта энергетического сектора. По объему частных вложений в ГЧП Филиппины находятся на втором месте. В отличие от китайской практики, инвестиции здесь достаточно хорошо диверсифицированы по отраслям. При этом наибольший объем финансирования привлёк сектор информационных технологий. Отдельного упоминания заслуживает успешное закрытие значимого трансграничного проекта в Лаосе: строительство ветровой электростанции «Муссон» мощностью 600 МВт [16].

Таким образом, азиатский макрорегион демонстрирует высокую динамику в сфере ГЧП, которая, в первую очередь, обусловлена сохраняющимися значительными потребностями в базовой инфраструктуре и стремлением к ускорению экономического роста. Характерной чертой является доминирование крупномасштабных проектов в транспортном и энергетическом секторах. Продолжается реализация и инициация новых амбициозных проектов ГЧП в сфере строительства высокоскоростных железных дорог (особенно в Индии и странах Юго-Восточной Азии), метрополитенов, портовых терминалов, автомагистралей и аэропортов. В энергетике наблюдается параллельное развитие крупных проектов возобновляемой энергетики (солнечные парки в Индии, ветроэнергетика в Тайване и Южной Корее) и объектов, использующих традиционные источники (включая газ в качестве переходного топлива, а в ограниченном числе стран и уголь), что продиктовано необходимостью удовлетворения быстро растущего спроса на энергию [2].

Вторым ключевым драйвером азиатских проектов ГЧП стало стремительное развитие концепции «умных городов» и цифровой инфраструктуры. Проекты в этой области, активно продвигаемые в Индии, Китае, Сингапуре и странах АСЕАН, предполагают внедрение интегрированных решений для управления транспортом, обеспечения безопасности, оптимизации сбора и переработки отходов, повышения энергоэффективности на основе интернета вещей (*IoT*) и анализа больших данных. Этому способствует массовое развертывание базовой цифровой инфраструктуры, включая центры обработки данных, волоконно-оптические сети и сети пятого поколения (*5G*) [5].

В ответ на потребности финансирования таких масштабных проектов азиатские страны активно развивают и внедряют инновационные финансовые модели. Особенно заметно использование механизмов инфраструктурных инвестиционных трастов (*InvIT*) и трастов недвижимости (*REIT*), позволяющих привлекать капитал институциональных инвесторов (яркие примеры – Китай, Индия и Сингапур). Набирает обороты рынок проектных облигаций. Кроме того, широкое распространение получает модель ГЧП с взиманием платы непосредственно с пользователей (*User-Pays PPPs*), особенно для проектов строительства и эксплуатации платных дорог и мостов. Основным институт, предоставляющий финансирование в этом макрорегионе – это Азиатский банк развития (*ADB*) [9].

Многие страны региона (в первую очередь, Индия, Индонезия, Филиппины, Вьетнам) продолжают реформировать законодательную и регуляторную базу для ГЧП, стремясь сократить сроки подготовки и утверждения проектов, упростить административные процедуры и создать «единые окна» для инвесторов, что отражает общую ориентацию на ускорение процессов и привлечение иностранных прямых инвестиций. В то время как внимание к факторам *ESG*, особенно под влиянием требований международных инвесторов и политики банков развития (таких как *ADB*), несомненно, растет, глубина и системность их интеграции в проекты ГЧП существенно варьируются в зависимости от уровня экономического развития страны. В развивающихся экономиках приоритеты экономического роста и скорости реализации зачастую пока превалируют над всесторонним учетом экологических и социальных аспектов, хотя вопросы климатической устойчивости инфраструктуры постепенно выходят на первый план.

Сравнительный анализ тенденций государственно-частного партнерства в Европе и азиатском макрорегионе. Сравнительный анализ тенденций ГЧП в изучаемых макрорегионах позволил выявить как

общие черты, так и существенные различия, обусловленные стадиями экономического развития, институциональной зрелости и стратегическими приоритетами регионов.

Прежде всего, следует отметить, что оба региона активно используют ГЧП как ключевой инструмент для решения проблем дефицита инфраструктуры и улучшения качества предоставляемых хозяйствующим субъектам государственных услуг. В обоих макрорегионах транспортный и энергетический секторы традиционно остаются приоритетными направлениями для реализации проектов ГЧП, что отражает универсальную потребность в развитии базовой инфраструктуры. Кроме того, наблюдается растущий интерес к социальной инфраструктуре, такой как образование и здравоохранение, что свидетельствует о расширении сферы применения ГЧП за пределами сугубо экономических проектов.

Ещё одним сквозным, объединяющим трендом, интегрируемым в проекты всех типов в обоих макрорегионах, является цифровизация. Также следует отметить острую нехватку квалифицированных кадров для реализации сложных проектов. Банки развития (*EIB* в Европе, *ADB* в Азии) играют ключевую каталитическую роль, особенно в «зеленых» и социально значимых проектах. И Европа, и Азия активно ищут альтернативы традиционному долговому финансированию, развивая рынки специализированных финансовых инструментов.

Однако, несмотря на эти фундаментальные сходства, существуют значительные различия в динамике и подходах к ГЧП. Европейский рынок ГЧП в 2024 году продемонстрировал некоторое снижение общего объема инвестиций, хотя количество проектов незначительно увеличилось. Это может указывать на тенденцию к реализации более мелких проектов или переориентацию на иные секторы, что, возможно, является признаком более зрелого рынка, где фокус смещается с масштабных, капиталоемких проектов на оптимизацию и рост эффективности управления более локальными проектами. В Европе также наблюдается преобладание моделей ГЧП, использующих платёж за эксплуатационную готовность (это фактически означает, что источником финансирования проектов ГЧП являются бюджетные деньги). Этот факт подчеркивает стремление государств к сохранению контроля над ключевыми инфраструктурными активами и услугами при одновременном привлечении частного капитала для их создания и обслуживания.

Азиатский рынок ГЧП в целом сохраняет сильную тенденцию к росту. Это обусловлено колоссальными потребностями региона в развитии инфраструктуры, вызванными быстрой урбанизацией

и устойчивым экономическим ростом. Азия демонстрирует более широкий спектр моделей ГЧП, включая проекты с прямым тарифом (то есть плата за пользование инфраструктурным объектом взимается с его пользователя) и тарифом с компенсацией, что отражает стремление к максимальному привлечению частного капитала и диверсификации источников финансирования.

Законодательные изменения в европейских странах в большей степени направлены на гармонизацию, повышение устойчивости и эффективности существующих механизмов, а также на регулирование конкретных секторов. В то же время, в Азии основное внимание уделяется созданию привлекательной и надежной правовой базы для иностранных инвесторов, хотя при этом часто возникают опасения, связанные с регуляторными рисками и политическим влиянием.

Таким образом, можно заключить, что зрелость рынка ГЧП существенно различается между двумя регионами. Европа, обладающая более длительной историей и устоявшимися практиками в определенных секторах, находится на этапе консолидации и совершенствования, стремясь к оптимизации существующих рамок и их согласованию с более широкой политикой Европейского союза. Азиатский рынок, напротив, характеризуется быстрым ростом и стремлением привлечь частный капитал для решения фундаментальных проблем инфраструктуры. Это различие в подходах, безусловно, отражает соответствующие этапы экономического развития и зрелости инфраструктуры в Европе и Азии.

Движущие силы дальнейшего развития государственно-частного партнерства. Рассмотрение движущих сил, формирующих ландшафт ГЧП, позволяет глубже понять специфику его развития в европейских и азиатских странах. Экономическая ситуация, политическая стабильность и инвестиционный климат выступают в качестве ключевых факторов, определяющих привлекательность и реализуемость проектов ГЧП в каждом из этих макрорегионов.

В Европе динамика развития ГЧП тесно связана с колебаниями валового внутреннего продукта на душу населения, а также с общим экономическим ростом Европейского союза и уровнем инфляции. Отмечается настоятельная необходимость активизации участия частного сектора в целях дальнейшего стимулирования устойчивого экономического роста. Таким образом, европейские страны, по всей видимости, сосредоточены на повышении производительности и эффективном управлении инфляционными процессами, что, в свою очередь, формирует их подход к ГЧП как к инструменту оптимизации государственных расходов и привлечения капитала для проектов, способ-

ствующих долгосрочному экономическому развитию. В Европе высокая степень индустриализации и развития инфраструктуры оказывает существенное влияние на выбор приоритетных проектов ГЧП, смещая акцент на модернизацию и повышение эффективности существующих систем, а также на решение специфических проблем, возникающих при привлечении частных инвестиций в условиях зрелого рынка.

В Азии, напротив, прослеживается прямая и очевидная взаимосвязь между инфраструктурными проектами ГЧП и экономическим ростом. Значительный размер азиатской экономики подчеркивает ее потенциал и масштаб потребностей в инфраструктуре. Страны данного макрорегиона уделяют первостепенное внимание развитию инфраструктуры, рассматривая его в качестве основного катализатора дальнейшего экономического роста. Можно предположить, что именно это определяет их более агрессивный подход (в сравнении с европейскими странами) к привлечению частного капитала и реализации крупномасштабных проектов. Это, в свою очередь, формирует иные проблемы, связанные с привлечением частных инвестиций, которые могут быть обусловлены как масштабом проектов, так и спецификой развивающихся рынков.

В Европе политическая приверженность принципам устойчивого развития оказывает существенное влияние на выбор и структурирование проектов ГЧП. В азиатском макрорегионе имеющаяся политическая нестабильность выступает существенным фактором риска, который в ряде случаев оказывает негативное влияние на инвестиционную привлекательность иницируемых проектов ГЧП. Важно понимать, что политическая стабильность продолжит играть жизненно важную роль в укреплении доверия инвесторов и обеспечении непрерывной реализации проектов ГЧП как в Европе, так и в Азии. При этом проявления политических рисков чрезвычайно разнообразны от страны к стране, что особенно характерно для азиатского макрорегиона.

Инвестиционный климат, формируемый институционально-правовыми условиями, оказывает существенное детерминирующее воздействие на становление и функционирование рынка проектов ГЧП в данных макрорегионах. И в Европе, и в азиатских странах многосторонние банки развития играют важнейшую роль в снижении инвестиционных рисков, предоставляя гарантии и софинансирование. Кроме того, растущее внимание к климатически устойчивой инфраструктуре во всех рассмотренных странах начинает оказывать всё большее влияние на принимаемые как государственным, так и частным сектором инвестиционные решения.

Заключение и направления для дальнейших научных исследований

Сравнительный анализ трендов ГЧП в Европе и странах Азии за 2023–2025 годы подтверждает тезис о нарастающей дивергенции региональных моделей. Европейский путь характеризуется использованием ГЧП как катализатора структурных преобразований в направлении «зеленой» и цифровой экономики с жесткими регуляторными требованиями и акцентом на устойчивости. Азиатская модель, сохраняя фокус на ГЧП как двигателе экономического роста, демонстрирует высокую адаптивность, ориентацию на скорость и масштаб, особенно в развитии транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры, включая «умные города». Эта дивергенция является закономерным следствием различий в политических императивах, стадиях экономического развития, инфраструктурных потребностях и институциональных возможностях.

Общими для обоих макрорегионов остаются вызовы, связанные с высокой стоимостью капитала, инфляционным давлением на строительные расходы, геополитической неопределенностью и дефицитом управленческой и технической экспертизы. Успешное преодоление этих вызовов требует дальнейшего совершенствования моделей ГЧП.

Направления для будущих исследований представляются следующими. Во-первых, необходима углубленная оценка реальной эффективности «зеленых» проектов ГЧП в Европе в достижении заявленных климатических целей и их экономической

целесообразности в долгосрочной перспективе. Во-вторых, актуальным является детальное изучение практик управления комплексными рисками (особенно экологическими, социальными и финансовыми) в мегапроектах ГЧП, преобладающих в странах Азии. В-третьих, перспективно сравнительное исследование роли и реального вклада передовых цифровых технологий (таких как *BIM*, цифровые двойники и искусственный интеллект) в повышении эффективности жизненного цикла проектов ГЧП в обоих регионах. В-четвертых, требуется объективная оценка влияния новых финансовых инструментов («зеленых» облигаций, смешанного финансирования и *InvIT/REIT*) на доступность и стоимость капитала при реализации проектов ГЧП. Наконец, важнейшей задачей является поиск и анализ оптимальных моделей баланса между требованием к скорости реализации инфраструктурных проектов (доминирующим во многих азиатских контекстах) и необходимостью всестороннего учета принципов *ESG* и долгосрочной устойчивости (акцент Европы), что особенно значимо для развивающихся экономик.

Понимание выявленных дивергентных, но взаимосвязанных трендов имеет существенное практическое значение для правительств, инвесторов и разработчиков проектов при формировании стратегий развития инфраструктурных отраслей, способных эффективно отвечать как на глобальные вызовы устойчивого развития, так и на специфические региональные и национальные потребности.

Литература

1. Роль государственно-частного партнерства в системе инструментария государственной политики управления экономическим развитием / Е. В. Дробот [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 2633–2648. – <https://doi.org/10.18334/epp.14.6.120934>. – EDN: OLYTYN.
2. 2024 Asia PPP Practitioners' Network Conference: Advancing Sustainable and Resilient PPPs in a Dynamic Landscape. Asian Development Bank, 2024. – URL: <https://www.adb.org/news/events/2024-asia-ppp-practitioners-network-conference-advancing-sustainable-and-resilient-pp-ps-in-a-dynamic-landscape> (accessed: 14.07.2025).
3. Blanc-Brude F., Goldsmith H., Valila T. (2008) Public-Private Partnerships in Europe: An Update. *European Investment Bank Economic & Financial Report* No. 2007/03, pp. 5–6. – <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1107418>. (In Eng.).
4. Cangiano M., et al. (2006) Chapter 1. Public-Private Partnerships. In book: Public-Private Partnerships, Government Guarantees, and Fiscal Risk. Publisher: International Monetary Fund, P. 100. – <https://doi.org/10.5089/9781589064935.058.ch001>. (In Eng.).
5. Deal Update: Quarterly Report. InfraPPP, 2024. – p.18. – URL: <https://wapppp.net/wp-content/uploads/2024/09/Quarterly-PPP-Report-Q2-2024.pdf> (accessed: 14.07.2025).
6. European Commission proposes new PPP labelling requirements. Chambers and Partners, 2025. – URL: <https://chambers.com/articles/european-commission-proposes-new-ppp-labelling-requirements> (accessed: 14.07.2025).
7. Hodge G. A., Greve C. (2007) Public-Private Partnerships: An International Performance Review. *Public Administration Review*. Vol. 67. No. 3, pp. 545–558. – <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2007.00736.x>. (In Eng.).
8. Hodge G. A., Greve C., Boardman A. E. (2010) International Handbook on Public-Private Partnerships. Publisher: Edward Elgar Publishing, 2010. – P.139. – <https://doi.org/10.4337/9781849804691>. (In Eng.).
9. Infrastructure Monitor: Global trends in private investment in infrastructure. World Bank Group, 2025. – P. 164. –

URL: <https://cdn.github.org/umbraco/media/5555/infrastructure-monitor-2024-report.pdf> (accessed: 14.07.2025).

10. Infrastructure's Role in Europe's Transformation. DWS Group, 2025. – URL: <https://hedgenordic.com/2025/04/infrastructures-role-in-europes-transformation/> (accessed: 14.07.2025).

11. Market Update: Review of the European public-private partnership market in 2024. European PPP Expertise Centre, 2025. – P. 20. – URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20250010_epec_market_update_2024_en.pdf (accessed: 14.07.2025).

12. Merzlov I. Y. (2022) The Regulatory and Institutional Framework of Public-Private Partnership: Cases of France, Germany, and Russia. *Institutions and Economies*. Vol. 14. No. 3, pp. 25–52. – <https://doi.org/10.22452/IJIE.voll4no3.2>. (In Eng.).

13. Muhn J. Key Regulatory Changes in Europe for 2025: What You Need to Know. Finovate, 2025. – URL: <https://finovate.com/key-regulatory-changes-in-europe-for-2025-what-you-need-to-know/> (accessed: 14.07.2025).

14. Osei-Kyei R., Chan A. P. C. (2017) A best practice framework for public-private partnership implementation for public construction projects in developing countries: a case of Ghana. *Benchmarking An International Journal*. Vol. 25. No. 3, pp. 2806–2827. – <https://doi.org/10.1108/BIJ-05-2017-0105>. (In Eng.).

15. Policy Updates. Donor Tracker, 2024. – URL: https://donortracker.org/policy_updates?policy=eu-publishes-2025-global-gateway-flagship-project-list-2024 (accessed: 14.07.2025).

16. Private Participation in Infrastructure (PPI): Annual Report. World Bank Group, 2023. – URL: <https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/documents/PPI-2023-Annual-Report-Final.pdf> (accessed: 14.07.2025).

17. Public-Private Partnership (PPP) Handbook. Asian Development Bank, 2008. – P. 101. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/31484/public-private-partnership.pdf> (accessed: 14.07.2025).

18. Public-private partnerships in security and defence. European PPP Expertise Centre, 2025. – P. 20. – URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20240222_100425_ppp_in_security_and_defence_en.pdf (accessed: 14.07.2025).

19. Public-Private Partnerships: Reference Guide. Version 3. World Bank Group, 2017. – P. 238. – URL: <https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/default/files/2024-08/PPP%20Reference%20Guide%20Version%203.pdf> (accessed: 13.07.2025).

20. Singaravelloo K. (2010) PPP: The Right Marriage between Local Government and the Private Sector in Malaysia? *International Journal of Institutions and Economies*, Vol. 2. No. 2, pp. 142–166. (In Eng.).

21. Temulin B., Mengzhong Z. (2022) Review on the Public-Private Partnership. *Management Studies*. Vol. 10. No. 1, pp. 1–2. – <https://doi.org/10.17265/2328-2185/2022.01.001>. (In Eng.).

22. The 2024 Annual Single Market and Competitiveness Report. European Commission, 2024. – URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/publications/2024-annual-single-market-and-competitiveness-report_en (accessed: 14.07.2025).

23. The state of local infrastructure investment in Europe. EIB Municipalities Survey 2024–2025. European Investment Bank, 2025. – URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20250028_080425_municipalities_survey_en.pdf (accessed: 14.07.2025).

24. Wang H., et al. (2018) Public-private partnership in Public Administration discipline: a literature review. *Public Management Review*. Vol. 20. No. 2, pp. 293–316. – <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1313445>. (In Eng.).

25. What are PPPs? (2025). UNCTAD Investment Policy Hub. – URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/pages/27/what-are-ppps> (accessed: 14.07.2025).

26. Yang J., Thuc L. D., Kim S. Y. (2024) Critical Success Factors of Public-Private Partnership Infrastructure Projects from a Middle-Income Country: A Comparison with Countries in Asia. *Journal of Urban Planning and Development*. Vol. 150. No. 3. P. 4371. – <https://doi.org/10.1061/JUPDDM.UPENG-4549>. (In Eng.).

References

1. Drobot, E. V. (2024) [The role of public-private partnership in the system of state policy instruments for managing economic development]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economy, entrepreneurship and law]. Vol. 14, No. 6, pp. 2633–2648. – <https://doi.org/10.18334/epp.14.6.120934>. (In Russ.).

2. Asia PPP Practitioners' Network Conference: Advancing Sustainable and Resilient PPPs in a Dynamic Landscape. Asian Development Bank, 2024. Available at: <https://www.adb.org/news/events/2024-asia-ppp-practitioners-network-conference-advancing-sustainable-and-resilient-pp-ps-in-a-dynamic-landscape> (accessed: 14.07.2025).

3. Blanc-Brude, F., Goldsmith, H., Valila, T. (2008) Public-Private Partnerships in Europe: An Update. *European Investment Bank Economic & Financial Report* No. 2007/03, pp. 5–6. – <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1107418>. (In Eng.).

4. Cangiano, M., et al. (2006) Chapter 1. Public-Private Partnerships. In book: Public-Private Partnerships, Government Guarantees, and Fiscal Risk. Publisher: International Monetary Fund, pp. 100. – <https://doi.org/10.5089/9781589064935.058.ch001>. (In Eng.).
5. Deal Update: Quarterly Report. InfraPPP (2024) p.18. Available at: <https://wappp.net/wp-content/uploads/2024/09/Quarterly-PPP-Report-Q2-2024.pdf> (accessed: 14.07.2025).
6. European Commission proposes new PPP labelling requirements. Chambers and Partners (2025) Available at: <https://chambers.com/articles/european-commission-proposes-new-ppp-labelling-requirements> (accessed: 14.07.2025).
7. Hodge, G. A., Greve, C. (2007) Public-Private Partnerships: An International Performance Review. *Public Administration Review*. Vol. 67. No. 3, pp. 545–558. – <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2007.00736.x>. (In Eng.).
8. Hodge, G. A., Greve, C., Boardman, A. E. (2010) International Handbook on Public-Private Partnerships. Publisher: Edward Elgar Publishing, pp. 139. – <https://doi.org/10.4337/9781849804691>. (In Eng.).
9. Infrastructure Monitor: Global trends in private investment in infrastructure. World Bank Group (2025) pp. 164. Available at: <https://cdn.github.org/umbraco/media/5555/infrastructure-monitor-2024-report.pdf> (accessed: 14.07.2025).
10. Infrastructure's Role in Europe's Transformation. DWS Group (2025) Available at: <https://hedgenordic.com/2025/04/infrastructures-role-in-europes-transformation/> (accessed: 14.07.2025).
11. Market Update: Review of the European public-private partnership market in 2024. European PPP Expertise Centre (2025), pp. 20. Available: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20250010_epec_market_update_2024_en.pdf (accessed: 14.07.2025).
12. Merzlov, I. Y. (2022) The Regulatory and Institutional Framework of Public-Private Partnership: Cases of France, Germany, and Russia. *Institutions and Economies*. Vol. 14. No. 3, pp. 25–52. – <https://doi.org/10.22452/IJIE.vol14no3.2>. (In Eng.).
13. Muh, J. Key Regulatory Changes in Europe for 2025: What You Need to Know. Finovate (2025) Available at: <https://finovate.com/key-regulatory-changes-in-europe-for-2025-what-you-need-to-know/> (accessed: 14.07.2025).
14. Osei-Kyei, R., Chan, A. P. C. (2017) A best practice framework for public-private partnership implementation for public construction projects in developing countries: a case of Ghana. *Benchmarking An International Journal*. Vol. 25. No. 3, pp. 2806–2827. – <https://doi.org/10.1108/BIJ-05-2017-0105>. (In Eng.).
15. Policy Updates. Donor Tracker (2024) Available at: https://donortracker.org/policy_updates?policy=eupublishes-2025-global-gateway-flagship-project-list-2024 (accessed: 14.07.2025).
16. Private Participation in Infrastructure (PPI): Annual Report. World Bank Group (2023) Available at: <https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/documents/PPI-2023-Annual-Report-Final.pdf> (accessed: 14.07.2025).
17. Public-Private Partnership (PPP) Handbook. Asian Development Bank, (2008) pp. 101. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/31484/public-private-partnership.pdf> (accessed: 14.07.2025).
18. Public-private partnerships in security and defense. European PPP Expertise Centre (2025) pp. 20. Available at: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20240222_100425_ppp_in_security_and_defence_en.pdf (accessed: 14.07.2025).
19. Public-Private Partnerships: Reference Guide. Version 3. World Bank Group (2017) pp. 238. Available at: <https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/sites/default/files/2024-08/PPP%20Reference%20Guide%20Version%203.pdf> (accessed: 13.07.2025).
20. Singaravelloo, K. (2010) PPP: The Right Marriage between Local Government and the Private Sector in Malaysia? *International Journal of Institutions and Economies*. Vol. 2. No. 2, pp. 142–166. (In Eng.).
21. Temulin, B., Mengzhong, Z. (2022) Review on the Public-Private Partnership. *Management Studies*. Vol. 10. No. 1, pp. 1–2. – <https://doi.org/10.17265/2328-2185/2022.01.001>. (In Eng.).
22. The 2024 Annual Single Market and Competitiveness Report. European Commission (2024). Available at: https://single-market-economy.ec.europa.eu/publications/2024-annual-single-market-and-competitiveness-report_en (accessed: 14.07.2025).
23. The state of local infrastructure investment in Europe. EIB Municipalities Survey 2024–2025. European Investment Bank (2025) Available at: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20250028_080425_municipalities_survey_en.pdf (accessed: 14.07.2025).
24. Wang, H., et al. (2018) Public-private partnership in Public Administration discipline: a literature review. *Public Management Review*. Vol. 20. No. 2, pp. 293–316. – <https://doi.org/10.1080/14719037.2017.1313445>. (In Eng.).
25. What are PPPs? (2025) UNCTAD Investment Policy Hub. Available at: <https://investmentpolicy.unctad.org/pages/27/what-are-ppps> (accessed: 14.07.2025).

26. Yang, J., Thuc, L. D., Kim, S. Y. (2024) Critical Success Factors of Public–Private Partnership Infrastructure Projects from a Middle-Income Country: A Comparison with Countries in Asia. *Journal of Urban Planning and Development*. Vol. 150. No. 3, pp. 4371. – <https://doi.org/10.1061/JUPDDM.UPENG-4549>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Игорь Юрьевич Мерзлов, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, маркетинга и коммерции, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
ORCID iD: 0000-0002-8317-5708, **Scopus Author ID:** 57788651900
e-mail: imerzlov@ya.ru

Статья поступила в редакцию: 01.08.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Igor Yurevich Merzlov, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Management, Marketing and Commerce, Perm State National Research University, Perm, Russia
ORCID iD: 0000-0002-8317-5708, **Scopus Author ID:** 57788651900
e-mail: imerzlov@ya.ru

The paper was submitted: 01.08.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ СКВОЗНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАБОТ В МАШИНОСТРОЕНИИ

С. Г. Фомин

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: semafor@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, спросом экономических субъектов на цифровизацию процессов планирования, а с другой – задачей разработки методических подходов, обеспечивающих наличие и качество данных для такого планирования.

Цель исследования – обоснование подхода к цифровизации данных для обеспечения сквозного планирования работ в холдингах машиностроения.

Методы исследования включают общенаучные подходы (анализ, синтез и систематизация), инструментальный моделирование (диаграмма сущность-связь, диаграмма потоков данных), прикладные практики (сервисного подхода для информационных технологий, бережливого производства и теории ограничений).

Результаты работы представлены в виде разработанного итерационно-инкрементального подхода к формированию данных в системе сквозного планирования на цифровой платформе. Подход включает классификацию данных для планирования на всех уровнях управления в холдингах; систематизацию потерь на этапах работы с данными планирования и направления устранения потерь; определение стадий зрелости нормативно-справочной информации на всех уровнях планирования (структурное подразделение, предприятие, холдинг) как части единой цифровой платформы планирования холдинга; установление взаимосвязи результативности между данными планирования, цифровой платформой сквозного планирования и производственной цепочкой создания ценности. По результатам апробации, проведенной в машиностроительных холдингах России, получены различные результаты, среди которых: существенное повышение производственной дисциплины сроков выполнения заказов и сокращение запасов; повышение вовлеченности персонала в планирование на цифровой платформе.

Предложенный итерационно-инкрементальный подход имеет теоретическое значение для развития методов организации планирования и формирования соответствующих данных на цифровой платформе отраслевых производственных холдингов, а также практико-ориентированное значение для достижения предприятиями желаемых бизнес-результатов.

Направления дальнейших исследований лежат в области более глубокой интеграции операционного и производственного планирования в рамках единой цифровой платформы предприятия и расширения этой платформы для взаимодействия с поставщиками и потребителями.

Настоящее исследование может быть рекомендовано широкому кругу исследователей и специалистов, вовлеченных в изучение и развитие процессов внутрифирменного планирования.

Ключевые слова: цифровизация планирования, холдинг, система сквозного планирования, цифровизация данных, машиностроение, данные для планирования.

Благодарности. Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Минобрнауки России для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2025 год.

Для цитирования: Фомин С. Г. Цифровизация данных в системе сквозного планирования работ в машиностроении // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 51–63. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-51>.

DIGITALIZATION OF DATA IN THE END-TO-END WORK PLANNING SYSTEM IN MECHANICAL ENGINEERING

S. G. Fomin

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

e-mail: semafom@gmail.com

Abstract. *The relevance of this research is determined, on the one hand, by the demand from economic entities for the digitalization of planning processes, and on the other hand, by the need to develop methodological approaches that ensure the availability and quality of data for such planning.*

The aim of the study is to justify an approach to data digitalization to support end-to-end work planning in machine-building holding companies.

The research methods include general scientific approaches (analysis, synthesis, and systematization), modeling tools (entity-relationship diagrams, data flow diagrams), as well as applied practices (service-oriented IT management, lean production, and the theory of constraints).

The research results are presented as a developed iterative-incremental approach to data formation within the end-to-end planning system on a digital platform. The approach includes the classification of planning data at all management levels within holding companies; systematization of losses at planning data processing stages and methods for their elimination; determination of maturity stages of reference information at all planning levels (subdivision, enterprise, holding) as part of a unified digital planning platform; and establishing the relationship between the effectiveness of planning data, the digital end-to-end planning platform, and the production value creation chain. Based on the approbation conducted in Russian machine-building holdings, various results were obtained, including a significant improvement in production discipline in meeting order deadlines and inventory reduction, as well as increased engagement in planning via the digital platform.

The proposed iterative-incremental approach holds theoretical significance for the development of methods for organizing planning and forming the relevant data on the digital platform of industrial production holdings, as well as practical relevance for helping enterprises achieve desired business outcomes.

Future research directions lie in the area of deeper integration of operational and product planning within a single enterprise-wide digital platform.

This study may be recommended to a wide range of researchers and specialists involved in the study and development of intra-firm planning processes.

Keywords: *digitalization of planning, holding company, end-to-end planning system, digitalization of data, mechanical engineering, planning data*

Acknowledgments. This research was carried out in accordance with the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2025.

Cite as: Fomin, S. G. (2025) [Digitalization of data in the end-to-end work planning system in mechanical engineering]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 51–63. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-51>.

Введение

Цифровизация процессов управления и производства является тенденцией развития промышленных предприятий. Цифровизация данных – необходимый этап и основа цифровизации процесса планирования.

В то же время, согласно исследованию SBS Consulting, уровень цифровой зрелости промышлен-

ных предприятий России остается относительно низким, что проявляется в фрагментарном внедрении цифровых решений. Недостаточное количество и низкое качество данных является барьером цифровизации и сдерживающим фактором внедрения систем планирования, это отмечает 41% и 62% предприятий соответственно¹.

¹ Анализ уровня цифровизации российских предприятий обрабатывающей промышленности / Д. Бабанский [и др.] // SBS-CONSULTING. – URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/3d5/ccrysg0994bsn7roc0y6i8s8uy13v4x3.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).

С усложнением продуктов и производственных цепочек пропорционально усложняется и управление данными, отражающими реальные физические, конструкторские и технологические объекты в информационной системе. Различные формы организационно-экономических объединений предприятий, например, холдингового типа, создают предпосылки получения дополнительных конкурентных преимуществ совместной работы с данными в рамках сквозного планирования. При этом создаются вызовы наличия методических подходов к работе с данными планирования, которые удовлетворяют требованиям всех бизнес-единиц.

Исходя из этого, определена цель исследования – обоснование подхода к цифровизации данных для обеспечения сквозного планирования работ в холдингах машиностроения.

В соответствии с целью задачи настоящей работы:

1. Изучение подходов к формированию системы сквозного планирования на цифровой платформе.
2. Рассмотрение проблем и способов их решения как для системы планирования в целом, так и для работы с данными в информационном потоке.
3. Разработка модели развития данных планирования по комплексу направлений.
4. Предложение итерационно-инкрементального подхода эволюционного управляемого развития данных для планирования.

Объектом исследования являются российские машиностроительные холдинги, включающие предприятия единичного и мелкосерийного типа производства. Предмет исследования – организационно-экономические отношения, возникающие по поводу цифровизации данных для планирования.

Обзор литературы и исследований

Тенденции формирования данных для сквозного внутрифирменного планирования развивались от первых математически обоснованных подходов к планированию в начале XX века до цифрового инструментария XXI века.

А. К. Гастев [6], Л. В. Канторович² заложили основы структурированного подхода к управлению информацией в планировании. В период с 1920-х по 1960-е годы в СССР теоретические разработки по планированию на макро- и микроуровнях планирования быстро находили практическое применение в промышленности.

Начиная с 1960-х годов, развитие процессов планирования во многом определялось теми возможно-

стями работы с динамически изменяющейся информацией, которые предоставляли электронно-вычислительные машины. Основоположники этой области J. Orlicky [17] и O. Wight [22] сформировали базовые методы планирования, ключевые справочники и подходы к работе с ними, применяемые в современном программном обеспечении.

В 1990-х–2000-х годах подходы к планированию продолжали детализироваться и уточняться с учетом отраслевой специфики. Ученые отвечали на вызовы глобализации производственных цепочек. В этот период, например, Т. F. Wallace уделяет внимание тактическому планированию продаж и операций, которое имеет методические параллели с подходами к пятилетнему планированию, ранее разрабатываемому в СССР [21]. Это свидетельствует о сохранении общих принципов планирования, несмотря на смену экономической и технологической парадигм.

Ученые отмечают следующие характерные черты систем сквозного планирования, которые трансформируют традиционное планирование в интегрированный процесс:

- интеграция жизненного цикла продукции, то есть рассмотрение цикла «исследование-разработка-эксплуатация» как единое целое [1];
- использование комплексного подхода, объединяющего стратегические, тактические и операционные уровни управления [2];
- внедрение цифровых инструментов для синхронизации данных между всеми функциональными блоками [7].

Автор поддерживает подход ASCM (Association for Supply Chain Management – Ассоциация управления цепочками поставок), отраженный в SCOR (Supply Chain Operations Reference – эталонная модель операций цепочки поставок), в отношении определения данных, как одного из важнейших элементов (другие элементы – процессы, показатели, компетенции, инструментарий) системы сквозного планирования – подмножества (используемых для решения всех задач планирования) множества всех данных во всех источниках [10; 11].

Особую важность для планирования имеет связь сущностей данных для планирования и объектов реального мира [15; 13]. Это перекликается с принципами бережливого производства, которые помогают выявить и устранить скрытые потери, такие как перепроизводство, дефекты, передвижения, транспортировка, запасы, излишняя обработка, ожидание, демотивация [5].

² Канторович Л. В. Математические методы организации и планирования производства. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1939. – 68 с. – EDN: ZIGTUB.

Ученые уделяют внимание не только целевому состоянию системы сквозного планирования, но и путям достижения этого состояния: учет как технологических, так и социальных аспектов для успешной цифровизации [19]; решение проблемы разрозненных данных и ручного труда для гибкого планирования в условиях высокой вариативности продукции, характерной для машиностроения [20]; переход от хаотичного сбора всех данных подряд к определению точного перечня данных, необходимых для управления процессами и планирования в реальном времени [18]; достижение понимания производственных характеристик, чтобы успешно внедрять новые технологии и достигать надежного принятия решений, это особенно важно для традиционных производственных компаний с низким уровнем цифровизации [16].

В работах, посвящённых цифровизации процесса планирования, подчёркивается ключевая роль цифровизации данных как основы для эффективного управленческого анализа и принятия решений [12]. Отмечается, что успешная цифровая трансформация производства начинается именно с этапа цифровизации производственных данных [14].

Таким образом, в условиях стремительной цифровизации, планированию производства отводится особая роль в достижении экономических эффектов [4]. Эффективность такого планирования напрямую зависит от развитости информационной поддержки, ключевым элементом которой является модель данных, формирующая основу архитектуры информационных систем производственного планирования [9]. Однако, несмотря на очевидные преимущества и научные прорывы, актуальность проблем информационной поддержки планирования на предприятиях сохраняется [3], что требует дальнейших исследований и практических решений в области управления данными и их интеграции в производственные процессы.

Несмотря на то, что имеются различные теоретические подходы ученых к развитию сквозного планирования по множеству направлений, недостаточное внимание уделено именно процессу формирования данных для планирования производства с учетом специфики холдинговых структур мелкосерийного и единичного типа производства в машиностроении. Существующие теоретические разработки не решили проблему создания управляемой гетерогенной системы на основе единства данных и процессов разрозненных заводов и функций, находящихся в организационной и технологической взаимозависимости.

Материалы и методы

В настоящем исследовании применена комбинация методов: общенаучные методы анализа, синтеза

и систематизации; методы моделирования данных, сервисный подход использования информационных технологий; адаптированы прикладные методы управления производственным потоком.

При формировании модели данных системы сквозного планирования использована ER-диаграмма (Entity-Relationship model – модель «сущность – связь») и DFD-диаграмма (Data Flow Diagrams – диаграмма потоков данных).

Для повышения качества системы сквозного планирования применен сервисный подход согласно ITSM (Information Technology Service Management – сервисный метод информационных технологий, который предлагает сконцентрироваться не на технологиях и аппаратном обеспечении, а на пользователях и их потребностях): нормативно-справочная информация планирования – это сервис для бизнес-процесса планирования; информационные технологии (ИТ) – это сервис для нормативно-справочной информации планирования, обеспечивает качество данных и процессов.

TPS (Toyota Production System – производственная система Toyota) и TOC (Theory of Constraints – теория ограничений) – эти методы из производственных практик адаптированы для работы с информационным потоком данных в системе сквозного планирования. При работе с данными сделан акцент на устранении потерь, непрерывном улучшении, выявлении узких мест, определении целевого состояния системы сквозного планирования.

Материалами исследования послужили данные российских машиностроительных холдингов единичного и мелкосерийного типа производства различной продуктовой специализации, в частности, «Объединенные Машиностроительные Заводы» – тяжелое машиностроение единичного типа; холдинг среднего машиностроения; «Синара – Транспортные Машины» – железнодорожное машиностроение, городской транспорт, двигателестроение. Суммарное количество заводов, входящих в рассматриваемые холдинги, составляет порядка 30 бизнес-единиц.

Результаты исследования

Данные для планирования – это содержание информационного потока процесса планирования. В целевом состоянии весь жизненный цикл данных планирования – создание, хранение, обработка, передача – осуществляется только в единой цифровой платформе сквозного планирования.

В таблице 1 приведены систематизированные примеры потерь, возникающие на этапах планирования, и требуемый уровень их решения.

Таблица 1. Потери на этапах работы с данными при планировании

Этап работы с данными	Скрытые потери [5]	Вид потери на этапах планирования при работе с данными	В идеальной ситуации отсутствует потеря
Сбор информации	Передвижения	Время для поиска данных (мест, где расположены), их запроса, получения доступа, получение самих данных и ознакомления с ними	Четко назначены ответственные за сбор актуальных данных, есть шаблон их предоставления
Передача информации	Транспортировка	Время для передачи данных от владельца к получателю. Потеря точности в информации	Передача данных не требуется, данные генерируются из первичных документов в нужный момент средствами автоматизации (на основе концепции датацентричности [8])
Проверка	Дефекты	Выполнение технического анализа на предмет соответствия требованиям	Реализованы автоматические проверки точности данных или обеспечен запрет на ввод неточных данных
Доработка исходной информации	Излишняя обработка	Трудоемкость дополнения необходимыми для работы недостающими и связанными данными, их структурирования и повышения точности	Все участники понимают требования к данным, данные всегда в подходящем для использования состоянии
Перенос данных	Транспортировка	Потеря данных и (или) их качества при переносе из различных источников в аналитические приложения	Данные всегда в целевом месте в нужное время
Расчетные задачи	Дефекты	Ошибки при выполнении рутинных математических вычислений	Реализованы расчетные алгоритмы, интегрированные в платформу планирования

Источник: разработано автором

Предложенная автором систематизация потерь при работе с данными планирования адаптирует базовую теорию бережливого производства и дополняет инструментарий устранения потерь с учетом специфики информационного потока и возможностей цифровизации.

На основе анализа, приведенного в таблице 1, можно сделать вывод, что при построении эффективной системы планирования работ на машиностроительных холдингах, с правильным использованием современного инструментария цифровизации возможно избежать потерь, возникающих на этапах работы с данными.

Рассматриваемый в настоящей работе итерационно-инкрементальный подход состоит из двух составляющих:

- итерация – последовательность создания результатов (инкрементов) в результате выполнения повторяющихся действий, представленная на рисунке 1, при создании цифровой платформы сквозного планирования каждая новая итерация выполняется на более сложном уровне и с увеличившимся количеством данных, созданных на предыдущих итерациях;
- инкремент – увеличение количества данных, представленных на рисунке 2, каждый инкремент

представляет ценность и создает положительный эффект для бизнеса как сам по себе, так и как часть системы сквозного планирования, основа для дальнейших действий.

Автор предлагает следующий итерационный подход к разворачиванию системы сквозного планирования машиностроительного холдинга на цифровой платформе, представленный на рисунке 1.

Перед тем как приступить к развитию данных для планирования в холдинге необходимо сделать выводы о требованиях к информационной системе в части обеспечения безопасности работы с данными, а также сформулировать гипотезы о приоритетной функциональности проектируемой информационной системы, выявить препятствия и возможности при интеграции данных между различными предприятиями в рамках холдинга.

При определении порядка формирования требований и создания данных для сквозного планирования должны учитываться факторы конкретной информационной и производственной среды: информационные системы (имеющиеся или планируемые), имеющиеся данные планирования (в том числе не в машиночитаемом виде), приоритеты повышения эффективности, готовность функциональных вертика-

лей к совместному развитию системы планирования, готовность к затратам (финансовым и временным) на внедрение предлагаемого подхода, тип производства бизнес-единиц холдинга. Автор предлагает прово-

дить насыщение данными и нормализацию данных одновременно и непрерывно в цифровой среде при построении, эксплуатации и модификации системы сквозного планирования.

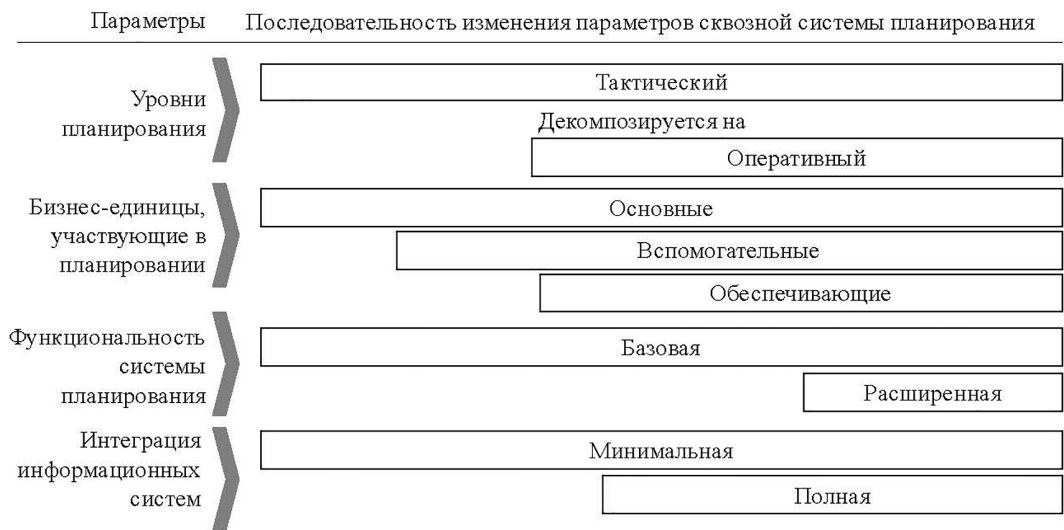

Рисунок 1. Итерации развертывания системы сквозного планирования машиностроительного холдинга на цифровой платформе
Источник: разработано автором

Определение очередных инкрементов, создаваемых при развитии сквозного планирования, исходит из оценки текущей цифровой зрелости планирования (результатов предыдущих итераций) и актуальных бизнес-задач предприятия. Инкремент развития сис-

темы сквозного планирования, включая данные для планирования, ориентированные на бизнес-результат в машиностроительном холдинге, представлен в виде взаимосвязей на рисунке 2.

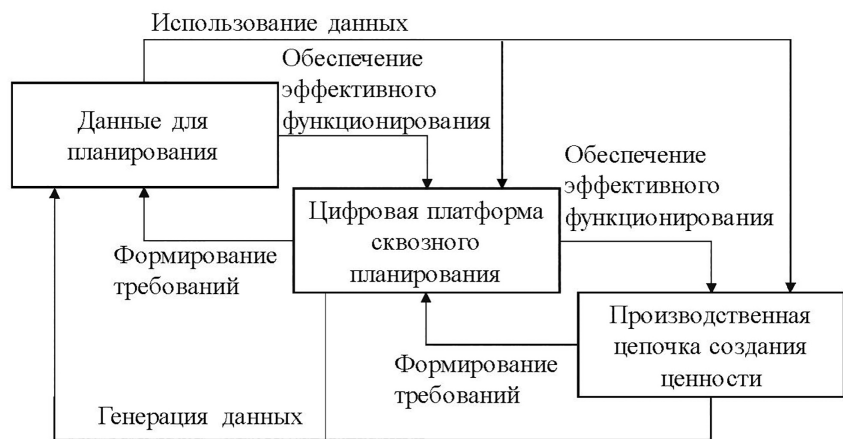

Рисунок 2. Взаимосвязь данных для планирования, цифровой платформы сквозного планирования и производственной цепочки создания ценности
Источник: разработано автором

Обеспечивается двунаправленная связь: наличие данных необходимо для функционирования цифровой платформы и, одновременно, цифровая платформа планирования генерирует данные для планирования.

Цифровая платформа сквозного планирования представляет собой совокупность интегрированных программных продуктов различных классов, используемых в промышленных предприятиях. Система класса ERP – часть цифровой платформы планирования холдинга.

В настоящем исследовании рассмотрен мелко-серийный и единичный тип производства. Для планирования, в первую очередь запасов и ТМЦ, такой тип производства определяется как инжиниринг под заказ или производство под заказ. Зачастую основная деятельность организована по проектному принципу, а система снабжения ТМЦ позаказная. В то же время возникают более интенсивные межфункциональные связи (в первую очередь инжиниринг-производственная цепочка), когда необходимо поддерживать единство и прослеживаемость данных для различных функций на всем жизненном цикле заказа (продажи,

инжиниринг, снабжение, производство, реализация, сервис, эксплуатация). Предложенная модель данных и подход к развитию данных планирования обеспечивают межфункциональную связь на основе данных, когда все функции, вовлеченные в выполнение заказа, работают с одними данными.

Для развития системы планирования автор рекомендует использовать компетенции плановиков и ИТ внутри холдинга на уровне управляющей компании и заводов. Это обеспечит сохранение знаний об устройстве системы сквозного планирования, соответствие цифровой платформы корпоративной культуре, постоянное совершенствование системы. Для решения узкоспециализированных задач могут быть привлечены сторонние организации.

В процессе изучения тенденций формирования данных для сквозного внутрифирменного планирования автором были выявлены и систематизированы направления развития данных для планирования при переходе на цифровую платформу. Разработанная в результате исследования модель предложена на рисунке 3.

Рисунок 3. Модель развития данных для планирования при переходе на цифровую платформу

Источник: разработано автором

Модель развития данных для планирования охватывает комплекс направлений для гармоничного развития. Это создает предпосылки для эволюционного перехода на цифровую платформу.

Цифровизация данных планирования – это непрерывный процесс создания единого информационного пространства, где данные становятся активным элементом планирования. Этот процесс является одно-

ременно и необходимым первым этапом, и постоянной основой для цифровизации самого планирования. Он предполагает не разовую «оцифровку» (простой перенос аналоговой информации в цифровую форму), а датацентричную трансформацию бизнес-процессов планирования.

Под нормализацией данных для планирования понимается процесс упорядочивания данных и приведения данных к единообразию. В целях управления и повышения качества данных автор адаптировал применительно к данным планирования стандарт качества данных ISO/IEC 25012:2008:

- адекватность – данные адекватны требованиям текущего уровня зрелости системы планирования, то есть обеспечивают формирование соответствующих планов;
- актуальность – данные точно представляют реальные значения, без погрешностей, негативно влияющих на процесс или результат планирования, с подходящей разрядностью и размерностью;
- полнота – есть все необходимые данные по количеству (записям), широте (разрезам, ассортиментам, типам, видам, группам), глубине (истории и горизонту);
- согласованность – данные согласованы между собой, без противоречий;
- чистота, данные корректные – соответствуют стандарту, руководству по стилю, то есть без синтаксических и семантических ошибок, некорректных сокращений, пропусков, а также нет лишних данных, таких как устаревших, неиспользуемых, дублей.

Под насыщением цифровой системы планирования данными понимается процесс переноса данных и работы с этими данными на цифровой платформе планирования. В рамках этого процесса для групп данных подбираются объекты информационной системы в соответствии с теми процессами, в рамках которых будут использоваться данные.

Данные планирования можно разделить на две категории. Во-первых, нормативно-справочная информация планирования (НСИП) – это условно неизменные данные, к ним, например, относят справочники единиц измерения, номенклатуры продукции, контрагентов, состав спецификаций, технологические маршруты, места хранения, транспортировочные и технологические маршруты и др. Во-вторых, оперативные – данные, возникающие в процессе планирования и исполнения планов, например, сами планы и данные фактического учета.

Для машиностроительных холдингов можно выделить шесть уровней зрелости НСИП: (1) нет единой НСИП; (2) проведен аудит, есть понимание текущего состояния, проблем и возможностей НСИП; (3) предприятия холдинга поддерживают НСИП; (4)

для НСИП есть регламенты, которые обеспечиваются системами заводов; (5) НСИП полная и единая в холдинге, системы заводов интегрированы с системой холдинга в части планирования; (6) НСИП в единой цифровой платформе планирования холдинга, где выполняются процессы планирования.

Результаты были апробированы в машиностроительных холдингах, объединяющих машиностроительные предприятия единичного и мелкосерийного типа производства. В таких сегментах как нефтегазохимическое и атомное машиностроение (реакторы, колонны, теплообменники), железнодорожное машиностроение (путевые машины, локомотивы), городской транспорт (троллейбус, трамвай, электробус), производство двигателей большой мощности. Получены качественные и количественные результаты применения предложенных подходов к работе с данными в рамках создания системы сквозного планирования.

Холдинг осуществляет полный производственный цикл – инжиниринг, производство, сервис и эксплуатацию. Цифровизация внутрихолдингового производственного планирования, в т. ч. формирование данных для планирования, направлена на решение следующих задач: внедрение процесса планирования продаж и операций; централизация функции обеспечения покупными ТМЦ; контроль соблюдения нормативов запасов; контроль дисциплины выпуска готовой товарной продукции.

В машиностроительном холдинге планирование было обеспечено офисным пакетом и разрозненными локальными системами класса ERP. Только 22% данных для планирования велись в информационных системах; 51% могли вестись, но не велись; а для ведения еще 27% была необходима доработка систем.

Препятствием для интеграции также явилась неравномерность цифровой зрелости данных для планирования в информационных системах различных заводов. Минимизация негативного влияния на длительность реализации развития планирования достигнута за счет установки такой последовательности итераций, в которой в первую очередь к цифровой платформе сквозного планирования подключаются заводы с более высокой оценкой уровня зрелости данных для планирования.

Отсутствие в существующих информационных системах данных для тактического планирования на уровне готовой продукции явилось возможностью для создания цифровой платформы сквозного планирования, начиная с уровня холдинга. Новая информационная система не конкурирует с функциональностью существующих систем, но переводит бизнес-процессы тактического планирования на новый уровень использования цифрового инструментария.

Результативность обеспечения данными для планирования на основе цифровой платформы сквозного планирования представлена в таблице 2.

Таблица 2. Показатели цифровой платформы системы планирования холдинга

Показатель в цифровой платформе планирования	Старт	Этап развития			Эксплуатация
	2019	2020	2021	2022	2023–2024
Пользователей, человек / доля, %	10 / 1	40 / 4	310 / 32	539 / 56	880 / 91
Количество вовлеченных функциональных вертикалей / общее количество вертикалей	1 / 30	6 / 30	6 / 30	7 / 30	7 / 30
Количество вовлеченных бизнес-единиц (предприятий в составе холдинга) / доля, %	1 / 7	10 / 67	16 / 80	19 / 90	18 / 86
Количество групп номенклатуры / доля, %	1 / 17	1 / 17	2 / 33	3 / 50	3 / 50
Тактические и оперативные планы, формируемые на цифровой платформе / доля, %	1 / 7	2 / 14	3 / 21	5 / 36	5 / 36
Количество групп динамических данных / доля, %	0 / 0	3 / 30	6 / 60	8 / 80	8 / 80

Источник: разработано автором

Количество групп номенклатуры изменяется в контуре сквозного планирования по мере развития параметров системы: готовая продукция для планирования продаж и операций; затем добавлены покупные ТМЦ для планирования обеспечения производства; межзаводская кооперация. На каждом следующем этапе количество записей в справочнике номенклатуры увеличивается примерно в 10 раз.

После развития и цифровизации данных планирования все заводы холдинга достигли равномерного и стабильно высокого уровня зрелости данных для планирования. Плановики осуществляют процессы планирования в специализированно программном обеспечении на базе 1С ERP. Это позволяет сократить потери на этапах работы с данными при планировании.

Совокупная длительность работы с данным в рамках процесса сквозного планирования сокращена с 4 дней до 8 часов. Такое изменение позволяет повысить частоту формирования прогнозов исполнения планов для принятия оперативных управленческих решений.

Справочники для планирования производства обеспечивают синхронизированное планирование нескольких заводов (от уровня управляющей компании до цехов, участков и бригад), конструкторских и технологических служб, снабжения ТМЦ. За три года дисциплина поставки готовой продукции клиенту увеличена с 51% до 92%.

Нормализация справочников между предприятиями, объединенными общим производственным циклом, позволяет синхронизировать процессы планирования, производства и логистики на между-

заводском уровне. Совокупный эффект отражается на повышении дисциплины сроков внутрихолдинговых поставок по кооперации до 98% и снижении запасов по всей цепи поставок более чем на 0,5 млрд руб.

Заключение

Проведенное исследование в российских холдингах различной продуктовой специализации показало, что потери при решении отдельных задач планирования составляют до 71% от общей трудоемкости планирования.

Автор содержательно обосновал итерационно-инкрементальный подход к формированию данных для обеспечения сквозного планирования в машиностроительных холдингах на цифровой платформе, который включает:

- определение последовательности итераций в разрезе уровней планирования, бизнес-единиц, функциональности планирования, интеграций информационных систем;
- определение содержания инкрементов, включая выявление бизнес-задачи, оценку ситуации, использование имеющихся и создание новых возможностей работы с данными, изменение бизнес-процессов с учетом использования нового ландшафта возможностей, фиксацию результата.

Отличием данного подхода является эволюционное гармоничное развитие данных для сквозного планирования с учётом уровней управления в холдинге от бизнес-единиц до управляющей компании в разрезе функциональных вертикалей.

Предложенный подход применим на различных этапах планирования:

- на этапе формирования системы и запуска процесса планирования как методика первичного наполнения системы сквозного планирования данными;
- на этапе эксплуатации системы сквозного планирования. Между циклами планирования как часть предплановых процедур гигиены данных планирования. В рамках цикла планирования как основа для правил, которыми должны руководствоваться участники процесса планирования при взаимодействии с данными планирования.

Результаты настоящего исследования имеют теоретическое значение для развития подходов к формированию данных в системах сквозного планирования производства, особенно в части специфики холдинговых структур:

- создание единой цифровой платформы сквозного планирования в условиях неравномерности цифровой зрелости и качества данных в разрезе бизнес-единиц и функциональных вертикалей холдинга;
- использование существующих возможностей быстрого точечного развития подпроцессов планирования, включая данные, для получения значимого для холдинга бизнес-результата;
- объединение на унифицированной платформе сквозного планирования на основе единых данных различных уровней организационных единиц (от управляющей компании до заводов, цехов, участков и рабочих центров) и функций холдинга (планирование и логистика, продажи, инжиниринг, производство и снабжение, сервис) по всему жизненному циклу заказа (от инжиниринга до производства, эксплуатации и утилизации) на различных уровнях управления (от стратегического и тактического до оперативного уровня и сбора факта об исполнении).

Апробация в машиностроительных холдингах,

включающих порядка 30 заводов, подтверждает обоснованность применения итерационно-инкрементального подхода формирования данных для систем сквозного планирования производства на цифровой платформе.

Разработанная модель развития данных для планирования характеризуется комплексностью и полнотой направлений, полезна руководителям функции планирования, исследователям и специалистам, ответственным за развитие планирования как на уровне холдинга, так и в отдельных бизнес-единицах, для рационального целеполагания в отношении модификации и эксплуатации системы сквозного планирования и используемых для этого данных. Модель может быть использована для формирования контура обследования, планов развития; методик и инструкций, в том числе как основа формирования локальных нормативных актов предприятий. Следует рассматривать и использовать модель для развития данных системы сквозного планирования не обособленно, а одновременно с другими элементами системы сквозного планирования.

Методически корректное формирование данных в системах сквозного планирования производства представляет собой детерминирующий фактор достижения прогнозируемых экономических и операционных результатов комплексных проектов оптимизации производственных цепочек.

Согласно обоснованному итерационно-инкрементальному подходу, развитие системы сквозного планирования обуславливает формирование открытых платформ данных для взаимодействия с внешними поставщиками и потребителями, а также развитие интеграции жизненного цикла продукта и производственной цепочки создания ценности. Решение этих вопросов требует дополнительного изучения, и позволит получить конкурентные преимущества предприятиям холдинга.

Литература

1. Баришполец В. А. Обоснование решений при сквозном планировании и управлении созданием сложных технических (человеко-машинных) систем // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. – 2010. – Т. 25, № 1(25). – С. 91–106. – EDN: VZFZTT.
2. Брагина А. В., Вертакова Ю. В., Евченко А. В. Развитие сквозных технологий планирования деятельности промышленного предприятия в условиях цифровизации экономики // Организатор производства. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 24–36. – EDN: NAERLQ.
3. Бушуева Л. И., Афанасьев В. Б. Управление цифровой трансформацией процесса планирования продаж и операций в организации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2024. – Т. 4, № 1. – С. 53–64. – <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-1-53>. – EDN: RXXGEO.
4. Варфоломеева В. А., Архипова И. И. Влияние цифровизации на управление высокотехнологичными предприятиями машиностроения // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 2, № 4(124). – С. 145–150. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.02.017>. – EDN: OOFAIE.

5. Взаимосвязь скрытых потерь с инструментами бережливого производства / В. А. Смирнов [и др.] // Компетентность. – 2013. – № 2(103). – С. 36–39. – EDN: PXVJRJ.
6. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. – М.: Экономика, 1922. – 46 с.
7. Евченко А. В., Есенкова Г. А., Демченко А. А. Совершенствование методики и инструментария сквозного планирования функционирования и развития предприятия промышленности в условиях цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 6(35). – С. 115–125. – EDN: DNYPOD.
8. Зеневич А. М., Пунчик З. В. Датацентричность как тренд развития корпоративных информационных систем // Эколого-экономические и технологические аспекты устойчивого развития Республики Беларусь и Российской Федерации. Сборник статей III Международной научно-технической конференции: в 3 т., Минск, 03 декабря 2020 года. – Минск, 2021. – Т. 3, С. 179–182. – EDN: KWUVZA.
9. Сухомлинов А. И. Архитектура информационной системы оперативного планирования в промышленности, основанного на производственных знаниях // Синергия науки и практики в контексте инновационных прорывов в развитии экономики и общества: национальный и международные аспекты. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 декабря 2019 года. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 93–96. – EDN: ZYXQFQ.
10. Фомин С. Г., Ермакова Ж. А. Цифровизация системы планирования на предприятиях машиностроения: результаты, проблемы, перспективы // *π-Economy*. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 9–31. – <https://doi.org/10.18721/je.17501>. – EDN: LOYOAM.
11. Фомин С. Г., Ермакова Ж. А. Модернизация системы внутрифирменного производственного планирования на предприятиях // Вестник Академии. – 2024. – № 4. – С. 87–98. – <https://doi.org/10.51409/v.a.2024.12.01.008>. – EDN: LDSCQA.
12. Ханкарова М. С., Хлебников К. В. Цифровизация деятельности предприятий нефтегазового сектора // МИЛЛИОНЩИКОВ-2023: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, Грозный, 30–31 мая 2023 года. – Грозный, 2023. – С. 567–572. – <https://doi.org/10.26200/GSTOU.2023.52.10.108>. – EDN: THRUFI.
13. Clancy R., O’Sullivan D., Bruton K. (2023) Data-driven quality improvement approach to reducing waste in manufacturing. *The TQM Journal*. Vol. 35. No. 1, pp. 51–72. – <https://doi.org/10.1108/tqm-02-2021-0061>. (In Eng.).
14. Clancy R., et al. (2020) Systematic Mapping Study of Digitization and Analysis of Manufacturing Data. *International Journal of Industrial and Systems Engineering*. Vol. 14. No. 9, pp. 717–731. (In Eng.).
15. Eriksson K. M., Carlsson L., Olsson A. K. (2022) To digitalize or not? Navigating and merging human- and technology perspectives in production planning and control. *The International Journal of Advanced Manufacturing Technology*. Vol. 122. No. 8, pp. 4365–4373. – <https://doi.org/10.1007/s00170-022-09874-x>. (In Eng.).
16. Jin T., et al. (2024) A Business-Model-Driven Approach to Task-Planning Knowledge Graph Construction. *Applied Sciences*. Vol. 14. No. 23, pp. 11090. – <https://doi.org/10.3390/app142311090>. (In Eng.).
17. Orlicky J. (1975) Material Requirements Planning: The New Way of Life in Production and Inventory Management. New York: McGraw-Hill, 292 p. (In Eng.).
18. Resman M., et al. (2021). A Five-Step Approach to Planning Data-Driven Digital Twins for Discrete Manufacturing Systems. *Applied Sciences*. Vol. 11. No. 8, pp. 3639. – <https://doi.org/10.3390/app11083639>. (In Eng.).
19. Thun S., Bakås O., & Storholmen T. C. B. (2022) Development and implementation processes of digitalization in engineer-to-order manufacturing: enablers and barriers. *AI & Society*. Vol. 37. No. 2, pp. 725–743. – <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01174-4>. (In Eng.).
20. Wagner S., et al. (2023) From framework to industrial implementation: the digital twin in process planning. *Journal of Intelligent Manufacturing*. Vol. 35. No. 8, pp. 3793–3813. – <https://doi.org/10.1007/s10845-023-02268-0>. (In Eng.).
21. Wallace T. F. (2004) Sales and Operations Planning: The How-To Handbook. Ohio: T.F.Wallace & Company, 266 p. (In Eng.).
22. Wight O. (1981) MRP II: Unlocking America’s Productivity Potential. Boston: CBI Publishing Co., 555 p. (In Eng.).

References

1. Barishpolec, V. A. (2010) [Justification of decisions in end-to-end planning and management of the creation of complex technical (human-machine) systems]. *Modelirovanie, dekompozitsiya i optimizatsiya slozhnykh dinamicheskikh*

protsesov [Modeling, Decomposition and Optimization of Complex Dynamic Processes]. Vol. 25. No. 1(25), pp. 91–106. (In Russ.).

2. Bragina, A. V., Vertakova, Yu. V., Evchenko, A. V. (2020) [Development of end-to-end planning technologies for industrial enterprises in the context of the digital economy]. *Organizator proizvodstva* [Production Organizer]. Vol. 28. No. 1, pp. 24–36. (In Russ.).

3. Bushueva, L. I., Afanasyev, V. B. (2024) [Management of digital transformation of the sales and operations planning process in an organization]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Corporate Governance and Innovative Development of the Northern Economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Governance and Venture Investment of Syktyvkar State University]. Vol. 4. No. 1, pp. 53–64. – <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2024-4-1-53>. (In Russ.).

4. Varfolomeyeva, V. A., Arkhipova, I. I. (2022) [The impact of digitalization on the management of high-tech enterprises in mechanical engineering]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions]. Vol. 2 No. 4(124), pp. 145–150. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.04.02.017>. (In Russ.).

5. Smirnov, V. A. et al. (2013) [Relationship of hidden losses with lean production tools]. *Kompetentnost'* [Competence]. Vol. 2(103), pp. 36–39. (In Russ.).

6. Gastev, A. K. (1922) *Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to work. Practical Introduction to the Science of Labor Organization]. Moscow: Economics, 46 p. (In Russ.).

7. Evchenko, A. V., Esenkova, G. A., Demchenko, A. A. (2019) [Improvement of methods and tools for end-to-end planning of the functioning and development of an industrial enterprise in the context of the digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management]. Vol. 9. No. 6(35), pp. 115–125. (In Russ.).

8. Zenevich, A. M., Punchik, Z. V. (2021) [Data-centricity as a trend in the development of corporate information systems]. *Ekologo-ekonomicheskie i tekhnologicheskie aspekty ustoychivogo razvitiya Respubliki Belarus' i Rossiyskoy Federatsii: Sbornik statey III Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii* [Ecological, Economic and Technological Aspects of Sustainable Development of the Republic of Belarus and the Russian Federation: Proceedings of the III International Scientific and Technical Conference]. Minsk, Vol. 3, pp. 179–182. (In Russ.).

9. Sukhomlinov, A. I. (2019) [Architecture of an information system for operational planning in industry based on production knowledge]. *Sinerhiya nauki i praktiki v kontekste innovatsionnykh proryvov v razvitiye ekonomiki i obshchestva: natsional'nyye i mezhdunarodnye aspekty* [Synergy of Science and Practice in the Context of Innovative Breakthroughs in Economic and Social Development: National and International Aspects]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, December 09–10, 2019. St. Petersburg, pp. 93–96. (In Russ.).

10. Fomin, S. G., Ermakova, Zh. A. (2024) [Digitalization of the planning system at machine-building enterprises: results, problems, prospects]. *π-Economy* [π-Economy]. Vol. 17. No. 5, pp. 9–31. – <https://doi.org/10.18721/je.17501>. (In Russ.).

11. Fomin, S. G., Ermakova, Zh. A. (2024) [Modernization of the in-house production planning system at enterprises]. *Vestnik Akademii* [Academy Bulletin]. No. 4, pp. 87–98. – <https://doi.org/10.51409/v.a.2024.12.01.008>. (In Russ.).

12. Khankarova, M. S., Khlebnikov, K. V. (2023) [Digitalization of enterprises in the oil and gas sector]. *MILLIONSCHIKOV-2023* [MILLIONSCHIKOV-2023]. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with International Participation, Grozny, May 30–31, 2023. Grozny, pp. 567–572. – <https://doi.org/10.26200/GSTOU.2023.52.10.108>. (In Russ.).

13. Clancy, R., O'Sullivan, D., Bruton, K. (2023) Data-driven quality improvement approach to reducing waste in manufacturing. *The TQM Journal*. Vol. 35. No. 1. pp. 51–72. – <https://doi.org/10.1108/tqm-02-2021-0061>. (In Eng.).

14. Clancy, R., et. al. (2020) Systematic Mapping Study of Digitization and Analysis of Manufacturing Data. *International Journal of Industrial and Systems Engineering*. Vol. 14. No. 9. pp. 717–731. (In Eng.).

15. Eriksson, K. M., Carlsson, L., Olsson, A. K. (2022) To digitalize or not? Navigating and merging human- and technology perspectives in production planning and control. *The International Journal of Advanced Manufacturing Technology*. Vol. 122. No. 8, pp. 4365–4373. – <https://doi.org/10.1007/s00170-022-09874-x>. (In Eng.).

16. Jin, T., et al. (2024) A Business-Model-Driven Approach to Task-Planning Knowledge Graph Construction. *Applied Sciences*. Vol. 14. No. 23, pp. 11090. – <https://doi.org/10.3390/app142311090>. (In Eng.).

17. Orlicky, J. (1975) *Material Requirements Planning: The New Way of Life in Production and Inventory Management*. New York: McGraw-Hill, 292 p. (In Eng.).

18. Resman, M., et al. (2021) A Five-Step Approach to Planning Data-Driven Digital Twins for Discrete Manufacturing Systems. *Applied Sciences*. Vol. 11. No. 8, pp. 3639. – <https://doi.org/10.3390/app11083639>. (In Eng.).
19. Thun, S., Bakås, O., Storholmen, T. C. B. (2022) Development and implementation processes of digitalization in engineer-to-order manufacturing: enablers and barriers. *AI & Society*. Vol. 37. No. 2, pp. 725–743. – <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01174-4>. (In Eng.).
20. Wagner, S., et al. (2023) From framework to industrial implementation: the digital twin in process planning. *Journal of Intelligent Manufacturing*. Vol. 35. No. 8, pp. 3793–3813. – <https://doi.org/10.1007/s10845-023-02268-0>. (In Eng.).
21. Wallace, T. F. (2004) *Sales and Operations Planning: The How-To Handbook*. Ohio: T.F. Wallace & Company, 266 p. (In Eng.).
22. Wight, O. (1981) *MRP II: Unlocking America's Productivity Potential*. Boston: CBI Publishing Co., 555 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Семен Григорьевич Фомин, соискатель, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0009-0008-7462-850X

e-mail: semafor@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Semyon Grigorievich Fomin, PhD candidate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0009-0008-7462-850X

e-mail: semafor@gmail.com

The paper was submitted: 21.07.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

Научная статья
УДК 656.13

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-64>

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ С УЧАСТИЕМ ПЕШЕХОДОВ

И. Е. Ильина

Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия
e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

К. А. Перекусихина

Государственное бюджетное учреждение Пензенской области «Безопасный регион», Пенза, Россия
e-mail: k.perekusihina@br.pnzreg.ru

В. И. Рассоха

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Аннотация. В официальных источниках называют четыре причины высокой аварийности на автомобильном транспорте, обобщающие большое количество факторов, непосредственно влияющих на безопасность дорожного движения. При проведении анализа дорожно-транспортных происшествий (ДТП) с участием пешеходов основное значение имеют: наличие и расположение пешеходного перехода и средств организации дорожного движения на конкретном участке улично-дорожной сети; погодные и дорожные условия; временной фактор. Актуальность статьи определяется необходимостью решения проблемы повышения безопасности пешеходов путем комплексного исследования факторов, сопутствующих совершению ДТП с их участием. Целью исследования является группировка факторов, способствующих совершению ДТП с участием пешеходов, и определение значимости отдельных факторов для дальнейшей разработки и реализации мероприятий по снижению показателей аварийности. Для достижения поставленной цели использовалась методика, позволяющая определить влияние факторов на риск совершения ДТП, связанного с наездом на пешехода. Использование метода факторного анализа позволяет определить значимость каждого фактора из их совокупности. Исходными данными являются показатели аварийности с участием пешеходов на улично-дорожной сети из официальных источников за длительный период времени. Разработанная методика отличается от существующих комплексным учетом факторов, определяющих риск возникновения ДТП, что определяет ее научную новизну. Результатом исследования является определение веса факторов, что характеризует их значимость при анализе ДТП с участием пешеходов, позволяет в конечном итоге провести анализ участков улично-дорожной сети и определить очередность мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения пешеходов. Теоретическая значимость работы заключается в проверке работоспособности предложенной методики определения веса факторов, что представляет и практический интерес с точки зрения прогнозирования показателей аварийности и разработки научно-обоснованных мероприятий по повышению безопасности дорожного движения. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение составляющих каждого фактора, оказывающих влияние на безопасность движения пешеходов.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, наезд на пешехода.

Для цитирования: Ильина И. Е., Перекусихина К. А., Рассоха В. И. Анализ факторов дорожно-транспортных происшествий с участием пешеходов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 64–75. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-64>.

Original article

DETERMINING THE FACTORS OF AN ACCIDENT INVOLVING PEDESTRIANS

I. E. Ilyina

Penza State Agrarian University, Penza, Russia
e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

K. A. Perekusikhina

State Budgetary Institution of the Penza Region «Safe Region», Penza, Russia
e-mail: k.perekusikhina@br.pnzreg.ru

V. I. Rassokha

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: cabin2012@yandex.ru

Abstract. Official sources name four reasons for the high accident rate in motor transport, which summarize a large number of factors that directly affect road safety. When analyzing road accidents involving pedestrians, the following are of primary importance: the presence and location of a pedestrian crossing and traffic management facilities on a specific section of the street and road network; weather and road conditions; time factor. The relevance of the article is determined by the need to solve the problem of improving pedestrian safety through a comprehensive study of the factors accompanying accidents with their participation. The purpose of the study is to group the factors contributing to accidents involving pedestrians and to determine the significance of individual factors for the further development and implementation of measures to reduce accident rates. To achieve this goal, a methodology was used to determine the influence of factors on the risk of an accident involving a collision with a pedestrian. The use of the factor analysis method allows us to determine the significance of each factor from their totality. The initial data are accident rates involving pedestrians on the street and road network from official sources over a long period. The developed methodology differs from the existing ones by a comprehensive consideration of factors determining the risk of accidents, which determines its scientific novelty. The result of the scientific study is the determination of the weight of factors, which characterizes their significance in the analysis of accidents involving pedestrians, ultimately allows analyzing sections of the street and road network and determining the sequence of measures to ensure pedestrian traffic safety. The theoretical significance of the work lies in checking the operability of the proposed methodology for determining the weight of factors, which is also of practical interest in terms of predicting accident rates and developing scientifically based measures to improve road safety. Further research should be aimed at studying the components of each factor that affect pedestrian traffic safety.

Key words: traffic safety, traffic accident, pedestrian impact.

Cite as: Ilyina, I. E., Perekusikhina, K. A., Rassokha, V. I. (2025) [Determining the factors of an accident involving pedestrians]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 64–75. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-64>.

Введение

Пешеходы являются самой многочисленной категорией участников дорожного движения. На основании внесенных в 2022 году изменений в п. 1.2 Правил дорожного движения (ПДД) к пешеходам также отнесены лица, использующие для передвижения роликовые коньки, самокаты и иные аналогичные средства. Пункты 4.1–4.8 ПДД регламентируют обязанности пешеходов, в том числе при движении через проезжую часть¹.

В 2024 году было совершено 34 367 дорожно-транспортных происшествий (ДТП), связанных с наездами на пешеходов. В РФ доля погибших, являвшихся пешеходами, на протяжении последних лет снижается – с 29,5% в 2017 г. до 23,1% в 2024 г.².

В 2024 году было совершено 34 367 дорожно-транспортных происшествий (ДТП), связанных с наездами на пешеходов. В РФ доля погибших, являвшихся пешеходами, на протяжении последних лет снижается – с 29,5% в 2017 г. до 23,1% в 2024 г.².

¹ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 06.12.2024) «О Правилах дорожного движения» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004835>. (дата обращения: 30.05.2025).

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». – 2025. – 148 с.

Согласно отчету Всемирной организации здравоохранения «Процентное распределение показателя смертности пешеходов» составляет в странах: Америки – 17%, Восточного Средиземноморья – 26%, Европейского региона – 25%, Африканского региона – 33%, Юго-Восточной Азии – 17%³.

Проблема повышения безопасности пешеходов влечет необходимость всестороннего исследования факторов, сопутствующих совершению ДТП с их участием, что определяет актуальность исследования.

На основании сведений из официальных источников МВД ГИБДД РФ в 2024 г. на пешеходных переходах совершено 42,2% ДТП от общего количества наездов, вне пешеходных переходов произошло

57,8% ДТП. 61,2% ДТП произошли на пешеходных переходах, расположенных за пределами перекрестка, в его пределах – 38% ДТП. Распределение показателей аварийности по дорогам различного статуса свидетельствует, что 87,8% ДТП зафиксировано на автомобильных дорогах местного значения². Дорожные, погодные условия также влияют на аварийность с участием пешеходов.

На рисунке 1 представлена тепловая карта показателей аварийности – доля ДТП, связанных с наездом на пешеходов от общего количества ДТП в зависимости от месяца и времени суток. Продолжительность светового дня и активность населения непосредственно влияют на данный показатель.

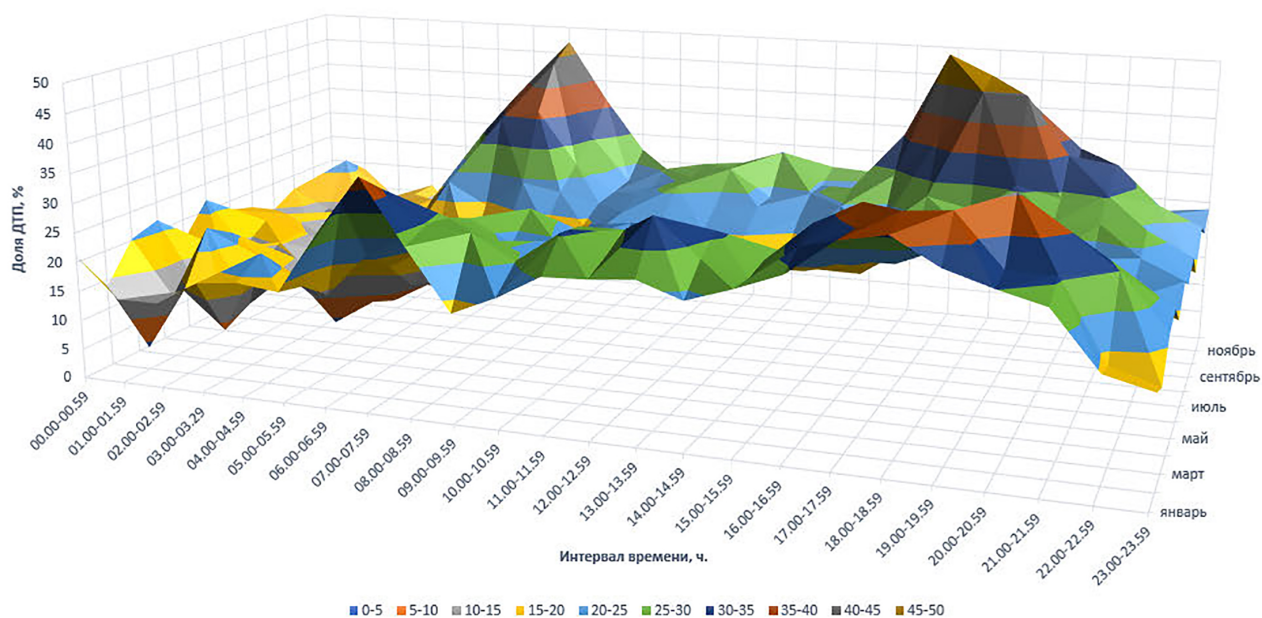

Рисунок 1. Доля ДТП, связанных с наездом на пешеходов, от общего количества ДТП в зависимости от месяца и времени суток

Источник: составлено авторами на основе данных показателей состояния безопасности дорожного движения – URL:<http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 29.05.2025)

В зависимости от дня недели доля ДТП, связанных с наездом на пешеходов, распределяется также неравномерно – высокий удельный вес наблюдается с 07:00

до 09:00 и с 17:00 до 22:00, что определяется активностью граждан в периоды передвижения на работу и домой. Это отражено на рисунке 2.

³ Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире, 2023 г. [Global status report on road safety 2023]. Женева: Всемирная организация здравоохранения; 2024. – 104 с.

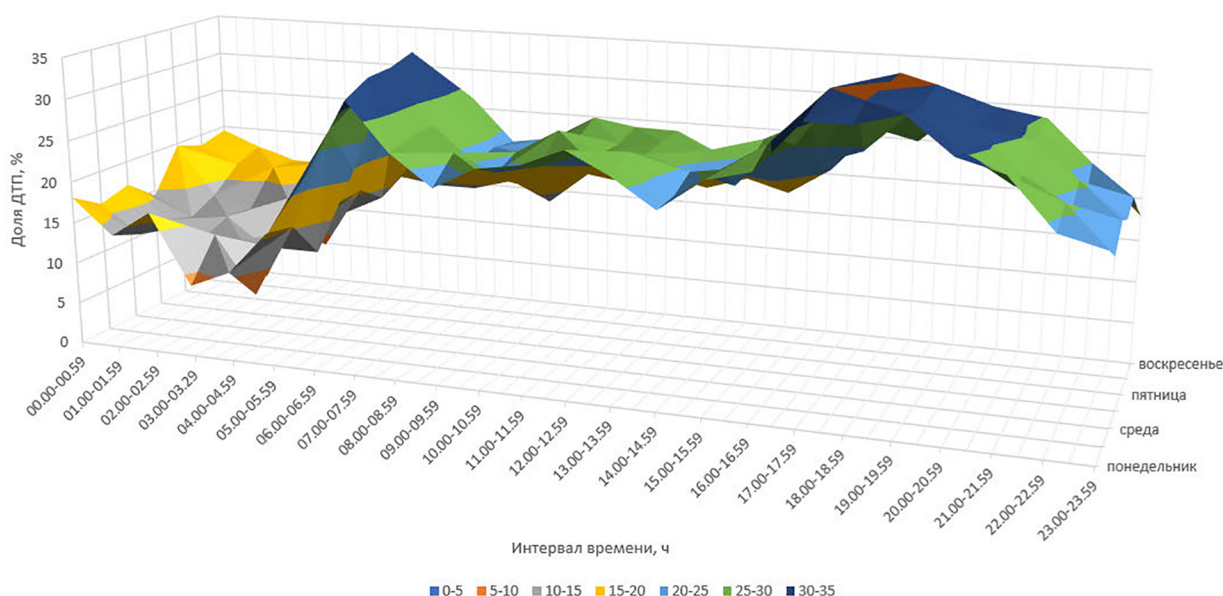

Рисунок 2. Доля ДТП, связанных с наездом на пешеходов, от общего количества ДТП в зависимости от дня недели и времени суток

Источник: составлено авторами на основе данных показателей состояния безопасности дорожного движения – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 29.05.2025)

Данные показатели подтверждают тот факт, что на возможность совершения ДТП с участием пешеходов влияет большое количество факторов. В связи с этим, целью исследования является группировка факторов, способствующих совершению ДТП с участием пешеходов и определение значимости отдельных факторов для дальнейшей разработки и реализации мероприятий по снижению показателей аварийности.

Обзор литературы

Пешеход и его влияние на состояние безопасности дорожного движения является составной частью общей проблемы обеспечения безопасности дорожного движения (БДД). О местонахождении пешехода в системе «водитель – автомобиль – дорога – среда движения» отмечено в работах Г. И. Клиновштейна⁴. В его интерпретации термин «среда» охватывает пешеходов, а также погоднo-климатические факторы (метеорологическую видимость, осадки, ветер, температуру воздуха) [6].

Система «участник дорожного движения – транспортное средство – автомобильная дорога – среда» с целью обеспечения БДД на основе теории информационного взаимодействия представлена в трудах Е. В. Куракиной [13]. В укрупненную группу «участник дорожного движения» кроме водителя, пешехода и пассажира транспортного средства отнесены велосипедист, мотоциклист, а также участники движения, передвигающиеся на средстве индивидуальной мобильности и др.⁵

Организация движения транспортных потоков с учётом безопасности пешеходов рассмотрены в работах В. В. Сильянова, Г. И. Клиновштейна, Ю. А. Кременца, Е. М. Лобанова, В. И. Коноплянко. Организацию и моделирование движения пешеходов, выбор вида пешеходного перехода и средств организации движения для обеспечения безопасности изучали О. Л. Белков⁶, О. Ю. Булатова [1], Н. С. Веремчук [2], В. С. Волков [4], Р. В. Гусейнов [5], В. В. Зырянов [19], Д. В. Капский [8–10], П. А. Ким [11], В. А. Корчагин и В. Э. Клявин [12], К. Н. Лукьянов [14], А. Ю. Михай-

⁴ Клиновштейн Г. И., Афанасьев М. Б. Организация дорожного движения: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Орг. и безопасность движения» – 5-е изд., перераб. и доп. – М: Транспорт, 2001. – 247 с.

⁵ Ильина И. Е. Методология обеспечения безопасности дорожного движения с учетом подготовленности водителей: дис. ... д-ра техн. наук. – Оренбург: ОГУ: 2024. – 337 с.

⁶ Белков О. Л. Обоснование модели обеспечения безопасности дорожного движения пешеходов: автореф. дис. канд. техн. наук. – Санкт-Петербург: СПбГАСУ, 2003. – 25 с.

лов [15], С. П. Озорнин [16], Е. В. Печатнова [3; 17; 21], М. Н. Поздняков [18], М. Г. Симуль [20], С. Л. Чикалина [22], Е. Н. Чикалин⁷, А. В. Симаков⁸, В. В. Чванов⁹ и др.

Важности влияния планировочной структуры улично-дорожной сети на безопасность дорожного движения пешеходов посвящены труды Ю. Д. Шелкова, Д. С. Самойлова, Ю. А. Ставничего [6].

Современные зарубежные ученые Feng Shumin и Pei Yulong [23], K. Jamroz [24], Jodie Y. S. Lee., William H. K. Lam [25], King Mark J., Soole David W. [26], Muhammad Moazzam Ishaque, Robert B. Noland [30], Nasar Jack L. [27], Qingfeng Li, Zhaoan Wang, Jianguo Yang, Jinmei Wang [28], A. Pashkevichi и M. Nowak [29] занимаются вопросами моделирования движения пешеходов на пешеходных переходах и исследуют взаимосвязь между скоростью транспортного средства и риском травмы пешеходов.

Данные исследования отражают результаты по отдельному конкретному фактору. Поэтому актуальным является группировка факторов, учитывающих погодные и временные условия, состояние улично-дорожной сети и наличия технических средств регулирования движения, психофизиологические особенности пешехода и т.д., способствующих совершению ДТП, связанных с наездом на пешеходов, и выявление наиболее значимых с целью снижения показателей аварийности.

Методика определения факторов, влияющих на риск совершения ДТП, связанных с наездом на пешеходов

Для определения значимых факторов, влияющих на возможность совершения ДТП с участием пешеходов и их взаимосвязь, применён факторный анализ. Обязательными условиями его проведения являются следующие: количественные переменные должны быть интервальными или метрическими, номинальные переменные – дихотомическими. Для точности эксперимента выборка должна быть однородной. Так как все исследуемые факторы имеют разную размерность, то предварительно необходимо провести нормирование [7]. Оно позволяет приводить данные

к безразмерному виду, чтобы обеспечить их сравнение. Значение веса (значимости) составляющей группы факторов определяется на основе оценок значимости каждого фактора с помощью регрессионного анализа в программе Python. Весовые коэффициенты отражают вклад фактора в общий результат и зависят от его важности по сравнению с другими факторами.

Суть методики заключается в выборе факторов, их группировке в индексы по схожей семантике [7]. Для оценки влияния различных факторов на безопасность движения пешеходов на основании анализа карточек ДТП определены 22 фактора, которые, в свою очередь, образуют 6 индексов безопасности дорожного движения (БДД), определяющих риск возникновения ДТП с участием пешехода:

- K_{Π} индекс БДД в зависимости от физических и психологических особенностей пешехода, учитывающий возраст, пол, социальный статус и др.;
- K_{Γ} – индекс БДД в зависимости от погодных условий, учитывающий температуру воздуха, состояние погоды, атмосферное давление;
- K_{Δ} индекс БДД в зависимости от даты совершения ДТП, учитывающий месяц, день недели, время дня, а также праздничный и предпраздничный дни;
- $K_{\text{м}}$ индекс БДД в зависимости от места ДТП, учитывающий тип населенного пункта или автомобильной дороги, расположение пешеходного перехода (при его наличии);
- $K_{\text{олд}}$ – индекс БДД в зависимости от средств регулирования дорожного движения, учитывающий наличие технических средств, в том числе средств фиксации нарушений;
- $K_{\text{плд}}$ индекс БДД в зависимости от участника дорожного движения (водитель, пешеход), нарушившего ПДД.

Каждому фактору присвоен номер, отражающий его сущность и принадлежность к индексу.

Например, индекс БДД пешеходов в зависимости от факторов даты совершения ДТП, суммирующий показатели ДТП с участием пешеходов в зависимости от месяца года, дня недели, времени суток:

$$K_{\Delta_i} = \sum_{\Delta=1}^3 k_{\Delta_i} \beta_{\Delta_i}, \quad (1)$$

где

K_{Δ_i} – нормированная величина количества ДТП с участием пешехода в зависимости от факторов даты совершения ДТП, ед.;

⁷ Чикалин Е. Н. Повышение эффективности организации дорожного движения в зонах нерегулируемых пешеходных переходов: автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Иркутск: ИрГТУ, 2012. – 21 с.

⁸ Симаков А. В. Обеспечение безопасности движения на наземных пешеходных переходах в городах: автореф. дис. канд. техн. наук. – Иркутск, ИрГТУ, 2012. – 20 с.

⁹ Чванов В. В. Методы оценки и повышения безопасности дорожного движения с учетом условий работы водителя. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 416 с.

$$K_{D_i} = \frac{Q_{D_i} - Q_{D_i}^{min}}{Q_{D_i}^{max} - Q_{D_i}^{min}}, \quad (2)$$

где

Q_{D_i} – значения переменных в зависимости от факторов даты совершения ДТП (месяц года, день недели, время суток), ед.;

$Q_{D_i}^{min}, Q_{D_i}^{max}$ – минимальное и максимальное значения переменных в зависимости от факторов даты совершения ДТП (месяц года, день недели, время суток), ед.;

β_{D_i} – значение веса соответствующего фактора.

Результаты исследования

Математический анализ массива данных ДТП с участием пешеходов в г. Пензе (рисунок 3) позволил

определить количественный показатель для каждого диапазона составляющих индекса «дата».

Российская Федерация, Пензенская область ДТП и пострадавшие пешеходы (01.01.2024-31.01.2024)									
№ п/п	Дата ДТП	Вид ДТП	Адрес	Погибло	Ранено	Кол-во ТС	Кол-во участников		
1	31.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Тамбовская 11	0	1	1	2		
4	23.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Кирова 25А	0	1	1	2		
5	20.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза пр-кт Строителей 134 А	0	1	1	2		
6	20.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Калинина 112	0	1	1	2		
7	19.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Дружбы 27 Б	0	1	1	2		
8	18.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Суворова 154	0	1	1	2		
9	17.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Кирова 67	0	1	1	2		
10	17.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Терновского 66	0	1	1	2		
12	15.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Калинина 61	0	1	1	2		
13	15.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Каракозова 44 к.1	0	1	1	2		
15	12.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Суворова 146А	0	1	1	2		
16	11.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Свердлова 2	0	1	1	2		
18	10.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Окружная 300	0	1	1	2		
19	10.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Аустриня 180	0	1	1	2		
20	07.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Генерала Глазунова 7	0	1	1	2		
21	06.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Шевченко 22	0	1	1	2		
22	06.01.2024	Наезд на пешехода	г Пенза пр-кт Строителей 45А	0	1	1	2		
1	28.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Экспериментальная 20а	0	2	1	3		
2	28.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза	0	1	1	2		
3	28.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Красная 104	0	1	1	2		
4	27.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза пр-кт Победы 150	0	1	1	2		
7	21.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Спартаковская 36А	0	1	1	2		
9	19.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Московская 133	0	1	1	2		
11	13.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Ленинский Мехлесхоз 30	0	1	1	2		
12	12.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза пр-кт Строителей 30	0	1	1	2		
15	10.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул 65-летия Победы 33	0	1	1	2		
16	07.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Ладжская 120Б	0	1	1	2		
18	05.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Измайлова 58А корп.1	0	1	1	2		
19	04.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Пушкина 30	0	1	1	2		
20	04.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Революционная 2 к.3	0	1	1	2		
24	01.02.2024	Наезд на пешехода	г Пенза	0	1	1	2		
2	30.03.2024	Наезд на пешехода	г Пенза ул Тепличная 12	1	0	1	2		
4	29.03.2024	Наезд на пешехода	г Пенза	0	1	1	2		

Рисунок 3. Фрагмент массива данных о ДТП, связанных с наездом на пешеходов, по г. Пензе, 2024 г.

Источник: составлено авторами на основе данных показателей состояния безопасности дорожного движения – URL:<http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения 02.06.2025)

Вес факторов, составляющих индекс БДД пешеходов «дата» (месяц, день недели, время суток соответственно):

$$\beta_{D_1} = 0,2864;$$

$$\beta_{D_2} = 0,3187;$$

$$\beta_{D_3} = 0,3944.$$

Видно, что наибольшее влияние на аварийность с участием пешеходов оказывает фактор «время суток».

По предложенной методике определён вес факторов, входящих в индексы, значения которых расшиф-

рованы выше в тексте. В таблице 1 представлено значение веса преобладающего фактора после анализа статистических данных аварийности по г. Пензе.

Таблица 1. Расчетные значения веса преобладающего фактора

Индекс БДД пешеходов	Наименование и значение веса преобладающего фактора
K_{Π}	$\beta_{\Pi_1} = 0,4123$ – возраст
K_{τ}	$\beta_{\tau_2} = 0,2582$ – состояние погоды
K_{Δ}	$\beta_{\Delta_3} = 0,3944$ – время суток
$K_{\text{м}}$	$\beta_{\text{м}_2} = 0,1954$ – вид пешеходного перехода
$K_{\text{одд}}$	$\beta_{\text{одд}_1} = 0,3825$ – светофор
$K_{\text{пдд}}$	$\beta_{\text{пдд}_1} = 0,6341$ – водитель

Источник: составлено авторами на основе расчетных данных

В таблице использованы обозначения: β_{Π_1} – вес фактора «возраст пешехода» в индексе БДД K_{Π} , учитывающий возраст, пол, социальный статус пешехода; β_{τ_2} – вес фактора «состояние погоды» в индексе БДД K_{τ} , учитывающий температуру воздуха, состояние погоды, атмосферное давление; β_{Δ_3} – вес фактора «время суток» в индексе БДД K_{Δ} , учитывающий месяц, день недели, время суток, а также праздничный и предпраздничный день; $\beta_{\text{м}_2}$ – вес фактора «вид пешеходного перехода» в индексе БДД $K_{\text{м}}$, учитывающий тип населенного пункта или автомобильной дороги, расположение пешеходного перехода (при его наличии); $\beta_{\text{одд}_1}$ – вес фактора «светофор» в индексе $K_{\text{одд}}$, учитывающий наличие технических средств; $\beta_{\text{пдд}_1}$ – вес фактора «водитель» в индексе $K_{\text{пдд}}$, учитывающий категорию участника дорожного движения нарушившего ПДД и ставшего причиной ДТП.

Модель БДД пешеходов с учётом рассмотренных факторов будет охватывать все представленные индексы при условии $Q_{ij} > 0$.

Определённые представленным методом веса факторов, характеризующих их значимость при анализе ДТП с участием пешеходов, позволяют в конечном итоге провести анализ участков улично-дорожной сети и определить очерёдность мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения пешеходов.

Заключение

Исходя из результатов обзора литературных источников и официальных данных аварийности, сгруппированы факторы, влияющие на возможность совершения ДТП с участием пешехода.

Научная новизна заключается в разработке методики определения значимости факторов при анализе ДТП с участием пешеходов, позволяющей комплексно учитывать 22 фактора, характеризующих погодные и временные условия, состояние улично-дорожной сети и наличие технических средств регулирования движения, психофизиологические особенности пешехода и т.д. Представленные факторы не являются исчерпывающими и могут быть дополнены в процессе исследования. Впервые предложены 6 индексов оценки состояния БДД, определяющих возможность возникновения ДТП с участием пешехода.

Вычисленные веса факторов позволили определить их значимость при анализе аварийности с участием пешеходов на конкретных участках улично-дорожной сети.

Направлением дальнейших исследований является изучение составляющих каждого фактора, таких как расположение пешеходного перехода, наличие средств организации дорожного движения, возраст пешехода и т.д., оказывающих влияние на безопасность движения пешеходов.

Литература

1. Булатова О. Ю., Зырянов В. В. Организация безопасного движения пешеходных потоков при проведении городских массовых мероприятий // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2024. – № 2. – С. 57–63. – <https://doi.org/10.36535/0236-1914-2024-02-8>. – EDN: MVJLIC.
2. Веремчук Н. С., Кондрин А. В. О разработке имитационной модели пешеходного перехода // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство. Сборник материалов IV Национальной научно-практической конференции. Омск, 22–23 апреля 2021 года. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ). – 2021. – С. 724–727. – EDN: IGTKFI.
3. Влияние отдельных метеорологических параметров на риск возникновения наезда на пешехода / Е. В. Печатнова [и др.] // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – 2024. – № 6. – С. 53–59. – <https://doi.org/10.36535/0236-1914-2024-06-8>. – EDN: DFZCZS.
4. Волков В. С., Кастырин Д. Ю., Лебедев Е. Г. Влияние скоростного режима движения транспорта на показатель опасности дорожного пересечения // Мир транспорта и технологических машин. – 2017. – № 2 (57). – С. 74–80. – EDN: ZAFHMF.
5. Гусейнов Р. В., Ахмедова М. Р., Алиева К. А. Методика выбора типа пешеходного перехода на внутри-городских улицах с учетом безопасности движения пешеходов // Мир транспорта и технологических машин. – 2022. – № 1 (76). – С. 54–61. – <https://doi.org/10.33979/2073-7432-2022-76-1-54-61>. – EDN: FCUBYA.
6. Ильина И. Е. «Пешеход» в системе ВАДС как один из аспектов оценки состояния безопасности дорожного движения // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2021. – № 1 (71). – С. 259–263. – <https://doi.org/10.34771/UZCEPU.2021.71.1.054>. – EDN: CDOYVE.
7. Ильина И. Е., Витвицкий Е. Е. Индексы для оценки уровня безопасности дорожного движения в регионах // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. – 2025. – Т. 22., № 1 (101). – С. 68–77. – <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2025-22-1-68-77>. – EDN: XVCDWQ.
8. Капский Д. В., Рябчинский А. И., Пегин П. А. Определение экономических потерь в дорожном движении на нерегулируемых пешеходных переходах в местах установки искусственных неровностей // Мир транспорта и технологических машин. – 2012. – № 3 (38). – С. 103–112. – EDN: PCCKZP.
9. Капский Д. В., Пегин П. А., Корчагин В. А. Особенности оценки транспортно-пешеходного конфликта на перекрестках // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2015. – № 2 (37). – С. 129–136. – EDN: TYGALJ.
10. Капский Д. В., Пегин П. А., Рябчинский А. И. Прогнозирование аварийности по методу конфликтных зон на пешеходных переходах в зоне искусственных неровностей // Мир транспорта и технологических машин. – 2015. – № 1 (48). – С. 111–118. – EDN: TNIJIV.
11. Ким П. А., Озорнин С. П., Масленников В. Г. Снижение риска наезда на пешеходов в условиях ограниченной видимости на нерегулируемых пешеходных переходах // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 6 (89). – С. 147–154. – EDN: SGIWEL.
12. Корчагин В. А., Клявин В. Э., Симаков А. В. Классификация наземных пешеходных переходов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 1 (60). – С. 103–108. – EDN: OOVJBF.
13. Куракина Е. В., Складорова А. А. Повышение уровня безопасности дорожного движения в системе «участник дорожного движения – транспортное средство – дорога – внешняя среда» // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. – 2020. – Т. 17, № 4 (74). – С. 488–499. – <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2020-17-4-488-499>. – EDN: KCYSWW.
14. Лукьянов К. Н. Аналитический обзор современных средств безопасности на нерегулируемых пешеходных переходах // Бизнес и общество. – 2021. – № 1 (29). – С. 10. – EDN: NLFHUL.
15. Михайлов А. Ю., Шестеров Е. А. Условия эффективного применения выделенных пешеходных фаз // Вестник гражданских инженеров. – 2021. – № 4 (87). – С. 134–142. – <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2021-18-4-134-142>. – EDN: TEUBIU.
16. Озорнин С. П., Ким П. А. Обеспечение безопасности пешеходов в условиях интенсивного городского движения автотранспортных средств // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. – Т. 2, № 2 (71). – С. 21–25. – EDN: RCNHUF.
17. Печатнова Е. В., Новиков И. А. Оценка распределения числа наездов на пешеходов по участкам дорог с различными характеристиками // Вестник гражданских инженеров. – 2023. – № 5 (100). – С. 79–87. – <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2023-20-5-79-87>. – EDN: LEDBNQ.

18. Поздняков М. Н. Исследование скорости движения пешеходов // Инженерный вестник Дона. – 2013. – № 2 (25). – С. 143. – EDN: QLITCX.
19. Разработка геоинформационной базы пешеходных потоков в Ростовской агломерации / А. В. Домбалин [и др.] // Мир транспорта и технологических машин. – 2023. – № 2 (81). – С. 81–88. – [https://doi.org/10.33979/2073-7432-2023-2\(81\)-81-88](https://doi.org/10.33979/2073-7432-2023-2(81)-81-88). – EDN: NCMLVU.
20. Симуль М. Г., Порхачёва С. М. Влияние некоторых факторов на соблюдение водителями правил проезда пешеходных переходов // Наука и техника в дорожной отрасли. – 2017. – № 1 (79). – С. 8–9. – EDN: YHXBVD.
21. Частотная оценка характеристик водителя при наездах на пешехода / Е. В. Печатнова [и др.] // Мир транспорта и технологических машин. – 2024. – № 2-2 (85). – С. 98–106. – [https://doi.org/10.33979/2073-7432-2024-2-2\(85\)-98-106](https://doi.org/10.33979/2073-7432-2024-2-2(85)-98-106). – EDN: LFJZAH.
22. Чикалина С. Л. К вопросу о безопасности пешеходов на нерегулируемых пешеходных переходах // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 11 (58). – С. 156–158. – EDN: OKBJBJ.
23. Feng Sh., Pei Yu. (2007) Analysis of Vehicle Delay on Road Sections on the Condition of Pedestrian Crossing. *Journal of Transportation Systems Engineering and Information Technology*. Vol. 7, No. 3, pp. 73–77. – [https://doi.org/10.1016/S1570-6672\(07\)60023-3](https://doi.org/10.1016/S1570-6672(07)60023-3). (In Eng.).
24. Jamroz K., et al. (2014) Ochrona pieszych. Podręcznik dla organizatorów ruchu pieszego. Gdańsk, Cracow and Warsaw. P. 9. – Poland: Ministry of Infrastructure and Development. – <https://doi.org/10.13140/2.1.3172.9447>. (In Polish).
25. Jodie Y. S. Lee., William H. K. Lam (2008) Simulating pedestrian movements at signalized crosswalks in Hong Kong. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 42, No. 10, pp. 1314–1325. – <https://doi.org/10.1016/j.tra.2008.06.009>. (In Eng.).
26. King M. J., Soole D. W., Ghafourian A. (2009) Illegal pedestrian crossing at signalised intersections: Incidence and relative risk. *Accident Analysis & Prevention*. Vol. 41, No. 3, pp. 485–490. – <https://doi.org/10.1016/j.aap.2009.01.008>. (In Eng.).
27. Nasar Jack L. (2003) Prompting drivers to stop for crossing pedestrians. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. Vol. 6, No. 3, pp. 175–182. – [https://doi.org/10.1016/S1369-8478\(03\)00024-X](https://doi.org/10.1016/S1369-8478(03)00024-X). (In Eng.).
28. Qingfeng Li, et al. (2005) Pedestrian delay estimation at signalized intersections in developing cities. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 39, No. 1, pp. 61–73. – <https://doi.org/10.1016/j.tra.2004.11.002>. (In Eng.).
29. Pashkevich A., Nowak M. (2017) Road safety risk assessment at pedestrian crossings: a case study from Sulkowice. *Scientific Journal of Silesian University of Technology. Series Transport*. No. 95, pp. 159–170. – <https://doi.org/10.20858/sjsutst.2017.95.15>. (In Eng.).
30. Robert B. Noland, Muhammad Moazzam Ishaque (2007) Trade-offs between vehicular and pedestrian traffic using micro-simulation methods. *Transport Policy*. Vol. 14, No. 2, pp. 124–138. – <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2006.11.001>. (In Eng.).

References

1. Bulatova, O. Yu., Zyryanov, V. V. (2024) [Organization of safe movement of pedestrian flows during urban mass events]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. Nauchnyy informacionnyy sbornik*. [Transport: science, technology, management. Scientific information collection]. Vol. 2, pp. 57–63. (In Russ.).
2. Veremchuk, N. S., Kondrin, A. V. (2021) [On the development of an imitation model of a pedestrian crossing]. *Obrazovanie. Transport. Innovacii. Stroitel'stvo. Sbornik materialov IV Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk. 22–23 aprelya 2021 goda* [Education. Transport. Innovation. Construction. Collection of materials of the IV National Scientific and Practical Conference. Omsk. Siberian State Automobile and Road University (SibADI)], pp. 724–727. (In Russ.).
3. Pechatnova, E. V., et al. (2024) [The influence of certain meteorological parameters on the risk of hitting a pedestrian]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. Nauchnyy informacionnyy sbornik* [Transport: science, technology, management. Scientific Information Collection]. Vol. 6, pp. 53–59. (In Russ.).
4. Volkov, V. S., Kastrin, D. Yu., Lebedev, E. G. (2017) [The influence of the high-speed mode of transport on the indicator of the danger of road crossing]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 2 (57), pp. 74–80. (In Russ.).
5. Huseynov, R. V., Akhmedova, M. R., Alieva, K. A. (2022) [Methodology for choosing the type of pedestrian

crossing on inner-city streets, taking into account pedestrian safety]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 1 (76), pp. 54–61. (In Russ.).

6. Ilina, I. E. (2021) [«Pedestrian» in the VADS system as one of the aspects of assessing the state of road safety]. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta* [Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University]. Vol. 1 (71), pp. 259–263. (In Russ.).

7. Ilina, I. E., Vitvitsky, E. E. (2025) [Indexes for assessing the level of road safety in the regions]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta* [Bulletin of the Siberian State Automobile and Road University]. Vol. 22, No. 1 (101), pp. 68–77. (In Russ.).

8. Kapsky, D. V., Ryabchinsky, A. I., Pegin, P. A. (2012) [Determination of economic losses in traffic at unregulated pedestrian crossings in places where artificial bumps are installed]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 3 (38), pp. 103–112. (In Russ.).

9. Kapsky, D. V., Pegin, P. A., Korchagin, V. A. (2015) [Features of assessing transport and pedestrian conflict at intersections]. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University]. Vol. 2 (37), pp. 129–136. (In Russ.).

10. Kapsky, D. V., Pegin, P. A., Ryabchinsky, A. I. (2015) [Forecasting of accidents by the method of conflict zones at pedestrian crossings in the zone of artificial irregularities]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 1 (48), pp. 111–118. (In Russ.).

11. Kim, P. A., Ozornin, S. P., Maslennikov, V. G. (2014) [Reducing the risk of hitting pedestrians in conditions of limited visibility at unregulated pedestrian crossings]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. Vol. 6 (89), pp. 147–154. (In Russ.).

12. Korchagin, V. A., Klyavin, V. E., Simakov, A. V. (2012) [Classification of surface pedestrian crossings]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. Vol. 1(60), pp. 103–108. (In Russ.).

13. Kurakina, E. V., Sklyarova, A. A. (2020) [Improving the level of road safety in the system «road user – vehicle – road – external environment»]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta* [Bulletin of the Siberian State Automobile and Road University]. Vol. 17. No. 4 (74), pp. 488–499. (In Russ.).

14. Lukyanov, K. N. (2021) [Analytical review of modern safety equipment at unregulated pedestrian crossings]. *Biznes i obshchestvo: elektronnyy zhurnal* [Business and society: electronic journal]. Vol. 1(29), p. 10. (In Russ.).

15. Mikhailov, A. Yu., Shesternov, E. A. (2021) [Conditions for the effective use of dedicated pedestrian phases]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers]. Vol. 4 (87), pp. 134–142. (In Russ.).

16. Ozornin, S. P., Kim, P. A. (2013) [Ensuring pedestrian safety in conditions of heavy urban traffic of motor vehicles]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Technical University]. Vol. 2. No. 2 (71), pp. 21–25. (In Russ.).

17. Pechatnova, E. V., Novikov, I. A. (2023) [Estimation of the distribution of the number of pedestrian collisions along road sections with different characteristics]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* [Bulletin of Civil Engineers]. Vol. 5(100), pp. 79–87. (In Russ.).

18. Pozdnyakov, M. N. (2013) [Pedestrian speed research]. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering Bulletin of the Don]. Vol. 2 (25), 143 p. (In Russ.).

19. Dombalyan, A. V., et al. (2023) [Development of a geoinformation database of pedestrian flows in the Rostov agglomeration]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 2 (81), pp. 81–88. (In Russ.).

20. Simul, M. G., Porkhacheva, S. M. (2017) [The influence of certain factors on drivers' compliance with the rules of passage of pedestrian crossings]. *Nauka i tekhnika v dorozhnoy otrasli* [Science and technology in the road industry]. Vol. 1 (79), pp. 8–9. (In Russ.).

21. Pechatnova, E. V., et al. (2024) [Frequency assessment of driver characteristics during pedestrian collisions]. *Mir transporta i tekhnologicheskikh mashin* [The world of transport and technological machines]. Vol. 2–2 (85), pp. 98–106. (In Russ.).

22. Chicalina, S. L. (2011) [On the issue of pedestrian safety at unregulated pedestrian crossings]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University]. Vol. 11 (58), pp. 156–158. (In Russ.).

23. Feng, Sh., Pei, Yu. (2007). Analysis of Vehicle Delay on Road Sections on the Condition of Pedestrian Crossing. *Journal of Transportation Systems Engineering and Information Technology*. Vol. 7, No. 3, pp. 73–77. – [https://doi.org/10.1016/S1570-6672\(07\)60023-3](https://doi.org/10.1016/S1570-6672(07)60023-3). (In Eng.).

24. Jamroz, K., et al. (2014) Ochrona pieszych. Podręcznik dla organizatorów ruchu pieszego. Gdańsk, Cracow and Warsaw. *Poland: Ministry of Infrastructure and Development*, pp. 9. – <https://doi.org/10.13140/2.1.3172.9447>. (In Polish).
25. Jodie, Y. S. Lee, William, H. K. Lam (2008) Simulating pedestrian movements at signalized crosswalks in Hong Kong. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 42, No. 10 (December), pp. 1314–1325. – <https://doi.org/10.1016/j.tra.2008.06.009>. (In Eng.).
26. King, M. J., Soole, D. W., Ghafourian, A. (2009) Illegal pedestrian crossing at signalised intersections: Incidence and relative risk. *Accident Analysis & Prevention*. Vol. 41, No. 3, pp. 485–490. – <https://doi.org/10.1016/j.aap.2009.01.008>. (In Eng.).
27. Nasar, Jack L. (2003) Prompting drivers to stop for crossing pedestrians. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. Vol. 6, No. 3 (September), pp. 175–182. – [https://doi.org/10.1016/S1369-8478\(03\)00024-X](https://doi.org/10.1016/S1369-8478(03)00024-X). (In Eng.).
28. Qingfeng, Li, et al. (2005) Pedestrian delay estimation at signalized intersections in developing cities. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 39, No. 1, pp. 61–73. – <https://doi.org/10.1016/j.tra.2004.11.002>. (In Eng.).
29. Pashkevich, A., Nowak, M. (2017) Road safety risk assessment at pedestrian crossings: a case study from Sulkowice. *Scientific Journal of Silesian University of Technology. Series Transport*. No. 95, pp. 159–170. – <https://doi.org/10.20858/sjsutst.2017.95.15>. (In Eng.).
30. Robert, B. Noland, Muhammad Moazzam Ishaque (2007) Trade-offs between vehicular and pedestrian traffic using micro-simulation methods. *Transport Policy*. Vol. 14, No. 2, pp. 124–138. – <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2006.11.001>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Ирина Евгеньевна Ильина, доктор технических наук, доцент, доцент кафедры «Технический сервис машин», Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия

ORCID ID: 0000-0003-0261-7824

e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

Кристина Александровна Перекусихина, аналитик 2 категории отдела организации дорожного движения, Государственное бюджетное учреждение Пензенской области «Безопасный регион», Пенза, Россия

ORCID ID: 0009-0007-8452-3130

e-mail: k.perekusihina@br.pnzreg.ru

Владимир Иванович Рассоха, доктор технических наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-2499-6530

e-mail: cabin2012@yandex.ru

Вклад соавторов:

Ильина И. Е. – анализ результатов литературного обзора, разработка методики проведения исследования, координация работ при проведении анализа литературных источников, обоснование концепции исследования; планирование аналитической части исследования; обобщение результатов исследования, формулировка выводов, редактирование и переработка рукописи.

Перекусихина К. А. – обзор литературных источников, сбор и систематизация исходных данных, обработка полученных результатов, анализ и обсуждение результатов.

Рассоха В. И. – анализ проблемы, формулирование цели и задач исследования, названия статьи, разработка концептуального подхода и теоретической части исследования, интерпретация результатов; формулировка выводов.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Irina Evgenyevna Ilyina, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Technical Service of Machines, Penza State Agrarian University, Penza, Russia

ORCID iD: 0000-0003-0261-7824

e-mail: ilyina.i.e@pgau.ru

Kristina Aleksandrovna Perekusikhina, 2nd category analyst of the Department of Road Traffic Organization, State Budgetary Institution of the Penza Region «Safe Region», Penza, Russia

ORCID iD: 0009-0007-8452-3130

e-mail: k.perekusihina@br.pnzreg.ru

Vladimir Ivanovich Rassokha, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Transport Faculty, Orenburg State University, Orenburg, Russia

ORCID iD: 0000-0002-2499-6530

e-mail: cabin2012@yandex.ru

Contribution of the authors:

Ilyina I. E. – analysis of the literature review results, development of the research methodology, coordination of work during the analysis of literary sources, substantiation of the research concept; planning the analytical part of the research; generalization of the research results, formulation of conclusions, editing and revision of the manuscript.

Perekusikhina K. A. – review of literary sources, collection and systematization of the initial data, processing of the obtained results, analysis and discussion of the results.

Rassokha V. I. – analysis of the problem, formulation of the goal and objectives of the research, title of the article, development of the conceptual approach and theoretical part of the research, interpretation of the results; formulation of conclusions.

The paper was submitted: 09.06.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 140

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-76>

ТОПОЛОГИЯ ДУШИ И ДЕТСТВА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. А. Азаренко

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка интегрировать методы философии, феноменологии, социальной топологии и культурологического анализа для многоаспектного изучения феномена детства и становления личности. Подобный междисциплинарный синтез способствует созданию целостной исследовательской модели. Особое внимание уделено критическому разбору теорий ведущих мыслителей (Агамбена, Хайдеггера, Мариона, Анри), при этом сопоставление позиций Агамбена и Хайдеггера выявляет новаторский характер онтологического осмысления детства у первого автора. Разработанный социально-топологический метод предлагает принципиально новые перспективы исследования детского опыта. Фокус на телесных практиках, пространственно-временных координатах и коммуникативных процессах раскрывает ранее не учитываемые аспекты личностного развития. Использование автобиографического материала (описание значимых локусов детства – антресолей, ванного пространства) служит эффективным инструментом визуализации теоретических положений, демонстрируя их прикладное значение. Особую ценность представляет культурологический анализ, где через категории телесности и социальных взаимодействий рассматриваются специфические черты русского восприятия детства. Литературные реминисценции (произведения Толстого, Горького, Достоевского) выступают как содержательные иллюстрации культурно-исторических вариаций концептуализации детского возраста.

Ключевые слова: детство, феноменология, социально-топологический подход, «индивиды» ↔ «дома» ↔ «институты-практики» ↔ «города» ↔ «государства» ↔ «страна», социальное тело.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00189 «Телесные практики повседневности: хлеб, вино и девиации в пограничных состояниях культур Нового времени».

Для цитирования: Азаренко С. А. Топология души и детства: феноменологическая и социально-топологическая методология исследования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 76–86. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-76>.

Original article

TOPOLOGY OF THE SOUL AND CHILDHOOD: A PHENOMENOLOGICAL AND SOCIO-TOPOLOGICAL RESEARCH METHODOLOGY

S. A. Azarenko

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Abstract. This paper attempts to integrate methods from philosophy, phenomenology, social topology, and cultural analysis for a multifaceted study of childhood and personality development. This interdisciplinary synthesis contributes to the creation of a holistic research model. Particular attention is paid to a critical analysis of the theories of leading thinkers (Agamben, Heidegger, Marion, and Henri). A comparison of Agamben's and Heidegger's positions reveals

the innovative nature of Agamben's ontological understanding of childhood. The developed socio-topological method offers fundamentally new perspectives for the study of childhood experience. A focus on bodily practices, spatio-temporal coordinates, and communicative processes reveals previously overlooked aspects of personal development. The use of autobiographical material (descriptions of significant childhood loci-mezzanines, bathroom spaces) serves as an effective tool for visualizing theoretical propositions, demonstrating their practical significance. Of particular value is the cultural analysis, which explores the specific features of the Russian perception of childhood through the categories of corporeality and social interactions. Literary reminiscences (works by Tolstoy, Gorky, and Dostoevsky) serve as informative illustrations of cultural and historical variations in the conceptualization of childhood.

Key words: childhood, phenomenology, socio-topological approach, «individuals» ↔ «homes» ↔ «institutional practices» ↔ «cities» ↔ «states» ↔ «country», social body.

Acknowledgments. This work was supported by grant No. 24-28-00189 from the Russian Science Foundation, «Bodily Practices of Everyday Life: Bread, Wine, and Deviations in the Border States of Modern Cultures».

Cite as: Azarenko, S. A. (2025) [Topology of the Soul and Childhood: A Phenomenological and Socio-Topological Research Methodology]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 76–86. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-76>.

Введение

Обращение к детству ведет нас к истокам понимания человеческой личности. Тема детства существенно различается в зависимости от личного опыта, философских взглядов и творческих задач. Так, у Л. Н. Толстого детство – идеал и утраченный рай («Детство», «Отрочество», «Юность»). Это светлая, гармоничная пора, потерянный мир добра и справедливости. У М. Горького («Детство») – суровая школа жизни: бедность, жестокость, но и мудрость простых людей. Герой учится выживать, сохраняя человечность. У Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы») детство трагично: страдания детей ставят под сомнение благость мира. Итак, у Толстого детство – светлый идеал, у Горького – борьба за выживание, у Достоевского – символ несправедливости.

Методология исследования:

феноменология и социальная топология

Феноменология детства

М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» отмечает, что наше самое фундаментальное, «дологическое» знание о мире рождается не из мышления или рефлексии, а из нашего живого телесного взаимодействия с ним через восприятие и движение [13]. Традиционная философия (например, Декарт) рассматривала сознание как нечто отдельное от мира («мыслящую субстанцию»), которое затем устанавливает с ним контакт через репрезентации (образы, идеи). Сначала есть «Я мыслю», а потом – мир как объект этого мышления. Мерло-Понти отвергает этот подход. Для него первичный контакт – это не контакт мыслителя с объектом, а контакт воплощенного субъекта (*être au monde* – «бытия-в-мире») с жизненным миром (*le monde vécu*). Он использует здесь понятие «генезиса», что означает: происхождение, самый корень нашего опыта. Это не статичное знание, а ди-

намичный, непрерывный процесс взаимодействия. Это до-рефлексивный и до-предикативный уровень. Это опыт, который происходит до того, как мы о нем подумали или выразили в словах. Например, вы инстинктивно отклоняетесь от летящего в вас мяча, а не сначала думаете, что движущийся объект, траектория которого пересекается с моей, следует активировать моторные функции уклонения. Это опыт, включающий «первичные контакты», которыми наше тело изначально «знает» мир. Наше восприятие это не пассивное получение данных (как камера), а как активное, заинтересованное «вопросание» мира. Наше тело направляет взгляд, прислушивается, ощущает, выделяя фигуры на фоне. Здесь имеет место телесная интенциональность. Наше тело изначально направлено на мир с практическими целями. Рука «знает», как взять чашку, нога «знает», как подняться по ступеньке. Это «знание» заключено не в уме, а в самой мышечной памяти и организации телесного опыта. Тело «осваивает» мир через движение и привычки. Осваивая новый инструмент (например, автомобиль), мы сначала думаем о каждом действии, но потом машина становится «продолжением» нашего тела, мы чувствуем ее габариты и мощность телесно, а не визуально рассчитываем. Первичный контакт – это не отношение субъекта к объекту, а взаимопроникновение. Мы вплетены в мир, а не противопоставим ему. Основа всего последующего знания. Всякая наука, логика, язык и рефлексия вырастают из этого фундаментального, «немного» слоя телесного опыта. Прежде чем понять мир, мы уже живем в нем.

В работе «Детство и история» (1978) Джорджо Агамбен предлагает оригинальную философскую интерпретацию детства, выходящую за рамки традиционных психологических, педагогических и антропологических подходов. Его концепция раскрывается через несколько ключевых аспектов [16]. Агамбен рас-

считает детство не как переходящий этап развития, а как антропологическую структуру – конститутивный элемент человеческого бытия. В отличие от животных с их жестко заданными инстинктами, человек рождается «незавершенным», и именно эта незавершенность (детство) делает возможными язык, историю и культуру. Детство связано у Агамбена с опытом освоения языка, который никогда не становится полностью «своим». Ребёнок пребывает в состоянии постоянного становления, и этот процесс принципиально незавершенным. Таким образом, детство понимается как разрыв между опытом и его выражением, что и конституирует человека как историческое существо. Особое внимание Агамбен уделяет концепции «остатка» (*infantia*) в языке и памяти. Он различает *puer* (ребёнок как социальная категория) и *infans* (тот, кто ещё не говорит). *Infantia* – это не просто возрастной этап, а невыразимый опыт, остающийся за пределами языка. Этот «остаток» сохраняется во взрослой жизни как утраченное, но при этом формирующее начало человеческой субъективности. Агамбен критикует современную культуру за институционализацию детства (школы, медиа, товары для детей), что приводит к исчезновению его подлинной сути – опыта незавершенности. Вместо аутентичного детства остаётся лишь его симулякр. В более поздних работах («*Homo Sacer*») философ развивает идею о том, что современная политика стремится к тотальному управлению жизнью, включая детство [1]. Однако именно детство как потенциальность и незавершенность может стать точкой сопротивления биополитическому контролю. Таким образом, оригинальность подхода Агамбена заключается в онтологизации детства: оно становится не просто этапом жизни, а условием возможности истории, языка и политики. Детство предстает как «разрыв, остаток, потенциал», конституирующий саму человеческую природу.

Хайдеггер интерпретирует детство как «недостаток» – состояние, в котором человек ещё не обладает полнотой экзистенциального опыта. В его философии *Dasein* (бытие-в-мире) предполагает осознанное отношение к собственной конечности, чего, по его мнению, лишён ребёнок. Детство оказывается «еще-не-подлинным» бытием [14, с. 175–178]. Агамбен оспаривает эту трактовку, рассматривая детство не как отсутствие, а как особый модус существования. Для него ребёнок – не просто «ещё не говорящий», но пребывающий в состоянии «не-еще-говорения», что открывает пространство для чистого потенциала. В отличие от Хайдеггера, для которого детство – это дефицит, Агамбен видит в нём «остаток», сохраняющийся во взрослой жизни как возможность нового опыта. Ключевое различие между мыслителями за-

ключается в понимании языка. Если для Хайдеггера речь конституирует *Dasein*, то Агамбен подчёркивает, что детство – это пространство, где язык ещё не закрепился, что позволяет иное отношение к миру. Таким образом, Агамбен не просто критикует Хайдеггера, но переворачивает его подход: детство становится не недостатком, а источником радикальной открытости бытия. Жан-Люк Марион в работе «Эго, или Наделённый собой» предлагает критику классического понимания субъекта как автономного «Я» [12]. Традиционная философия (от Декарта до Канта) рассматривает Эго как центр сознания, источник смысла и суверенного самообладания. Марион же показывает, что такое понимание игнорирует данность (*donation*) субъекта – то, что «Я» всегда уже дано себе до всякой рефлексии. В противовес активному, конституирующему «Эго», Марион вводит концепцию «наделённого собой» (*le soi*) – пассивного получателя, который не владеет собой изначально, а принимает себя как дар. Эта идея перекликается с христианской антропологией, где человек понимается как творение, зависимое от Бога. Ключевая мысль Мариона – примат пассивности над активностью. В отличие от Гуссерля и Сартра, где сознание активно конституирует мир, у Мариона субъект прежде всего «получает себя» до всякой активности. Человек не выбирает своё рождение, тело или историю – всё это ему «дано». Развивая идеи Левинаса, Марион подчёркивает, что Другой – не объект сознания, а тот, кто нарушает мою самодостаточность. Субъективность формируется в ответ на его призыв. Таким образом, Марион предлагает децентрированную модель субъективности: «Я» – не хозяин самого себя, а «получатель», чья сущность раскрывается в принятии данности.

Мишель Анри радикально пересматривает классическую феноменологию, смещая акцент с интенциональности сознания на имманентность жизни и её аффективную самоочевидность. Он отвергает гуссерлевский тезис о направленности сознания на объект, утверждая, что первичный опыт жизни (аффективность, страдание, радость) дан самому себе без посредничества внешнего мира. Для Анри жизнь – не биологический процесс, а чистая самоаффективность, внутреннее переживание, не нуждающееся в трансцендентном мире. Боль или радость даны непосредственно, без отсылки к чему-либо внешнему. Жизнь не проявляется в мире (как у Хайдеггера), а остаётся невидимой, являясь условием всякого опыта. Субъект у Анри – не трансцендентальное эго, а пассивное самоиспытание жизни в её аффективных модусах. Субъективность коренится не в рефлексии, а в дорефлексивном переживании. Анри полагает, что Гуссерль и Хайдеггер остаются в рамках «анти-

ко-онтологического различия», тогда как подлинная феноменология должна раскрыть абсолютную имманентность жизни. Концепции Агамбена, Мариона и Анри позволяют переосмыслить детство, выходя за рамки его традиционного понимания как временного этапа. Агамбен раскрывает онтологический статус детства: незавершённость ребёнка – условие возможности языка и культуры. *Infantia* как «невыводимый остаток», сохраняющийся во взрослой жизни. Критика институционализации детства в современном обществе. Детство как зона сопротивления биополитическому контролю. Марион предлагает феноменологию детства через призму данности: ребёнок – не автономный субъект, а получатель дара (языка, культуры, бытия). Субъективность формируется через ответ Другому (родителям, языку). Детство как модель радикальной зависимости, ставящей под вопрос миф о суверенном «Я».

Мишель Анри акцентирует аффективную природу детства: опыт ребёнка – дорефлексивная самоочевидность жизни (боль, радость, голод) [6, с. 43–57]. Младенец как пример «не-феномена»: имманентность переживания до объективации мира. Детство раскрывает изначальную аффективность как основу субъективности. Эти подходы взаимодополняют друг друга: онтология незавершённости (Агамбен) и пассивность данности (Марион) показывают детство как состояние, в котором человек получает бытие, сохраняя потенциал его трансформации. Аффективная имманентность (Анри) и *infantia* (Агамбен) раскрывают детский опыт как «доязыковую» реальность, продолжающую влиять на взрослую жизнь. Сопротивление биополитике (Агамбен) и субъективность как дар (Марион) демонстрируют детство как пространство, где контроль сталкивается с зависимостью и спонтанностью. Таким образом, детство предстаёт не как «незрелость», а как: условие человечности (Агамбен), модель субъективности как зависимости (Марион), фундамент аффективного опыта (Анри). В этом синтезе детство становится ключом к пониманию человека – его открытости, уязвимости и способности к творческому преобразованию мира.

Социально-топологическая философия: методология исследования

С 2000 года мы разрабатываем социально-топологическую методологию в социальной философии. В «Топологии культурного воспроизводства (на материале русской культуры)» мы обосновываем топологический подход к социально-этнической проблематике культурного воспроизводства, раскрывая социально-топологический характер культуры, вводя и обосновывая новый термин «топологема» [5, с. 46],

обозначающий систему самоорганизующихся мест, порождающих уникальное своеобразие данной культуры. Вводя данное понятие вместо понятия «хроно-топ», мы подчеркиваем, что место создается людьми временем их взаимодействия. В своей работе мы выявили связь культуры как системы взаимосвязанных и воплощенных смыслов с условиями определенной территориальности, с организацией социального пространства-времени. Рассмотрено конституирование «места культуры» через динамику сохраняемых и подвижных мест культуры. В основе процесса – следующая схема: взаимодействие индивидов – порождение дома – социальные практики и затем производства города (сообщества). Позднее мы обнаружим схожесть со схемой М. Деланды (индивиды – практики – город – государство). В нашей работе дан анализ процессов накопления и рассеивания знаков в коммуникативном пространстве-времени русской культуры. Показаны социально-пространственные параметры формирования телесности и желания. Рассмотрен феномен прикосновения как опространствления, определена логика формирования типики взаимодействия «я» и «другого».

Мы исследовали, как топологическая структура социальной сети влияет на её устойчивость к изменениям, например, как изменение одной связи может повлиять на всю сеть. Положение индивида в социальной сети определяется не только количеством связей, но и их качеством и значимостью. Например, центральные узлы (лидеры) имеют больше влияния на структуру и функционирование сети [3, с. 129–136]. Мы отмечаем, что сложные социальные структуры обладают эмерджентными свойствами – свойствами, которые не могут быть объяснены только через анализ отдельных компонентов сети, но возникают из взаимодействий между ними. Концепция социальной топологии полезна для анализа сложных социальных систем, их развития, динамики и устойчивости, а также для понимания того, как отдельные элементы взаимодействуют внутри этих систем.

Важной частью исследований является изучение культурных представлений о теле и как они формируются в обществе. Эти аспекты помогают понять, как физическое тело и социальные структуры взаимосвязаны и как эта связь влияет на личные и коллективные практики. Мы показываем, что телесность является ключевым элементом в социальной топологии, определяющим как люди взаимодействуют с окружающим миром и друг с другом. А также показывается, как процесс воспроизводства совместности происходит в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми (через триаду «телесность» – «местность» – «совместность») посредством определенной социаль-

ной практики, благодаря которой порождается определенное «со-общение», способствующее «при-общению» людей к своему «со-обществу» с определенными представлениями и ценностями [4, с. 36]. В 2017 г. мы вводим понятие «бытие-в-коммуникации», в котором подчеркивается онтологический статус коммуникации: быть для человека, это значит со-быть с другими в социальном взаимодействии и взаимопонимании, воспроизводясь с ними определенным временем и пространством [2, с. 157–164]. В понимании схемы социальности, то есть в возникновении сообщества, мы опираемся на «восходящую онтологию» М. Деланды: «индивиды-институты-города-государства», которую мы дополняем концептами «дом» и «страна» [11, с. 35–56]. В результате получается следующая схема порождения социальности, идущая от «индивидуальных отношений → дом (семья) → институты (различные практики) → города → государства → страна». Мы вводим концепт *дома*, видя в нем необходимое место формирования человеческой индивидуальности. *Дом* вводит важный микроуровень, часто игнорируемый в макроанализе. Так и концепт *страна* оказывается чрезвычайно важным в формировании ментальности сообщества. *Страна* как концепт может учитывать национально-культурные и территориальные аспекты, отсутствующие в более абстрактном понятии «государство». *Страна* выступает в качестве дополнительного «места», где могут возникать новые миры, как скажем, гонимые «раскольники» произвели свой мир существования. Все в этой схеме идет «снизу» от «земли», от жизненных проблем людей (граждан), но их проблемы решаются по преимуществу со стороны государства, и поэтому в предлагаемой цепочке мы ставим обратные стрелочки воздействия со стороны государства: «индивиды» ↔ «дома» ↔ «институты-практики» ↔ города ↔ «государства ↔ страна». Данная схема работает в одну и в другую стороны, подобно сообщающемуся механизму, но в специфике наших пространств государство оказывается в заглавной роли и принятие окончательных решений сохраняет за собой.

Начала. Детство

Когда человек рождается, ему приходится обживать уже созданный людьми мир, здесь всегда имеют своё значение особенные места. Хорошо помню два излюбленных места в родительской квартире – антресоль и ванная комната. Антресоль – верхний полуэтаж, встроенный в объем основного этажа с низким потолком. Небольшое пространство, которое мною обживалось с особым пристрастием. Это была моя мастерская, где имелись запасы пластилина, из которого я бесконечно что-то лепил. Так создавался мой

отдельный ото всех мир. Он возникал через размещение моего тела внутри этого уютного склепа. Как только возникало желание что-нибудь сотворить, я забирался по двери на антресоль и предавался творчеству. Позднее я освоил ванную комнату. В ней я отдавался чтению. Я запирался в ванну и пускал воду. Шумное течение воды напоминало быструю речку. Она заполняла шумом все пространство ванной и отрывало меня ото всего мира. А с другой стороны, позволяло мне погружаться внутрь себя. Антресоль и ванная комната – были идеальными местами уединения. Это были первоначальные время-пространство, формировавшие мой внутренний душевный мир. Следующим шагом в формировании моего внутреннего мира сыграл двор моего дома и его соседство с колоннами дворца культуры в древнегреческом стиле. Колонны необыкновенно волновали, кружили, создавали вокруг себя беспокойное пространство. Меня тогда интриговал вопрос о происхождении самой формы колонны, и я с восхищением обнаружил, что это форма дерева, в том числе того дерева, что соединяет Землю с Небом. Первые греческие храмы (например, в архаический период) строились из дерева. Позже, когда греки начали использовать камень, они перенесли многие элементы деревянных конструкций в каменную архитектуру. Например, дорическая колонна напоминает ствол дерева, а ее каннелюры (вертикальные желобки) могут ассоциироваться с корой. Со временем греческие зодчие отошли от прямого копирования деревянных форм и стали развивать более изящные, чисто каменные решения (например, ионические и коринфские колонны с их сложными капителями). Много позже я побывал в Греции на родине храма – этого удивительно гармонично организованного архитектурного сооружения, с детства волновавшего мое воображение и ставшего значимой составляющей моего внутреннего душевного мира. Каждое новое место, будь то школа, институт, город, государство, а потом и вся страна в целом, все вместе они составляют совершенно особые миры, которые формируют наш внутренний душевный мир, нашу неповторимую индивидуальную душу.

Внутренняя топология: дом, школа, как места формирования души.

Дом моего детства

Дом моего детства из старой кирпичной кладки имел удачное расположение. Выходя из подъезда, взгляд встречался со зданием клуба Андреева, сооруженного в конструктивистской манере с восхитительными белыми колоннами и дорическими капителями. Именно наличие колонн рано во мне возбудило интерес к древнегреческой культуре. Тем более, что отец

инженер-строитель и прекрасный рисовальщик, мне совсем маленькому набрасывал на больших листах ватмана от руки капители дорических, ионических и коринфских ордеров. Подолгу я мог рассматривать большие отцовские книги с изображениями архитектурных сооружений. Мне представлялось это тайным знанием, которое надо бережно хранить в памяти.

Мой дом имел все необходимые составляющие, структурирующие его пространственность от подвала до чердака. Потом я узнал о том, как Г. Башляр открывает мифологию подвала и чердака, обеспечивающие «вертикальное» измерение дома [7, с. 39–40]. Чердак служит, с одной стороны, укрытием от дождя и солнца, а с другой – питая грёзы мечтателя – островерхой крышей рассекает облака. На чердаке по-особенному ощущаешь притяжение высокого, в окружении крепкого скелета кровли. Подвал также несёт в себе загадочную двойственность: с одной стороны, полезность свойств, а с другой – темную сущность дома, связанную с тайными подземными силами. Когда отец спустился в подвал по хозяйственным делам со свечой в руке, он брал меня с собой – для уверенности. Мы шли в темноте, и мерцающий свет таинственно выхватывал из мрака очертания коридора. Шаг за шагом, словно искатели сокровищ, мы продвигались вперёд. В нашей квартире с высокими потолками находились антресоли, которые нависали над входом в дом, где лежали разные отслужившие своё вещи: старый аквариум, стул со сломанной ножкой, ёлочные игрушки, старые коньки... Это было моё тайное убежище, сокровенная мастерская, где я всегда что-то творил, например, из цельного куска пластилина реализовывал свои фантазии.

Вскоре я начал выносить свои лепные работы на всеобщее обозрение: однажды я украсил целое дерево скульптурными человеческими головками из пластилина, разместив их внутри и снаружи кроны яблони. Это было не слишком заметно, но, если кто-то обращал внимание, реакция была живой и, как мне казалось, радостной. Теперь я понимаю, что в этом уже проявлялся мой интерес к театральности. Многие мои композиции напоминали театральные сцены, и позже моё увлечение древнегреческим театром возникло совсем не случайно. Игра ребенка с пластилином и театрализованные действия (когда он разыгрывает сценки, комментирует или как будто показывает игру воображаемой аудитории) тесно связаны с развитием его когнитивных, эмоциональных и социальных навыков. Когда ребенок лепит из пластилина и одновременно разыгрывает сценки, он создает символические образы (например, шарик становится яблоком, а затем превращается в колбаску, а та – в змею). Это похоже на театральное действие, где предметы и же-

сты приобретают новые значения. Так формируется абстрактное мышление – важная основа для дальнейшего обучения. Если ребенок комментирует свои действия («Смотри, это дракон, он летит!»), это признак режиссерской игры – он выступает одновременно как актер, сценарист и зритель. Это важный этап развития нарративного мышления (умения выстраивать сюжет) и саморегуляции (он учится управлять своими действиями в соответствии с замыслом). Даже если ребенок играет один, его «показ» игры воображаемому зрителю говорит о потребности в общении и развитии социальных ролей. Он тренируется выражать мысли, предугадывать реакцию других (пусть и гипотетических), что позже поможет в реальном общении. Эмоциональное выражение и проработка переживаний – через пластилиновые сценки ребенок может проживать эмоции, например, слепит «злого монстра» и затем «побеждает» его.

Это аналог психодрамы или кукольного театра, где дети прорабатывают страхи, конфликты или радостные события. Здесь прослеживается подражание и освоение культурных сценариев. Если ребенок разыгрывает с пластилином сцены из мультфильмов или семейных ситуаций («папа мастерит аквариум»), это говорит об усвоении социальных ролей и культурных норм. Театральность здесь – способ примерить на себя разные модели поведения. Таким образом, пластилиновая игра с элементами театра – это не просто развлечение, а важный этап развития мышления, речи и эмоционального интеллекта ребенка. А как-то отец организовал мне выставку моих скульптурных работ в Дворце культуры им. Андреева. Интерес к лепке из пластилина я сохранил на всю жизнь. В дальнейшем мне стало нравиться лепить на досках из цветного пластилина полугорельефные фигурки, переходящие в живописные формы. А когда в музее Пушкина в Москве я столкнулся с древнегреческой скульптурой, я увидел в ней удивительно родные для себя формы. Они невероятно встревожили мою душу цельностью передачи движения тела. А в какой-то момент мне захотелось поехать в Грецию и посмотреть на подлинные скульптуры этой древней культуры.

Школа как открытие твоих особенностей

В школе я столкнулся со своей интересной особенностью. Меня всегда приводило в волнительное состояние, когда я сталкивался с какими-то вопросами. Как-то учительница в первом классе рассказывала об определенных действиях математического характера. Я начинал внимательно слушать ее, потом вдруг переставал слушать и мысленно забегал куда-то далеко вперед, размышляя о предмете мысли в каком-то контексте. Меня эти мысли приводили в необыкновен-

ное возбуждение так, что казалось, я думаю о чем-то своем. Это не нравилось учительнице, ей думалось, что я ухожу от предмета мысли, а между тем, я думал о чем-то вполне конкретном и связанном с тем, что она говорила. Я задавал ей по этому поводу вопрос и это ее приводило в тупик, для нее в этой ситуации все казалось очевидным, но ответа для меня она не находила, что еще больше ее продолжало раздражать. То есть получалось так, что я задавался вопросом не о том, «что это», а «откуда это берется» в жизни? Во мне тогда, как я сейчас понимаю, объявился платоновский «даймон», какой-то «внутренний голос», который давал некий дополнительный взгляд сверху на положение дел. Тогда же внутри меня затаилось желание так никогда не поступать, как поступала моя учительница в своем раздражении. Мне думалось, что, когда я стану учителем, я буду все делать, чтобы понимать своих учеников. Особенно из школы запомнилось, как меня приводили в изумления некоторые математические задачи, исчисление которых казалось было на поверхности. Вспоминается пример школьной задачи на расчет притока воды в бассейн. Условие задачи: В бассейн через первую трубу поступает 20 литров воды в минуту, а через вторую трубу – 30 литров в минуту. Одновременно через сливное отверстие вытекает 10 литров воды в минуту. Сколько воды будет в бассейне через 1 час, если изначально он был пуст? Ответ: через 1 час в бассейне будет 2400 литров воды. И все же для меня было непонятно, как измерить «линейкой» или «циркулем» такую подвижную стихию как вода? Моё сознание раздваивалось – с одной стороны числа, которые легко складываются и раскладываются, а с другой – вода, как живая неохватная сущность. Как можно сосчитать точно, сколько в час истекает воды из реки Волга в Каспийское море? Конечно, наука математики даёт нам такое исчисление, исходя из *среднего* годового расхода воды Волги. Но это всё усредненные величины.

Когда я повзрослел, я прочитал у Витгенштейна о том, насколько «точность» может быть мнимой. Витгенштейн обсуждает проблему «мнимой точности» времени в своих «Философских работах» (§§ 108, 111, 125) [10, с. 126–130], а также в «Голубой и Коричневой книгах» [9]. В «Философских исследованиях» в § 108 [10, с. 126] он пишет о том, как язык создаёт иллюзию точности, когда мы говорим о времени: «Мы находимся под впечатлением, что должны охватить тончайшие детали нашего понятия времени, как будто обычные часы недостаточно точны, а нужны такие, которые показывали бы ещё какую-то более глубокую временную структуру». Здесь он критикует представление о том, что время – это некая абсолютная, идеально точная сущность, которую можно измерить

с бесконечной точностью. На самом деле, точность определяется контекстом употребления языка. В «Голубой книге» Витгенштейн разбирает, как грамматика слова «время» создаёт иллюзию, будто за обычными часами скрывается какая-то «истинная» временная структура: «Мы склонны думать, что если часы показывают «3:00», то за этим стоит нечто более глубокое – «истинное время». Но на самом деле «время» – это просто способ, которым мы используем часы в нашей языковой игре». Таким образом, Витгенштейн не утверждает, что время «ненастоящее», но показывает, что представление о его абсолютной точности – это языковая иллюзия. Точность времени зависит от практики его измерения, а не от некой метафизической сущности.

Топология мира. Места Греческого мира.

Танцы у костра и коммуникация

Танцы у костра – это один из древнейших человеческих обрядов, который соединяет физическое движение, музыку и коллективный опыт. В историческом контексте такие танцы были не только способом выражения эмоций и духовных переживаний, но и важной частью ритуалов, направленных на общение с природой, духами, богами и предками. В этом смысле танцы у костра могут считаться рождением искусства в самом широком смысле: они включают в себя музыку, движение, театральность, а также элемент коллективного творчества. Костёр – это символ как разрушения, так и созидания, и во многих культурах огонь ассоциировался с очищением, защитой и восходом к новым жизненным циклам. Танцы в его свете отражают стремление человека найти гармонию с миром, преодолеть страхи и сомнения, соединиться с более высокими силами. Это был способ создания чувства общности и принадлежности, а также выражения своей индивидуальности через общую, коллективную практику. Такой ритуал был своего рода предвестием развития искусства, которое впоследствии стало более разнообразным и сложным, но всегда сохраняло этот первозданный элемент – стремление передать человеческие переживания, идеи и эмоции через движение и звук. Таким образом, танцы у костра можно рассматривать как начало, точку отсчета для множества видов искусства, в которых взаимодействуют тело, музыка, свет и коллективная энергия.

Танцы у костра первобытных людей играли важную роль в развитии человеческой коммуникации и культуры. Они были способом выражения эмоций, передачи информации, укрепления социальных связей и даже ритуальной практикой. В древности, когда язык был ещё примитивным, танцы и жесты служили основным способом передачи эмоций, идей и исто-

рий. Движения тела, мимика и ритм позволяли людям выражать то, что словами передать было сложно. Это – невербальная коммуникация. Танцы у костра часто были частью ритуалов, связанных с охотой, сбором урожая, рождением или смертью. Совместные танцы укрепляли чувство общности и принадлежности к группе, что было важно для выживания. Через танцы и пантомиму первобытные люди могли передавать знания о животных, природных явлениях или опасностях. Например, танцы могли имитировать движения животных, что помогало обучать молодых охотников. Ритмичные движения и звуки, сопровождающие танцы, стали основой для развития музыки и речи. Ритм костра, хлопки, удары по камням или дереву – всё это способствовало развитию чувства ритма, которое позже легло в основу языка и музыки. Танцы позволяли людям выражать радость, страх, гнев или печаль, что способствовало эмоциональному сближению и пониманию друг друга. Это было важно для создания устойчивых социальных групп. Танцы часто были связаны с верованиями и мифами. Люди верили, что через танцы можно влиять на духов природы или богов, что способствовало развитию символического мышления. Итак, танцы у костра стали одним из первых способов коммуникации и формирования языка.

Театр

Танец у костра – это прототеатр, где уже были заложены основы драмы: зрелище, перевоплощение, эмоциональное воздействие на зрителя. Театр развил эти элементы, добавив текст, сценографию и режиссуру, но сохранил их сакральную и объединяющую функцию. Эволюция от ритуальных танцев к театру: связь через ритуал, зрелищность и коллективное самовыражение. Первобытные танцы у костра и современные театральные действия объединены общей линией развития, где ключевую роль играют ритуал, зрелищность и коллективное переживание. Изначально танцы были частью обрядов – охотничьих, плодородия, инициации или поклонения духам. В них сочетались движение, звук (бубны, хлопки), грим (окрашивание тела, маски) и нарратив (мифы, легенды). Эти элементы позже легли в основу театра, зародившегося из ритуальных действий, таких как древнегреческие дionисии, где танец, песня и драма сливались в единое представление. Важным аспектом преемственности является коллективное переживание. У костра танцы сплавляли племя, создавая эмоциональный катарсис (например, ритуальная пляска перед охотой). Аналогично, в античном театре хор (наследие коллективного действия) комментировал происходящее, а зрители сопереживали героям. Зрелищность и символизм также эволюционировали: если в первобытных танцах

использовались шкуры, рога, жесты-символы (подражание животным) и огонь как «сцена», то в театре эти элементы усложнились – появились декорации, костюмы, грим и искусственный свет (от факелов к прожекторам). От мимесиса (подражания) к драме путь был прямым: первобытные танцоры «перевоплощались» в духов или зверей, что позже развилось в актерскую игру – от древнегреческих трагедий и комедий масок до системы Станиславского. Нарративная составляющая также претерпела изменения: ритуалы часто разыгрывали мифы (например, о сотворении мира), а театр унаследовал эту традицию, структурируя истории в пьесы с четким сюжетом. Таким образом, от танцев у костра до современной сцены прослеживается непрерывная линия развития, где ритуал, коллективное переживание и зрелищность остаются ключевыми элементами.

Греческая скульптура

Я много часов провел в Греческом зале Пушкинского музея, неосознанно тяготея к той удивительной силе, что исходит от античных изваяний. Особенно поражал контраст между вибрирующей жизнью эллинских статуй и холодной, почти окаменелой статичностью римских бюстов. Если римляне стремились к точному портретному сходству, то греческие мастера ловили мгновение вечного движения, запечатлевая тело в едином дыхании. Не раз, читая музейные таблички, я наткнулся на пометку «слепок» с указанием афинского оригинала. Это неизменно рождало во мне жгучее желание увидеть подлинники. Когда мечта осуществилась, и я оказался в Афинах, меня ошеломило открытие: греческая пластика действительно живет каждой своей точкой! Даже сильно поврежденные временем изваяния излучали такую энергию движения, что казалось, будто мрамор вот-вот задышит.

Взять хотя бы статую Ники – лишенную и головы, и конечностей, но при этом потрясающе живую. Казалось, камень не холодный, а раскаленный внутренним пламенем! Тогда-то я и вспомнил строки Рильке о торсе Аполлона: «Это тело без головы взрывается из каждой точки, как звезда...». Поэт уловил то самое, что теперь видел я своими глазами. Планируя объехать Олимпию и Дельфы, я в итоге «утонул» в музее Акрополя, где провел целый день, не в силах оторваться от чудесных изваяний. Особенно потрясли подлинные кариатиды (не те бледные копии, что знакомы нам по другим музеям). Они буквально вибрировали скрытой энергией – казалось, стоит хлопнуть в ладоши, и эти каменные девы строем двинутся вперед. Когда я поднялся на второй этаж в их зал, меня буквально сбивала с ног эта волна динамики, исходящая от древнего мрамора. Это был не просто осмотр экспонатов – это

было настоящее телесное переживание, когда искусство перестает быть объектом созерцания и становится частью твоего существа. Греческие мастера действительно знали секрет оживления камня, и спустя тысячелетия их творения продолжают говорить с нами на языке движения и жизни.

Триумф аполонического порядка

И вот настал в жизни момент, когда я реально оказался в Афинах. Подступаясь к архитектурному ансамблю храмов Ники Аптерос, Эрехтейона и Парфенона на Акрополе озаряешься чудом оживающего камня из жерла первобытной бездны. Небольшой храм Ники Аптерос воздушно-первозданен. Именно в нём находился барельеф Ники, трогательно поправляющей сандалию – невиданный образец проявления жизни в камне, которую могли передавать только греки! Эрехтейон был воздвигнут на месте мифической распри Афины с Посейдоном за владычество над Аттикой. Посейдон в состязании с Афиной исполнил силой трезубца заставил биться солёный ключ из-под земли, Афина же даровала горожанам оливковое дерево. Победило приношение Афины, не стихийно-хтоническое, а разумное и жизненное начало. К храму притулилось оливковое дерево, которое по замыслу создателей деликатно огибалось телом всего храма справа. Чтобы далее из-за перепада ландшафта здание храма могло совершить восхождение всем каменным монолитом на пригорок с севера на юг в сторону стоящего неподалёку Парфенона. Причудливый и маленький Эрехтейон чудесным образом слагался с громадой Парфенона. При всей разности храмов они объединены ощущаемым первородством порядка над случайностью. В Эрехтейоне над местом удара трезубцем Посейдона был излажен колодец с морской водой, а на крыше над ним греки оставили отверстие в память о действии первобытной силы. Эта отметина зияет силой гнева и холодом нрава дикарского бога, которая уравнивается соразмерной и взвешенной теплотой храма. Равно и Парфенон несёт баланс сил дионисийского и аполлонического начал. Ещё наблюдательный Шпенглер узрел, что тело дорического храма кружит и будто вибрирует, что и усматривается в Парфеноне. Уже на фронте фасада видится завязывающаяся схватка Афины с Посейдоном. И далее на барельефах фриза, опоясывающего весь периметр храма, разворачивается битва варварско-стихийного с разумным: или это бьются амазонки с афинянами, или это азиатские варвары троянцы с греками, или это кентавры с лапифами, или это гиганты с богами. Весь храмовый ансамбль выпукло объят триумфальным борением аполлонического порядка с нетронутым-первобытным и случайным.

Заключение

В статье мы пытались сочетать философию, феноменологию, социальную топологию и культурологию, что позволяет рассмотреть тему детства и формирования личности с разных ракурсов. Такой подход обогащает исследование и делает его более комплексным. В статье представлен подробный анализ концепций ключевых философов (Агамбена, Хайдеггера, Мариона, Анри) и их интерпретаций детства. Особенно ценно сравнение взглядов Агамбена и Хайдеггера, которое подчеркивает оригинальность первого в онтологизации детства. Социально-топологический подход, предложенный нами, является свежим взглядом на изучение детства. Акцент на телесности, пространстве-времени и коммуникации позволяет увидеть новые аспекты формирования личности, которые часто игнорируются в традиционных теориях. Включением автобиографических элементов (например, описание детских мест – антресоли, ванной комнаты) мы делали текст более живым и наглядным. Это помогает читателю лучше понять, как теоретические концепции могут проявляться в реальной жизни. Анализ русской культуры через призму телесности и социальных практик добавляет уникальности исследованию. Примеры из литературы (Толстой, Горький, Достоевский) хорошо иллюстрируют различия в восприятии детства.

Мы живем в цифровую эпоху и здесь возникают новые проблемы и риски. Виртуальные пространства постепенно начинают дополнять, а в некоторых случаях и заменять физические «места» детства, трансформируя традиционные представления о социализации, играх и обучении. В современности появляются новые игры и меняется процесс социализации. Виртуальные пространства дополняют, а иногда и заменяют физические «места» детства, трансформируя представления о социализации, играх и обучении. Появляются новые игры, меняется характер общения: виртуальные миры (Roblox, Minecraft) становятся современными «детскими площадками» для взаимодействия и познания. Аватарки заменяют ролевые игры вроде «казаков-разбойников», а дружба больше не ограничивается соседями – теперь дети общаются со сверстниками из разных стран. Меняется и обучение, и сама работа памяти. VR-экскурсии вытесняют походы в музеи, соцсети и блоги заменяют фотоальбомы, а AI-наставники (например, ChatGPT) помогают осваивать новые знания. Возникают и новые формы эмоциональных связей: виртуальные миры теперь вызывают ностальгию (как старые игровые миры MMORPG). Это уже не просто игры – это пласты воспоминаний, эмоций и социальных отношений. Именно поэтому даже спустя десятилетия люди испытывают теплые

чувства к пиксельным мирам, в которых когда-то «жили». Метавселенные создают «цифровые дома», предлагая комфорт и новые возможности. Однако есть и риски: потеря связи с реальностью, влияние на моторику и эмоциональный интеллект. Кроме того, возникает цифровое неравенство – не у всех есть доступ к VR/AR. Еще одна проблема – зависимость от корпораций: воспоминания могут исчезнуть вместе с закрытием платформ. Физические места детства переживают решительную трансформацию. Раньше центрами социализации были дворы, парки и школы, но теперь «третьи места» – кафе, дворы, клубы – уступают позиции онлайн-пространствам. Детские площадки пустеют из-за родительских страхов или увлечения гаджетами, а школы активно внедряют цифровые форматы, меняя саму концепцию образования. Многие современные исследователи, например, Бойд Д. анализируют, как урбанизация и цифровизация меняют среду взросления. Если раньше социализация происходила через дворовые игры,

то теперь – через соцсети и онлайн-игры: подростки «учатся дружить» в цифровом пространстве [8]. Подвижные игры (прятки, «казаки-разбойники») уступают место виртуальным (Minecraft, Among Us). Некоторые ученые обращают внимание на влияние цифровых игр на креативность и агрессию. Меняется и обучение: от линейного (учебники) – к нелинейному (TikTok-обучение, геймификация). Современные дети стали мыслить иначе из-за клипового восприятия. Цифровая среда переформатирует детство. Физические места не исчезнут, но их роль изменится. Важно сохранить баланс между цифровым и реальным миром. Среди плюсов – доступ к знаниям и глобальная коммуникация, среди минусов – риски зависимости, киберагрессия и потеря «реального» опыта. Как пишет Шерри Тёркл («Вместе в одиночестве»), живое общение подменяется цифровым [17], а Манфред Шпитцер («Антимозг») предупреждает о негативном влиянии гаджетов на развитие детей [15].

Литература

1. Агамбен Дж. Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Европа, 2011. – 256 с.
2. Азаренко С. А. Бытие как бытие-в-коммуникации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 20. – С.157–164. – EDN: YLYMIF.
3. Азаренко С. А. Сообщество тела: монография. – М.: Академический проект. – 2007. – 239 с. – EDN: RXIPMT.
4. Азаренко С. А. Топологии сообщества: монография. – Казань: Познание. – 2014. – 228 с. – EDN: WXIAHN.
5. Азаренко С. А. Топология культурного воспроизводства (на материале русской культуры). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. – 2000. – 224 с.
6. Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего / (Пост) феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. – С. 43–57.
7. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия». (РОССПЭН), 2004. – 376 с.
8. Бойд Д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях. / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 352 с.
9. Витгенштейн Л. Коричневая книга. Голубая книга: сборник научных трудов / пер. В. Руднев. – М.: Территория будущего, 2005. – 440 с.
10. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
11. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 35–56. – EDN: YMICEJ.
12. Марион Ж.-Л. Эго или наделенный собой / пер. с французского А. Черногазова. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. – 159 с.
13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с французского под редакцией И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 606 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и Время / Перевод с немецкого Биbihина В. В. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
15. Шпитцер М. Антимозг. Цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2013. – 288 с.
16. Agamben G. (1993) *Infancy and History. The Destruction of Experience*. London – New York: Verso, 150 p. (In Eng.).
17. Turkle Sh. (2011) *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. – New York: BASIC BOOKS, 384 p. (In Eng.).

References

1. Agamben, Dzh. (2011) *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Naked Life]. Moscow: Europe, 256 p.
2. Azarenko, S. A. (2017) [Being as being-in-communication]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye* [News of Irkutsk State University. Volume 20, series «Political Science. Religious Studies»]. Irkutsk: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Irkutsk State University», pp. 157–164. (In Russ.).
3. Azarenko, S. A. (2007) *Soobshchestvo tela* [Community of the Body]. Moscow: Academic project, 239 p.
4. Azarenko, S. A. (2014) *Topologii soobshchestva* [Community topologies]. Kazan': Perception, 227 p.
5. Azarenko, S. A. (2000) *Topologiya kul'turnogo vosпроизводства (na materiale russkoj kul'tury)* [Topology of cultural reproduction (based on Russian culture)]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 224 p.
6. Anri, M. (2014) *Neintencional'naya fenomenologiya: zadacha fenomenologii budushchego / (Post) fenomenologiya. Novaya fenomenologiya vo francii i za ee predelami* [Non-intentional phenomenology: the task of a phenomenology of the future / (Post)phenomenology. New phenomenology in France and beyond]. Moscow: Academic project; Gaudeamus, pp. 43–57.
7. Bashlyar, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected Works: Poetics of Space]. Moscow: Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 376 p. (In Russ., transl. from Fr.).
8. Bojd, D. (2020) *Vse slozhno. zhizn' podrostkov v social'nyh setyah*. [Everything is complicated. The life of teenagers in social networks]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 352 p. (In Russ., transl. from Eng.).
9. Vitgenshtejn, L. (2005) *Korichnevaya kniga. Golubaya kniga: sbornik nauchnykh trudov* [The Brown Book. The Blue Book: a collection of scientific works]. Moscow: Territory of the Future, 440 p.
10. Vitgenshtejn, L. (1994) *Filosofskie raboty. Chast' I* [Philosophical Works. Part 1]. Moscow: Gnozis, 612 p.
11. Delanda, M. (2017) *Novaya ontologiya dlya social'nykh nauk. Logos* [A New Ontology for the Social Sciences. Logos]. Vol. 27, No. 3 (118), pp. 35–56.
12. Marion, Zh.-L. (2019) *Ego ili nadelennyj soboj* [His or endowed with himself]. Moscow: RIPOL Classic Group of Companies «Pangloss», 159 p.
13. Merlo-Ponti, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. SPb.: Yuventa, Science, 606 p (In Russ., transl. from Fr.).
14. Hajdegger, M. (2015) *Bytie i Vremya. Seriya Filosofskie tekhnologii* [Being and Time. Series Philosophical Technologies.]. Moscow: Academic project, 460 p. (In Russ., transl. from German).
15. Shpitser, M. (2013) *Antimozg. Cifrovye tekhnologii i mozg* [Anti-Brain. Digital Technologies and the Brain]. Moscow: AST, 288 p.
16. Agamben, G. (1993) *Infancy and History. The Destruction of Experience. London – New York: Verso*, 1993, 150 p.
17. Turkle, Sh. (2011) *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: BASIC BOOKS*, 384 p.

Информация об авторе:

Сергей Александрович Азаренко, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0000-0001-6658-5177

e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 02.08.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sergey Aleksandrovich Azarenko, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0000-0001-6658-5177

e-mail: sergey_azarenko@mail.ru

The paper was submitted: 02.08.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

СТРУКТУРАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ НАУКИ

Н. В. Бряник

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: n.v.brianiuk@urfu.ru

Аннотация. С 60–70-х гг. XX столетия в философии науки идет активный поиск новых подходов в понимании природы науки, поскольку претензия логического позитивизма (как течения, доминирующего в данной области философии) на создание реального образа науки не оправдала себя. Обращение к истории науки рассматривается как наиболее перспективное направление в современных исследованиях науки – философия науки становится историей науки. Цель статьи – обосновать наличие в структурализме оригинальной концепции истории науки, в которой структурный метод исследования статичности/синхронности в развитии науки дополняется историческим анализом динамики, включающей ситуации прерывности/мутаций.

Для раскрытия данной концепции необходимо преодолеть сложившееся даже у специалистов предубеждение об анти-историзме/неисторичности структурализма. В статье обосновывается идея об органичности принципа историзма структурализму, которая конкретизируется привлечением материала об использовании и оценках исторического метода в исследованиях Ф. де Соссюра (языкознание), В. Проппа (фольклористика), М. Фуко (науки о живом и науки о человеке). Структуралистская методология включает два этапа. На первом этапе изучаемый объект рассматривается в его внутренних отношениях и взаимосвязях и выявляются его закономерности при отвлечении от временного параметра. Раскрывается, по сути, внутренняя форма объекта, что дало повод для обвинений структурализма в формализме; тогда как структуралисты представляют данный аспект как статику, синхронность. На втором этапе проводится исторический анализ, учитывающий временную последовательность, динамику, диахронический аспект. Но в отличие от других историко-научных концепций, динамика изучаемого объекта предстает не как линейная и последовательная смена состояний во времени, а как ситуации прерывности, как мутации, отделяющие один слой синхронности от другого. Поэтому историк науки уподобляется геологу (В. Пропп) или археологу (М. Фуко), ведущему раскопки геологических или культурных пластов. Значимость подобной концепции истории науки в том, что она позволяет обратиться к таким областям знания, которые явно недооценивались в позитивистской традиции философии науки – гуманитарным наукам и наукам о живом, и поднять их на теоретический уровень исследования.

Основными методами проведенного исследования стали: сравнительный анализ для обнаружения сходства структуралистских установок отечественных и зарубежных ученых и на разных этапах данного течения, а также общих признаков структурализма в разных областях гуманитарного знания; на основе логического метода выявлена и обоснована последовательность структурного и исторического анализа; критический подход позволил преодолеть устоявшуюся оценку о неисторичности и формализме структурализма.

Новизна полученных выводов заключается в выявлении возможностей структуралистской интерпретации истории науки (и не только гуманитарных областей знания), что приобретает особую значимость в условиях приоритетной направленности современной философии науки на историю науки.

Ключевые слова: структурализм, история науки, структурный метод, исторический метод, синхронность/диахронность, В. Пропп, Ф. де Соссюр, М. Фуко.

Для цитирования: Бряник Н. В. Структуралистская концепция истории науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 87–95. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-87>.

STRUCTURALIST CONCEPTION OF THE HISTORY OF SCIENCE

N. V. Bryanik

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: n.v.bryanik@urfu.ru

Abstract. Since the 60-70s of the twentieth century in the philosophy of science there has been an active search for new approaches to understanding the nature of science, since the claim of logical positivism (as the dominant current in this area of philosophy) to create a real image of science has not justified itself. Appeal to the history of science is seen as the most promising direction in modern science research - the philosophy of science becomes the history of science. The aim of the article is to substantiate the existence in structuralism of an original concept of the history of science, in which the structural method of studying statics/synchrony in the development of science is complemented by the historical analysis of dynamics, including situations of discontinuity/mutations. In order to reveal this concept, it is necessary to overcome the prejudice that even specialists have about anti-historicism/non-historicism of structuralism. The article substantiates the idea of the organicity of the principle of historicism to structuralism, which is concretised by involving the material on the use and evaluation of the historical method in the studies of F. de Saussure (linguistics), V. Propp (folkloristics), M. Foucault (living and human sciences). Structuralist methodology includes two stages. At the first stage, the object under study is considered in its internal relations and interrelations and its regularities are revealed with the abstraction of the temporal parameter. What is revealed is essentially the internal form of the object, which gave rise to accusations of formalism in structuralism; whereas structuralists present this aspect as statics, synchronicity. The second stage is historical analysis, which takes into account the temporal sequence, dynamics, diachronic aspect. But unlike other historical-scientific concepts, the dynamics of the studied object does not appear as a linear and sequential change of states in time, but as situations of discontinuity, as mutations separating one layer of synchrony from another. Therefore, the historian of science is likened to a geologist (V. Propp) or an archaeologist (M. Foucault) excavating geological or cultural strata. The significance of such a concept of the history of science is that it allows us to address such areas of knowledge, which were clearly underestimated in the positivist tradition of the philosophy of science - the humanities and the sciences of living things, and to raise them to the theoretical level of research.

The main methods of the research were: comparative analysis to find out the similarity of structuralist attitudes of domestic and foreign scientists and at different stages of this trend, as well as common features of structuralism in different areas of humanitarian knowledge; on the basis of the logical method the sequence of structural and historical analysis was identified and justified; the critical approach allowed us to overcome the established assessment of non-historicity and formalism of structuralism.

The novelty of the findings lies in the identification of the possibilities of structuralist interpretation of the history of science (and not only of the humanities), which is particularly important in the context of the priority focus of modern philosophy of science on the history of science.

Key words: structuralism, history of science, structural method, historical method, synchronicity/diachrony, V. Propp, F. de Saussure, M. Foucault.

Cite as: Bryanik, N. V. (2025) [Structuralist conception of the history of science]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 87–95. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-87>.

Введение

Если задать более широкий контекст, который позволит обосновать актуальность предлагаемой темы, то, по сути, речь должна идти о стратегии развития такой области современной философии как философия науки. В 50–60-е гг. XX столетия специалисты по философии науки констатируют ситуацию кризиса тех моделей науки, которые выстраивали представители доминирующего в данной области течения –

логического позитивизма. Неслучайно поэтому следующий за ним период в философии науки называется *постпозитивизмом*, в котором разрабатывается несколько направлений. Но при этом представители постпозитивизма однозначно признают, что среди возникших направлений главенствующее положение занимает поворот философии науки к истории науки. Необходимость обращения к истории науки образно выразил один из ярких представителей постпозити-

визма И. Лакатос, который заявил: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [2, с. 203]. Если оценить постпозитивистские версии истории науки (Т. Кун, К. Поппер, И. Лакатос и др.), то нельзя не признать, что при всей их новации они все-таки возвращаются в круг проблем, заданном позитивистской традицией, хотя и через критику принципиальных положений данной традиции. Тем больший интерес представляют радикально отличающиеся интерпретации истории науки, одной из которых, на наш взгляд, и является структуралистская ее интерпретация.

При этом заявленная в названии статьи тема не может не вызвать ставящего ее под сомнение вопроса – и вот почему: ведь в качестве отличительной черты структурализма, как правило, называют анти-историзм. В отечественной философии советского периода, оценивающей западную философию с позиций диалектического материализма, структурализм из-за абстрагирования от изменений, происходящих во времени, и обращения к развитому состоянию изучаемых объектов однозначно квалифицировался как метафизика (в данном случае антипод диалектики).

Но когда познакомишься с базовыми положениями данного течения не по оценкам критиков, а непосредственно по работам его представителей, то становится очевидно, что структуралисты на материале истории науки разработали весьма оригинальную концепцию исторического исследования, что дает основание для включения принципа историзма в его основоположения. Мы ставим перед собой цель обосновать наличие в структурализме целостной концепции истории науки, в которой собственно структурный метод (обращен к статике/синхронии) органично дополняется историческим анализом (обращен к динамике).

Трактовка соотношения структурного и исторического методов представителями структурализма

Репрезентативной фигурой для понимания сложившегося положения дел с принципом историзма в структурализме можно считать М. Фуко. В интересующем нас контексте можно сказать, что в 60-х гг. он переходит к активному исследованию истории науки, подтверждением тому служат его произведения – «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» [14], «История безумия в классическую эпоху» [10], «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» [12], «Рождение клиники. Археология медицинского восприятия» [13], «История сексуальности» [11], «Археология знания» [8]. Во всех этих работах он реализует *археологию* как оригинальную методологию исследования истории науки.

В указанный период сложилась достаточно парадоксальная ситуация, когда М. Фуко категорично отказывался от отнесения его к структуралистам, но при этом всячески настаивал на значимости в его исследованиях исторической методологии, объединяя круг приведенных выше работ понятием «археологическая серия». С нашей точки зрения, в творчестве данного мыслителя переход от того, что считалось собственно структурным анализом, к археологической серии есть не что иное, как проявление внутренней логики развития *методологии* структурализма, в которой реализуется *концепция* данного течения.

При этом необходимо иметь в виду немаловажное обстоятельство, а именно: выстраивание археологической серии данным мыслителем было возможно в 60–70-е гг. XX столетия в философском пространстве именно Франции, где, по оценке М. Фуко, «история наук ... заняла ... центральное место» [9, с. 47]. Вот какие пояснения по поводу философских дискуссий французских интеллектуалов в данный период мы находим у него: «во Франции именно история наук послужила основой для возвращения к философскому вопросу о том, что такое Просвещение, – и он констатирует, – вот уже в течение полутора столетий история наук с очевидностью выступает в качестве ставки в философской игре» [9, с. 46–47]. В условиях господства на Западе дискурса логического позитивизма, М. Фуко своеобразие философской проблематики в своей стране видит в том, что «во Франции мало логиков, но изрядное число историков науки» [9, с. 43].

Важно составить адекватное представление об отношении к историческому методу в период становления структурализма. Для этого мы должны обратиться к началу прошлого столетия – 10–20-м гг., когда в ряде областей гуманитарного знания (литературоведении, лингвистике, фольклористике, теории искусства и др.) возникло течение, которому критики дали название «русский формализм», связанный с именами В. Проппа, В. Шкловского, В. Жирмунского, Ю. Тынянова и др. Самые известные представители французского структурализма откровенно заявляли о сходстве их собственных идей с исследованиями русских формалистов. Так у К. Леви-Стросса мы находим: «Идеи русской формальной школы не были забыты. Сначала они были усвоены и распространены в Европе., затем ... их восприняли в Соединенных Штатах» [3, с. 400]. Особо значимыми для него стали исследования В. Проппа. С определенными оговорками он вынужден был признать: «Что прежде всего поражает в работе Проппа, так это глубокое предвосхищение позднейших исследований в той же области. Те, кто приступил

к структурному анализу устной литературы примерно в 1950 г., не будучи прямо знаком с исследованиями Проппа, предпринятыми за четверть века до этого, не без изумления обнаружат в его работе многие формулировки и даже целые фразы, которых они вовсе у него не заимствовали» [3, с. 410–411]. Когда К. Леви-Стросс упоминает о распространении идей русских формалистов в Европе, то в первую очередь он имеет в виду Пражский лингвистический кружок (активная деятельность которого приходится на 20–40-е гг.), связанный с именем Р. Якобсона, в силу обстоятельств «отпочковавшийся» от русских формалистов [15].

Вопрос о соотношении структурных и исторических методов для упомянутых выше исследователей был не частным и не второстепенным, а имел принципиальное значение, связанный с самой сутью и спецификой структурализма как оригинального течения. В данном случае интерес для нас представляет творчество В. Проппа, так как интересующая нас проблема была для него предметом специального обсуждения в ходе полемики с К. Леви-Строссом.

Оценивая сложившуюся ситуацию в области изучения фольклора (объект его интереса русские волшебные сказки), В. Пропп признает отставание этих исследований от других гуманитарных наук; для выхода на теоретический уровень он как раз и использует структуралистскую методологию. С помощью структурного анализа он выявил общую схему/модель волшебных сказок. Эту модель-схему он выразил в виде знаковой системы, элементами которой стали функции-действия основных персонажей сказки, а структурой – отношения между этими элементами.

Оригинальность, значимость и результативность использованной методологии как раз и была высоко оценена французским структуралистом К. Леви-Строссом. Вместе с тем он высказал ряд критических замечаний, что вылилось в 60-е г. в полемику между данными специалистами. В статье «Структура и форма: размышления об одной работе Владимира Проппа» К. Леви-Стросс отмечает, что сторонники структурного подхода склонны к абсолютизации формы, что нередко приводит их к формализму; в свою очередь, формализм грешит таким недостатком как *неисторичность*. Это критическое замечание было непосредственно высказано в адрес В. Проппа.

Отечественный мыслитель не принимает подобного обвинения, а в ответ в качестве аргумента приводит свое исследование 1946 г. «Исторические корни волшебной сказки» [4], раскрывая замысел данной работы так: «она начинается с изложения тех положений, которые развиты в «Морфологии»

(«Морфология сказки» – Н.Б.) .., установив единство композиции волшебных сказок, я должен был задуматься о причине такого единства. Что причина кроется не в имманентных законах формы, а что она лежит в области ранней истории или, как некоторые предпочитают говорить, до истории, т.е. той ступени развития человеческого общества, которая изучается этнографией и этнологией, для меня было ясно с самого начала» [6, с. 571]. В своем исследовании В. Пропп подошел к необходимости понять, чем определяется структурное единство волшебных сказок. Для научного подхода стремление раскрыть причины обнаруженной закономерности необходимый этап, и он чрезвычайно важен. Сам он об этом пишет так: «я не отвернулся от морфологического анализа, а стал искать исторические основы и корни той системы, которая открылась в сравнительном изучении сюжетов волшебной сказки. «Морфология» и «Исторические корни» представляют собой как бы две части или два тома одного большого труда. Второй прямо вытекает из первого, первый есть предпосылка второго» [6, с. 571]. Как видим, для В. Проппа структурный анализ [5] с необходимостью завершается историческим [4], поэтому обвинения в неисторичности (а вместе с этим и в формализме) вряд ли проходят. Исследователь устанавливает порядок данных этапов анализа, он должен быть именно таким – сначала идет собственно структурный анализ, который конструирует объект исследования (модель-схему волшебных сказок), а причину, объясняющую, почему объект именно таков, раскрывают на следующем этапе исторического анализа.

Подлинно научный метод, по В. Проппу, – это органическое сочетание структурного и исторического анализа как двух следующих друг за другом этапов. Что дает подобное исследование, сам он подытоживает таким образом: «Только после изучения формальной системы сказки и определения ее исторических корней окажется возможным объективно и научно раскрыть заложенный в сказке интереснейший и весьма значительный мир народной философии и народной морали в их историческом развитии. В этом отношении сказка показала бы слоистое строение, наподобие слоям геологических отложений. В ней сочетаются древнейшие пласты, наряду с более поздними и современными» [6, с. 580].

Последний тезис о геологических слоях/пластах, которые можно обнаружить в этой разновидности сказок, представляет особый интерес. Здесь явно напрашивается сравнение с исторической методологией М. Фуко, представленной его археологической серией. Ведь в геологических пластах В. Проппа отлагаются ступени продвижения духовного творчества

народа, как в археологических слоях М. Фуко обнаруживаются отложения культуры разных периодов.

Обращаясь к истории возникновения и развития структуралистских идей, нельзя не упомянуть и вклад швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра, с именем которого связывают создание Женевской лингвистической школы; его лекции по «Курсу общей лингвистики» были опубликованы представителями данной школы в 1916 г. Он прошел в языкознании в начале XX ст. близкий путь – для открытия законов лингвистики он вводит структурные методы, при этом полагая, что открытая им методология может быть использована и в других науках. Вот что он заявляет: «в интересах всех ...наук следовало бы более тщательно разграничивать те оси, по которым располагаются входящие в их компетенцию объекты. Всюду следовало бы различать... 1) *ось одновременности* ..., касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) *ось последовательности*, по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» [7, с. 81]. По ходу исследования в разных контекстах он конкретизирует выделенные оси, отмечая при этом внутреннюю раздвоенность лингвистики на *статическую* и *эволюционную*; если первая рассматривает «состояния языка», то вторая – последовательность, в которой эти состояния сменяют друг друга. Наиболее известной, а для его методологии базовой, стала оппозиция «синхрония – диахрония». Вот какое различие он проводит, давая им определение: «Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции» [7, с. 82].

Обнаруживая этапы в развитии лингвистики, он квалифицирует их как этапы классической/традиционной и современной лингвистики, различая их по принципам, законам и методам. С точки зрения Ф. де Соссюра, в современной лингвистике преобладает диахрония, тогда как в традиционной присутствуют оба подхода, но они неравноценны – исторический аспект разработан явно недостаточно. В противовес сложившемуся положению дел, Соссюр считает, что в современной ему лингвистике «синхронический аспект должен превалировать над диахроническим, так как для говорящих только он – подлинная и единственная реальность» [7, с. 82]. Научный подход в лингвистике возможен только при обращении к *состояниям языка* (т. е. к синхронии) еще и потому, что именно их анализ позволяет обнаружить законы. Этим как раз и занимается грамматика. А вот в диахронии представлены второстепенные и вовсе не закономерные, а случайные факторы изменения языка. Отмежевываясь от господствовавшей в начале XX ст. эволюционной

лингвистики в силу указанного выше аргумента, Соссюр вовсе не намерен реанимировать классическую лингвистику, поскольку она не была *опытной наукой*. И в этом критическом замечании мы видим еще один критерий научности, которого он последовательно придерживается (иметь дело с языковой реальностью, открывать в лингвистике законы). Выражено у него это так: «традиционная грамматика... нормативна и считает нужным предписывать правила, а не констатировать факты» [7, с. 83]. Поэтому сам он делает акцент на языковых фактах, которые извлекаются из состояний языка методами синхронии и позволяют судить о языковых реалиях. Признавая абсолютную противоположность синхронического и диахронического подходов, между которыми невозможен никакой компромисс, сам Соссюр (и уже из изложенного выше это становится понятно) занимает позицию, при которой лингвистике «...предстоит вернуться к статической точке зрения *традиционной грамматики*, но уже *понятой в новом духе*, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который... косвенно помогает лучше осознать состояния языка» [7, с. 83].

Таким образом, искомая в лингвистике языковая реальность создается посредством синхронического метода, который подчиняет себе диахронический, а его Соссюр по сути отождествляет с историческим методом. Этот вывод позволяет понять, почему лингвистическая концепция данного исследователя квалифицируется как структурная.

Проведенный экскурс позволяет утверждать, что как в истоках возникновения структурализма, так и на этапе, когда были реализованы все его возможности, методология данного течения основана на признании взаимного дополнения собственно структурного и исторического методов анализа, которое (дополнение) и позволяет последовательно осуществить научное исследование в гуманитарных областях знания, причем на теоретическом уровне.

История науки в трактовке французских структуралистов: Ж. Кангильем и М. Фуко

От трактовки соотношения структурного и исторического методов представителями структурализма перейдем к особенностям понимания второго преимущественно представителями второй волны этого течения (60–70-е гг.) и уже конкретно на материале истории науки. В центре нашего внимания будет М. Фуко с его археологическими исследованиями, и одновременно в параллель мы возьмем идеи Ж. Кангилема, к которым апеллирует первый, раскрывая саму суть своего подхода к истории наук (именно так чаще все-

го фигурирует в переводах данная область знания – история наук, а не история науки).

Первое, что следует отметить, – это круг наук, история которых представляет для них интерес. И уже здесь проявляется их оригинальность. Вот что по этому поводу мы находим у М. Фуко: «...история наук долгое время занималась ... только немногими «благогородными» дисциплинами, которые это свое достоинство получили благодаря древности своего происхождения, высокой степени формализации ..., а также благодаря тому их привилегированному положению, которое было отведено им в позитивистской иерархии наук. <...> Кангилем перевернул проблему. Центром своей работы ... он сделал историю биологии и медицины... Он ... спустил историю наук с вершин (математика, астрономия, галилеевская механика, ньютоновская физика, теория относительности), обратившись к тем областям, где знания гораздо менее дедуктивны» [9, с. 47–48]. М. Фуко и своим творчеством подтверждает этот разворот к иной подсистеме наук, не втянутой традиционной философией науки в рассмотрение, – это науки о живом, медицина, языковедение, экономические и юридические науки и др.

Второе. Принципиально важный момент для структуралистской версии истории науки связан с признанием темы «прерывности» в развитии науки, в противовес идее «квазинепрерывности» (термин, используемый М. Фуко), которая связана с интерпретацией истории науки как непрерывного продвижения к достижению истинного знания. «Здесь знания не будут рассматриваться в их развитии к объективности, – отмечает М. Фуко, – которую наша современная наука может наконец признать за собой» [14, с. 35]. Эти пояснения не могут не вызывать ассоциаций с куновской концепцией научных революций, а когда начинаешь соотносить время издания книги Т. Куна «Структура научных революций» – 1962 г. и книги М. Фуко «Слова и вещи» – 1966 г., то ощущение сходства усиливается. Но ведь М. Фуко нас убеждает, что все взрастила французская философская почва. Так, вводимое Ж. Кангилем положение о прерывности он объясняет так: «... он вновь обратился к теме «прерывности» «discontinuite», теме столь же старой, ... как и сама история наук. Историю наук, как это отмечал еще Фонтенель, как раз и отличает внезапное рождение некоторых наук «из ничего», чрезвычайно быстрое появление таких достижений, которые никто не мог даже и предположить» [9, с. 48].

Эти прерывности Ж. Кангилем и М. Фуко, используя язык наук о живом, называют *мутациями*, в ходе которых происходит разрыв с предшествующими основаниями науки, когда трансформируется объект изучения и осуществляются самые разноо-

бразные преобразования в виде переработок и переделок самого содержания науки и пр. Вот одна из конкретизаций того, что собой представляет мутация/прерывность: «...то, что долгое время казалось тупиком, оказывается в один прекрасный день спасительным выходом, какой-нибудь факультативный опыт становится центральной проблемой, вокруг которой начинают располагаться все остальные, незначительное отклонение превращается в фундаментальный разрыв» [9, с. 49].

Третье. Но если мутации приводят к таким масштабным и многомерным изменениям, то что собой должна представлять история науки и кто вообще способен охватить подобные изменения? Интересующие нас мыслители задаются этими вопросами, а ответы, которые мы находим, идут в логике структуралистского подхода. Так, по мнению М. Фуко, ни один представитель конкретной науки не сможет выстроить историю своей науки. Это прерогатива *эпистемолога*, статус и «цель которого – выяснить, исходя из чего стали возможными познания и теории, в соответствии с каким пространством порядка конструировалось знание; на основе какого исторического *a priori* и в стихии какой позитивности идеи могли появиться, науки – сложиться..., рациональности – сформироваться...» [9, с. 34]. Таким образом, историк науки как эпистемолог исследует эпистему как особый порядок мышления/знания, который ограничен определенными пространственно-временными рамками. Мутации как раз и приводят к смене эпистем; тогда выходит, что прерывности/разрывы/мутации означают смену порядка мышления/знания; и эпистемы отделяются друг от друга как геологические пласты (этот образ структуралисты активно используют) в геологии или как культурные слои в археологии. Вот поэтому у М. Фуко были все основания так определить специфику своего подхода: «Речь идет не столько об истории в традиционном смысле слова, сколько о какой-то разновидности «археологии»» [9, с. 35]. Отсюда и подзаголовок книги «Слова и вещи» – «Археология гуманитарных наук» (1966), есть у него и теоретическая работа с названием «Археология знания» (1969). Французский структуралист ведет своеобразные «археологические раскопки» – он вскрывает пласты в порядках мышления/знания, т. е. проводит диахронический анализ, прорываясь к синхроническим слоям – эпистемам. Словами самого М. Фуко это формулируется так: «...археология, обращаясь к общему пространству знания, определяет синхронные системы, а также ряд мутаций, необходимых и достаточных для того, чтобы очертить порог новой позитивности» [9, с. 35].

И, наконец, *четвертое*. Что собой представляет история науки в свете эпистем, т.е. через какие порядки мышления/знания она прошла? Этот вопрос М. Фуко последовательно и единообразно решает во всех ранее упомянутых работах, выявляя в разных областях науки следующую закономерность: «...археологическое исследование обнаруживает два крупных разрыва в *эпистеме* западной культуры: во-первых, разрыв, знаменующий начало классической эпохи (около середины XVII века), а во-вторых, тот, которым в начале XIX века обозначается порог нашей современности» [9, с. 35]. Выходит, согласно «археологическим раскопкам» французского структуралиста, западноевропейский порядок мышления претерпел две мутации и, соответственно, включает три эпистемы (две из них уже в прошлом, а в настоящем господствует уже третья эпистема) – *возрожденческую, классическую и современную*. *Возрожденческая эпистема* держится на сопричастности мира слов и мира вещей; в *классической* – мир вещей дается в пространстве представлений, слова рассматриваются лишь как способ их выражения, когда «язык утрачивает свое привилегированное место» [9, с. 36], а тождества и различия выявляются в пространстве таблицы; в *современной эпистеме* время и история включаются в порядок знания, и «человек ... впервые вступает в сферу западного знания» [9, с. 36]. И все это не остается лишь в своей теоретической постановке – М. Фуко реализует целую археологическую серию в упомянутых ранее науках: науки о жизни, медицина, языкознание, экономика, юриспруденция и др.

Завершая рассмотрение структуралистской версии истории науки, нельзя не отметить, что она максимально приближена к раскрытию *природы науки*. Так, без анализа трех выделенных М. Фуко эпистем сложно понять, что собой представляют современные биология, уголовное право, психиатрия, филология и др. области знания. Может быть, именно поэтому в конце 60-х он весьма категорично отказывался связывать себя со структурализмом, сознательно соотнося свои исследования с историей науки. Здесь, наверное, уместно воспроизвести ранее высказанную оценку – философия науки становится историей науки.

Заключение

Сегодня философия науки находится в поиске путей своего дальнейшего развития. Почти двухсотлетнее господство позитивистской традиции, завершившейся рафинированной формой логического позитивизма и нашедшей своеобразное продолжение в аналитической философии, а по проблематике и в постпозитивизме, не единственная возможность развития значимой для научно-технологической цивилизации области философии. Нацелены на раскрытие реальной науки исследования в области *социальной философии науки, философской культурологии науки*, но при этом поворот философии науки к истории науки признается лидирующим направлением в этом движении. Значимость истории науки для философии науки нашла отражение в сфере высшего образования – неслучайно сегодня аспиранты всех специальностей осваивают дисциплину *история и философия науки* (по которой предусмотрена сдача экзамена), ведь именно история науки позволяет проникнуть в реальный ход развития науки и обнаружить ее закономерности.

У специалистов в области истории науки есть выбор, в какой интерпретации ее представлять. Структуралистская версия истории науки представляет интерес для специалистов всех отраслей науки – не только для гуманитарных, но и для естественных, математических и технических наук [1].

Логика развития базовых положений данного течения с необходимостью приводит к дополнению структурных методов исследования историческими. Это можно проследить как в истоках становления структурализма, так и концепциях его наиболее известных представителей второй половины XX в. История науки стала важной темой структуралистских исследований во Франции. «Археологическая серия» М. Фуко является ярким примером структуралистской интерпретации истории науки: она обращена к наукам о человеке и наукам о живом; эпистемы (как определенные порядки мышления) раскрывают синхронические аспекты существования науки, которые в результате мутаций/прерывностей в диахроническом аспекте представляют возрожденческую, классическую и современную эпистемы.

Литература

1. Бряник Н. В. Концепция структурного закона и методология структурализма в неклассической науке // Вопросы философии. – 2020. – № 1. – С. 74–84. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-1-74-84>. – EDN: LTAVNY.
2. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки: сборник переводов / сост., вступ. ст. и общ. ред. Б. С. Грязнова и В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1978. – С. 203–269.
3. Леви-Стросс К. Структура и форма: размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика: сборник статей, переводы / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М. Радуга, 1983. – С. 400–428.

4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Издательство: ЛГУ, 1946. – 370 с.
5. Пропп В. Я. Морфология сказки / Из неперидической серии, издаваемой отделом словесных искусств «Вопросы поэтики». Вып. XXII. – Ленинград: ACADEMIA, 1928. – 153 с.
6. Пропп В. Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Семиотика: сборник статей, переводы / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 566–584.
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
8. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Б.Р. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
9. Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии, 1993. – № 5. – С. 43–53.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. К. Стаф. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.
11. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. – Киев: Дух и литера; М.: Грунт, 1998. – 288 с.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – Пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
13. Фуко М. Рождение клиники. – Пер. с фр. А.Ш. Тхостова. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб., А-скад, 1994. – 407 с.
15. Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц; Ред. Д. Сичинава; Перев. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 280 с.

References

1. Bryanik, N. V. (2020) [The concept of structural law and the methodology of structuralism in non-classical science]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow: Science, Vol. 1, pp. 74–84. (In Russ.).
2. Lakatos, I. (1978) [History of Science and Its Rational Reconstructions. Structure and Development of Science]. *Struktura i razvitiye nauki. Bostonskikh issledovaniy po filosofii nauki: sbornik perevodov* [Boston Studies in the Philosophy of Science: collection of translations]. Moscow: Progress, pp. 203–269. (In Russ.).
3. Levi-Strauss, K. (1983) [Structure and Form: Reflections on a Work by Vladimir Propp]. *Semiotika: sbornik statey, perevody* [Semiotics: collection of articles, translations]. Moscow: Rainbow, pp. 400–428. (In Russ.).
4. Propp, V. Ya. (1946) *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of the magic fairy tale]. Leningrad: Publishers: LSU, 370 p.
5. Propp, V. Ya. (1928) [Morphology of the fairy tale]. *Iz neperiodicheskoy serii, izdavayemoy otdelom slovesnykh iskusstv «Voprosy poetiki»*. Vyp. XXII [From the non-periodical series published by the department of verbal arts 'Questions of Poetics']. Leningrad: ACADEMIA, 153 p. (In Russ.).
6. Propp, V. Ya. (1983) [Structural and historical study of the magic fairy tale]. *Semiotika: sbornik statey, perevody / sost., vstup. st. i obshch. red. YU. S. Stepanova* [Semiotics: A collection of articles, translations / co-edited, introductory article and general ed. by Y. S. Stepanov]. Moscow: Rainbow, pp. 566–584. (In Russ.).
7. Sossur, F. de. (1999) *Kurs obshhej lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Yekaterinburg: Publis. Ural. un-ty, 432 p.
8. Foucault, M. (1996) *Arxeologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Kiev: Nika-Centre, 208 p.
9. Foucault, M. (1993) [Life: experience and science]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 5, pp. 43–53. (In Russ.).
10. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [A History of Madness in the Classical Era]. Moscow: ACT, 698 p. (In Russ., transl. from French).
11. Foucault, M. (1998) *Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe* [History of Sexuality – III: Care of the Self]. Kyiv: Spirit and Literature; Moscow: Grunt, 288 p. (In Russ., transl. from French).
12. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdeniye tyur'my* [To Supervise and Punish: The Birth of Prison]. Moscow: Ad Marginem, 479 p. (In Russ., transl. from French).
13. Foucault, M. (1998) *Rozhdeniye kliniki* [The Birth of the Clinic]. Moscow: Sense, 310 p. (In Russ., transl. from French).
14. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. St. Petersburg, A-cad, 407 p. (In Russ., transl. from French).
15. Jacobson, R. O. (2011) *Formal'naya shkola i sovremennoye russkoye literaturovedeniye* [Formal School and Modern Russian Literary Criticism]. M.: Languages of Slavic Cultures, 280 p. (In Russ., transl. from Czech).

Информация об авторе:

Надежда Васильевна Бряник, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0009-0000-5298-533X

e-mail: n.v.brianik@urfu.ru

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Nadezhda Vasilievna Bryanik, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0009-0000-5298-533X

e-mail: n.v.brianik@urfu.ru

The paper was submitted: 29.04.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья
УДК 1(091)(470)

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-96>

«ФИЛОСОФИЯ ПРАВДЫ» АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА (В.Н. ВОСКРЕСЕНСКОГО): ОПЫТ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В. В. Ванчугов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен творческий проект одного из деятелей первой половины XIX века, богослова и философа, ученого монаха архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского). Архимандрит Гавриил является ключевой фигурой для понимания историко-философского процесса в России по нескольким основаниям. Прежде всего, он создатель первой в мире истории русской философии, создав новый для своего времени академический жанр «русская философия». Но будучи интеллектуальным «пионером» в историографическом формате, он последовательно конструирует не только «русскую философию», но и национальную философию права, именуемую как «философская правда». После создания первой в России «истории русской философии» (1840), архимандрит Гавриил берется за разработку в императорском Казанском университете учебного пособия, в котором представлена философия права, отражающая установки сознания его времени, для которого характерно столкновение «веры и разума», «консервативного и либерального». Придерживаясь параметров историко-философского исследования (раскрытие формы и сути идей в их истории, генеалогия интеллектуального процесса), осуществить реконструкцию творческого события, креативного акта, где доминантой является формирование национально-ориентированной философии права, учитывающей европейский опыт, но предпочитающей собственную тематику и проблематику, материал и метод. Данное исследование производится с установкой на гуманитарную археологию ключевых обстоятельств, оказывающих влияние на научный и образовательный процесс середины XIX века: высшая школа, церковь и государство, идеология и просвещение, обновление академических техник и практик при сохранении ценностей, присущих отечественному культурному нарративу. Для реализации поставленных задач используется принцип «интеллектуального расследования», основу которого составляет историко-философская реконструкция и культурно-цивилизационная герменевтика. В результате проведенного исследования представлен комплекс ключевых факторов (институции, персоны, тексты, ситуации), содействовавших формированию «философии правды». Реконструкция комплекса правовых идей произведена на основе философско-исторического исследования в образовательном, научном, мировоззренческом и политическом контекстах. Полученные результаты создают эмпирическую, концептуальную и контекстуальную основу для дальнейших исследований в области философии и права, а также дают материал для образовательных программ в высшей школе.

Ключевые слова: философия, естественное право, истина, правда, философия права, университет, образование, нравственность, мораль, идеология, практическая философия, история идей.

Для цитирования: Ванчугов В. В. «Философия правды» архимандрита Гавриила (В.Н. Воскресенского): опыт создания национальной философии права // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 96–107. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-96>.

Original article

«THE PHILOSOPHY OF TRUTH» BY ARCHIMANDRITE GABRIEL (V.N. VOSKRESENSKY): AN EXPERIENCE IN CREATING A NATIONAL PHILOSOPHY OF LAW

V. V. Vanchugov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Abstract. This article presents the creative project of Archimandrite Gabriel (V.N. Voskresensky), a prominent figure of the first half of the 19th century, a theologian, philosopher, and scholarly monk. Archimandrite Gabriel is a key figure for understanding the historical and philosophical process in Russia for several reasons. First and foremost, he created the world's first history of Russian philosophy, creating a new academic genre for his time, «Russian philosophy». But as an intellectual «pioneer» in the historiographical format, he consistently constructed not only a «Russian philosophy» but also a national philosophy of law, known as «philosophical truth». After composing the first «history of Russian philosophy» in Russia (1840), Archimandrite Gabriel undertook the development of a textbook at the Imperial Kazan University, presenting a philosophy of law reflecting the precepts of his time, characterized by the clash of «faith and reason», «conservative and liberal». Adhering to the parameters of historical and philosophical research (revealing the form and essence of ideas in their history, the genealogy of the intellectual process), he reconstructed a creative event, a creative act, dominated by the formation of a nationally oriented philosophy of law, taking into account European experience but favoring its own themes and problems, materials, and methods. This study, conducted using the humanitarian archaeology of key factors influencing the scientific and educational processes of the mid-19th century, explores these factors: higher education, church and state, ideology and education, and the renewal of academic techniques and practices while preserving the values inherent in the national cultural narrative. To achieve these objectives, the principle of «intellectual investigation» is employed, based on historical and philosophical reconstruction and cultural and civilizational hermeneutics. The study presents a set of key factors (institutions, individuals, texts, and situations) that contributed to the formation of a «philosophy of truth». The reconstruction of a set of legal ideas is based on philosophical and historical research in educational, scientific, ideological, and political contexts. The results provide an empirical, conceptual, and contextual basis for further research in philosophy and law, as well as material for educational programs in higher education.

Key words: philosophy, natural law, truth, really, legal philosophy, university, education, morality, ethics, ideology, practical philosophy, history of ideas.

Cite as: Vanchugov, V. V. (2025) [«The Philosophy of Truth» by Archimandrite Gabriel (V.N. Voskresensky): An Experience in Creating a National Philosophy of Law]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 96–107. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-96>.

Введение. Экскурс в академическую тему и идейную проблему

Для понимания сути проделанной архимандритом Гавриилом работы, представленной на суд отечественной ученой публики как русифицированная философия права, а именно – «философия правды», необходимо выявить основные эпизоды историко-философского процесса в политическом контексте, сопоставляя действия ключевых игроков того времени, представляющих как светские, так и духовные инстанции, как бюрократическую машину, так и академическое сообщество.

С введением нового Устава попечители округов, следуя указаниям министра народного просвещения С. С. Уварова, требовали от профессоров российских императорских университетов подготовки новых учебных пособий, составленных в соответствии с курсом на независимость учебного процесса от иноземного влияния. В Казанском университете по новому Уставу учебный процесс разрешено было перестроить – из-за нехватки кадров и большого объема работ, связанных с обновлением учебно-методического материала, – с отсрочкой на два года. Среди взявшихся за дело преобразования университетской жизни оказался и настоятель Казанского Зилантова монастыря магистр богословия архимандрит Гаври-

ил (В. Н. Воскресенский), получивший в свое распоряжение две кафедры: богословия и философии. К 1840 году он подготовил для своих студентов четырехтомное пособие по истории философии. Далее, в ежегодном информационно-аналитическом отчете «Известия об ученых и литературных трудах профессоров и прочих преподавателей в учебных заведениях Министерства народного просвещения за 1843 год» сообщалось, что архимандрит Гавриил, преподаватель богословия и философии, опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» статью «Философия правды» и написал сочинение «О церковном праве» [2, С. 263].

Важно также учесть для контекстуальной реконструкции события и выявления доминантного смысла, что в только что созданном ведомственном «Журнале Министерства народного просвещения», где извещалось не только о новом министре, но и сообщалось высочайшее повеление по отношению к естественному праву, из которого следовало приостановить его преподавание впредь до издания надлежащего руководства [3, С. 104]. Для понимания сути как этого частного события, так и всего процесса в области отечественной философско-правовой мысли, следует осуществить экскурс в прошлое, реконструкцию процесса в институциональном и пер-

сональном аспектах, с учетом комплекса решающих факторов, от сугубо философских (академических), до формально внешних, административно-политических. Отношение к философии права, точнее, на тот момент, «праву естественному», дает много материала для понимания становления как правоведения в России, так и философии.

Начать отчет можно с упоминания И. Б. Стржемень-Стройновского, имевшего отношение к Виленскому университету, составившего руководство в четырех частях «*Nauka prawa*» (на польском языке), которое у нас перевели и издали в С.-Петербурге 1809 г. под названием «Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов». Затем публикуются тексты уже российских авторов, как правило, компилятивные, что было почти нормативным для того времени. В частности, Захарий Аникеевич Горюшкин, исполняющий обязанности ординарного профессора юридического факультета Московского университета, после вынужденного оставления работы все же не оставляет своего дела, и завершает свое «Руководство к познанию Российского Законодательства», представив его в четырех частях в течение 1811–1816 годов. К этому времени Лодий перевел с немецкого «Частное естественное право» венского профессора Цейлера, изданное в 1809 г. в Петербурге, с посвящением Александру I. Затем появилось сочинение надворного советника Ивана Мокеевича Наумова, представителя не мира науки, а адвокатской практики, основателя «Дома практического правоведения» (Москва). Из-под его пера вышел труд «Начертание Естественного Права», определяемое им как принадлежащее к первой части «Прикладного правоведения для граждан» (1808).

Также в этом деле – просветительной компиляции – проявил себя Лев Алексеевич Цветаев – выпускник, последовательно, Славяно-греко-латинской академии, Московского университета, получивший в Геттингене степень доктора философии. В 1816 г. он напечатал «Первые начала права естественного», в предисловии к которым сразу же предупредил читателей, что книга его есть ни что иное, как выдержки из Шмальца и Буле, с некоторыми отступлениями от их плана и мнений. Следующая работа также принадлежит московскому профессору, декану нравственно-политического отделения университета, однако появилась она в другом месте и посмертно, – работа Филиппа Христиана Рейнгарда, с названием, отражающим структуру текста: «Естественное право, содержащее в себе: 1) собственно так называемое естественное право чистое, 2) право прикладное, т. е.: право частное, публичное и народное» (Казань, 1816). Здесь

российские читатели могли ознакомиться не только с его толкованием «права естественного» в многообразии его отношений к праву положительному, но и пройти по основным разделам его истории, от древнейших времен до современности, включая последователей Канта.

Как итог – в эпоху Александра I, возобновившего практику синхронизации жизни с Европой, в России создаются условия для функционирования философии права, прежде всего в формировании корпуса учебных текстов и методических материалов.

Превращение философии права в общественную проблему

Возникает несколько «скандалов», в центре которых оказываются авторы, рассуждающие на тему естественного права. В частности, это коснулось профессора философии Иогана Баптиста Шада, преподававшего с 1804 года – по приглашению российского правительства – в Харьковском императорском университете. Он читал полный курс лекций по философии, был деканом нравственно-политического отделения, подготовил пособие по «Установлению естественного права». Однако в 1816 году в распоряжении министра народного просвещения А. К. Разумовского оказывается два донесения. Согласно первому анонимному сообщению, в научных и учебных трудах Шада можно найти свидетельства о его превратных представлениях о христианской вере и морали. Из второго послания следовало, что в трактате «*Institutiones juris naturae*» содержатся рассуждения, не соответствующие самим основаниям российских законов и учреждений, и что автор позволяет себе многие вольности, пускаясь в рассуждения о праве личности свободно мыслить и действовать, а касаясь личности государя, затрагивать темы его прав и обязанностей, что в целом слишком напоминает печально известные многим разглагольствования в республиканском духе. В итоге министром принято решение «изъять книгу из употребления», а после представления А. Н. Голицыным дела в Комитет министров, профессор Шад уволен от всех дел без суда и следствия, выслан из России, где все его книги должны быть изъяты из публичного употребления и истреблены. В итоге уже 8 декабря Шад, прибывший к нам не так давно по приглашению правительства, по его же распоряжению вынужден стремительно и бесславно покинуть пределы России.

Следующим «анти-героем» для чиновников той поры стал уже наш, отечественный мыслитель, столичный профессор А. П. Куницын. История начиналась здесь сначала в приятном для автора направлении: директор Царскосельского лицея гене-

рал Е. А. Энгельгардт обратился к А. Н. Голицыну с просьбой поднести Александру I экземпляр только что вышедшей книги Куницына «Право естественное». Следуя протоколу, кн. Голицын отправил текст в Ученый комитет, член которого, академик Н. И. Фус, одобрил сочинение, но Д. П. Рунич, попечитель Петербургского учебного округа, имел другое мнение об авторе. Он направил в Ученый комитет «записку», в которой заявлял, что книга Куницына есть ничто иное как «сбор пагубных умствований» в духе Руссо, с которого введена была в моду болтовня на тему «прав человека и гражданина». Ученый комитет постановил изъять книгу не только из всех библиотек, но и от частных лиц, обратить внимание на преподавание естественного права, вытребовать руководства по этому предмету от всех учебных заведений и составить одинаковое обязательное руководство для всех [3, С. 103].

Рунич и Магницкий, занятые в это время освобождением России от всякого рода тлетворного влияния в области мысли, доказывая очевидную для них ничтожность «мнимой науки естественного права», настаивали на безусловном запрещении ее, за изъятие из системы обучения во всех государственных и частных учреждениях [13, С. 17].

М. Л. Магницкий, прибывший с финансово-политической ревизией в Казанский университет, вскрыл в нем, помимо прочих упущений, и превратные толкования с университетской кафедры по части естественного права, допущенные профессором Гавриилом Солнцевым, распространявшего в лекциях дух вольнодумства и «лжемудрия», республиканские идеи, опровергающего все основания общества и церкви [3, С. 103]. В итоге Магницкий предписал предать правоведа университетскому суду, который продолжался с 1821 по 1823 годы. Профессора Тимьянский и Городчанинов (последний, среди прочего, автор благочестивого, но никак не научного сочинения «Мнение христианина о естественном праве») получили в свое распоряжение рукописный текст под названием «Начальные основания естественного частного, публичного и народного права». Вскоре от них последовал отчет, из которого следовало, что в творении Солнцева присутствуют взаимоисключающие принципы, в совокупности совершенно вредные для верующего разума. Профессор Солнцев получил обвинение из 12 пунктов, в частности, что кроме Св. Писания, этого животворного источника всякого правого дела и истинно духовного знания, он допускает в употребление и естественное право, в основе которого сугубо земные материи и практические интересы. По итогам разборов по пунктам деяний профессора университетский суд приговорил Солнцева к лишению

должности, а также был наложен запрет на преподавательскую деятельность. Университетский суд принял формы «Страшного суда», Солнцев предстал в образе страшного грешника: из обвинений следовало, что профессор повел себя настолько неподобающе, что допустил вливание евангельской истины «в меха ветхие», «вливал драгоценное миро в сосуд оскверненный», а и без того малочисленные «семена пшеницы» разбрасывал между «многими плевелами» [1, С. 267; 6, С. 506].

В 1823 г. министру народного просвещения А. Н. Голицыну попечителем Казанского округа М. Л. Магницким представлена «записка» о необходимости изъятия из университетского преподавания естественного права. После же проверки Казанского университета появилась инструкция Магницкого, которой следовало придерживаться по каждому читаемому в высшей школе курсу. Так, к примеру, преподаватель политического права обязан «с отвращением указать» на суждения Маккиавели и Гоббса; в области истории философии права он должен, воспарив выше Платона и Аристотеля, показать источник их начал в Моисее, Давиде, Соломоне, в пророках и апостолах. Верным помощником Магницкого в деле исправления жизни высшей школы стал Городчанинов, взявшийся ниспровергать теорию естественного права цитатами из Евангелия и сочинений церковных писателей. Выступая против идей равенства, народоправия, обосновывая необходимость и богоподобность монархии и повиновения народа, он изобличал «лжемудрецов» и «лжеучителей», представителей «пагубной системы» именуемой «философской наукой естественного права» [3, С. 103]. В итоге, согласно отчету ректора Фукса за 1826/27 учебный год, «в науках политических» Казанский университет преподает науку естественного права в «обличительном смысле», употребляя как можно более времени на изучение законодательства и судопроизводства отечественного.

Таким образом, эпоха Александра I оказалась сначала продуктивной для формирования философии права в России, но привела и к комплексу проблем, чрезвычайно затруднивших как научные исследования, так и образовательный процесс в этом направлении. Мистическое умонастроение, овладевшее императором, переоценка ценностей, погружение в «правильно понятое» христианство, побуждали верноподданных усматривать в продуктах эпохи Просвещения причины общественных беспорядков и личных неурядиц. И в реестр неблагоугодных состояний ума попала такая интеллектуальная практика, как философия права, точнее, «право естественное». Взятая сначала на вооружение в деле европеизации страны, с переменой умонастроения высшего руководства, философия

права вскоре подвергается переформатированию. Неудивительно, что в свете последних событий – изгнание Шада из Харьковского университета, суд против Куницына в столице, – многие занимали выжидательную позицию. Например, Дмитрий Ефимович Василевский, в 1822 г. назначенный на кафедру права естественного, политического и народного Московского университета, никаких пособий не издавал. Если с ноября 1823 г. на нравственно-политическом отделении университета проходились две философско-юридические дисциплины: естественное право и энциклопедия права, то с осени 1829 г. преподавалась уже только последняя, под названием «обозрение прав европейских народов», а первое отменили, отложив принятие решения «до введения нового Устава сего преподавания» [3, С. 104].

Далее философско-правовые события происходят в эпоху Николая I, для которой характерен консервативный поворот, олицетворяемый в виде охранительных начал во всех сферах жизни, включая образовательный и научный процесс. За решение проблемы в виде «права естественного» взялась специальная комиссия, назначенная по высочайшему распоряжению. Один из ее представителей (граф С. Г. Строганов) также намерен запретить преподавание в Московском университете естественного права, с 1804 года являющегося одним из основных предметов нравственно-политического факультета. Он просит министра народного просвещения С. С. Уварова рекомендовать профессорам юридического факультета раскрывать «абсурдность теорий», на которых зиждется наука естественного права. 23 апреля 1833 г. относительно преподавания естественного права обнародовано высочайшее повеление, из которого следовало, что его преподавание нежелательно до тех пор, пока отечественные университеты не будут снабжены особым руководством, одобренным правительством. Также указ ставил академическое сообщество в известность, что в планах правительства формирование, под председательством статс-секретаря Балугьянского, особого комитета из профессоров. Составление «правильного», соответствующего духу времени руководства было возложено на профессоров Главного педагогического института Бессера, Фишера и Штекгардта [3, С. 104].

Чтобы противодействовать распространению тлетворных идей, проникающих к нам с Запада, следовало ввести преподавание «здравых начал» естественного права, и профессор Адам Фишер по этому поводу написал в «Журнал Министерства народного просвещения» свои соображения «О новейшем естественном праве». Уже самое начало статьи показывало, что дело Рунича и Магницкого, начатое при императоре Александре I, будет продолжено самым решитель-

ным образом при Николае I: «Исступление метафизического фанатизма, овладевшее умами философов в прошедшем столетии, породило между прочими химерическими отвлеченностями и науку естественного и политического права» [10, С. 1].

Однако обещанного здесь продолжения сочинения читатели «Журнала министерства народного просвещения» так и не получили. 8 октября 1835 года только что созданный для составления нового «руководства» Комитет упразднили, исходя из того основания, что по новому университетскому Уставу кафедра естественного права ликвидирована. При этом министр народного просвещения испросил у императора соизволения преподавания естественного права «вкратце», что можно с удобством отнести к курсу нравственной философии, благодаря чему совершенно изменится и все направление идей, и обеспечится польза преподавания. В итоге, после недолгого распространения в университетской среде, естественное право оказалось у нас под запретом [3, С. 104]. По университетскому Уставу в числе обязательных предметов указана уже «энциклопедия права», от которой ожидают исключительно общего обозрения систем законоведений.

Независимо от набора дисциплин после Устава 1835 года, уровень преподавания на юридическом факультете Казанского университета оставлял желать лучшего. 24 июня 1837 г. на заседании Совета университета рассмотрели новый учебный план, согласно которому на юридическом факультете учреждалось семь кафедр: энциклопедии прав и государственных учреждений; римского законоведения с его историей; гражданских законов; законов благоустройства и благочиния; законов о государственных повинностях и финансах; кафедра законов полицейских и уголовных; начал общественного правоведения. При этом, как и прежде, остро ощущалась нехватка кадров, временно устраняемая привлечением иностранцев (Г. Б. Винтер, Г. Л. Фогель, Л. Ф. Камбек). Впрочем, они же, решая одни проблемы, создавали другие. Исправить ситуацию можно было только опираясь на собственные, отечественные кадры, национально ориентированные умы. Среди таковых и оказался «ученый монах» архимандрит Гавриил, приглашенный в Казанский университет в качестве богослова, философа и правоведа.

Отечественный аналог европейской философии права – «философия правды»

Именно в таких непростых условиях архимандрит Гавриил берется за разработку проблем философии и права. С одной стороны, в его окружении очень посредственный – по научным и педагогическим параметрам – коллектив преподавателей юридического

факультета Казанского университета. Находящийся на периферии российской империи, он не обладал достаточными ресурсами, чтобы формировать штат из достойных кадров, довольствуясь тем, что находилось на местах. Квалифицированных кадров было мало. При этом многим из них памятна ревизия, устроенная М. Л. Магницким, в толковании которого естественное право предстало россиянам как «исчадие ада». С другой стороны, большинство из них подавлены требованием со стороны руководства в кратчайшие сроки обновить учебные пособия или представить новые, не допустив при этом неверных толкований, как это было сделано – не злонамеренно, а из лучших побуждений – Солнцевым в Казани, или Куницыным в столице.

И архимандрит Гавриил проявил себя, соответственно месту и времени, с лучшей стороны: он представил общественности свой труд «Философия правды», появившийся сначала в университетском журнале, а затем и отдельным текстом [5], переизданным мною с комментариями в 2005 году в Российском университете дружбы народов. 6 февраля 1841 г. С. С. Уваров потребовал от попечителя Казанского учебного округа сведений о необходимости каких-либо изменений в распределении предметов по отделениям наук, согласно с опытом местного университета. Через месяц тот изложил мнение университетского Совета: чтобы не обременять студентов, перегруженных множеством предметов из разных областей знания, им предполагается читать из философии только психологию и нравственную философию, причем с особым отношением нравственной философии к праву в целом [7, С. 323]. Так что в задуманной пособии по философии права архимандрит Гавриил исходил, безусловно, из новых распоряжений университетского начальства, торопясь с отчетом своего «опыта» встраивания практической (моральной) философии к праву.

«Философия правды» архимандрита Гавриила в общем и в частности разворачивалась согласно духу его времени. Здесь учтены были, с одной стороны, все страхи начальства перед «правом естественным», с другой стороны, студенты получили компактное пособие: «Философию правды» объемом 68 страниц. Текст был разбит на 117 параграфов, содержащих рассуждения профессора кафедры богословия и философии о собственности, различных формах ее приращения и обмена, о способах правления, недостатках и слабостях каждой из них, в том числе демократии; рассуждения о праве, видах отношений в «домашнем обществе»; супружеских, родительских, слуго-господских и так далее [2, С. 261]. Архимандрит Гавриил, профессор университета и одновременно настоятель монастыря, исходит из положения, что право

должно исходить из единства своего с религиозной верой и нравственностью, в противном же случае все закончится печально для человечества, как то было уже, к примеру, во Франции, где разрыв «между нравовучением и правом» привел к революции и последовавшим затем страданиям [3, С. 7]. В итоге студент юридического факультета Казанского университета получал такое представление об этой сфере деятельности: право, во-первых, «есть религиозная идея ума, отображение живой веры в Бога... первообраз всякой истины и справедливости. Посему религиозное верование есть истинная основа права и порядка между людьми и народами»; во-вторых, оно есть «нравственная идея, носящая в себе образ правомерности Божественной и действующей внутренне на совесть человека и его деятельность» [3, С. 10].

Определившись с правом в целом, следовало уловить нюансы собственно «философии правды». «Философию правды» следует понимать как науку о вечных законах справедливости в наших мыслях, действиях и поступках, и о приложении сих законов к местным и временным обстоятельствам, под влиянием коих они получают свой вид и определенный образ развития» (§ 1). Если положительная наука права занята развитием положений одного государства или ограниченного периода времени, то «философия правды» «есть наука о коренных, выведенных из природы человека правах, не исключая никакого народа, принадлежит всему роду человеческому» (§ 4). На естественный вопрос зачем «философия правды» правоведу архимандрит Гавриил приводит два довода: во-первых, только она дает «правоведцу» основательность, позволяющую судить о деле тонко; во-вторых, всякое законодательство должно основываться на сущности человека и согласовываться с вечными законами справедливости, которыми и занимается «философия правды» [2, С. 262].

Созданная в противовес европейской «философии права» «философия правды» архимандрита Гавриила пронизывает «светом» высшего разума все аспекты повседневности. Много внимания, к примеру, уделяет автор проблемам в области финансов. Следует отметить, что будучи настоятелем монастыря, архимандрит Гавриил проявил себя как рачительный хозяин, умело используя вверенное ему имущество, приумножив братский капитал, отдавая в аренду купцам складские помещения. Например, § 48 посвящен ответу на вопрос «Не противоречит ли правде требование процентов?». Студентам пояснялось, что при отсутствии «лихоимства» (ростовщичества), требование процентов не противоречит идее права, что в случае, когда деньги или взятые в оборот вещи приносят плоды, то и кредитор имеет право рассчитывать на эти «плоды»,

а не только взявший в долг: как за выгоды от выданного займа, так и за все те опасности, которым подвергается его капитал. Определившись с качественной стороной ситуации и процесса, архимандрит Гавриил переходит к теме (§ 49) количества процентов. Здесь выясняется, что «по началам философии» никак невозможно определить, сколько полагается требовать процентов от должника, держа в уме морально-правовое соображение, что проценты, которые выгодны исключительно кредитору и убыточны должнику, безусловно можно считать противозаконными. Также следует обратить внимание на определение лихоимства (§ 51), как распространенного явления в России. К лихоимству архимандрит Гавриил относит требование таких процентов, при которых в выгоде остается исключительно кредитор. Эти и другие сюжеты из реальной жизни позволяют настоятелю монастыря и профессору университета показать проблематику бытия в тематике повседневности, научить правильному образу жизни и способу мышления в согласии с верой и разумом, христианством /православием/ и философией /любомудрием/.

«Философия правды» архимандрита Гавриила как по форме, так и по содержанию, большей частью представляет собою изложение норм и положений из права земельного, уголовного, гражданского, из разбора имущественных отношений, отношений церкви и государства, с краткими экскурсами в историю государства и теорию права, домостроительство отдельного человека. За «истинную основу» его философско-правового нарратива взято «религиозное верование», учение церкви, церковное предание. По ходу повествования о правовых ситуациях он то и дело дает изложение точек зрения Локка, Монтескье, Руссо, вводя в обиход мыслителей нового и новейшего времени. Однако изложение неоднородно, избирательно, а в случае с Гегелем даже чрезмерно кратко и критично. В частности, при упоминании Гегеля им особо отмечено, что его философия права воздвигнута «на пантеистических основаниях». Здесь следует отметить, что о его философии права Гегеля он упоминал и в четвертом томе своей истории философии, публикуемой в 1839–40 гг., и также кратко и критично.

Что касается самой сути «философия правды», то архимандрит Гавриил декларирует ее как истинную науку о вечных законах справедливости, справедливости, законосообразно проявляемой в мыслях, действиях и поступках человека, включая и такой аспект, как преломление всеобщих законов в пространственно-временной определенности, в событиях места и времени, отчего они приобретают местный колорит, специфику, свой особый вид и определенный образ

развития. Что же касается сущности самой науки, точнее, ее структуры, «Философия правды» определяется как умозрительная «наука о правде», с подразделением на всеобщую и частную. Далее, в отличие от положительного права, где правоведы фиксируют лишь историческое развитие и представление законов, инициированных государством, продуцируемых в определенное время, на конкретной территории, «философия правды» являет собой высшую и чистую науку об основополагающих правах, выведенных из природы человека, единых для всего без исключения рода человеческого. Таким образом, «философия правды» есть как бы совершенная философия права, поскольку опирается на философию как учение, гарантированно ведущее к истинному богопознанию. Это то, что лучше обозначать как любомудрие, как то, что позволяет правильно образованному человеку во всем усматривать проявление не формального «абсолютного духа», а высшего существа, духа живого и истинного. Таким образом, архимандрит Гавриил готовит пособие, именуемое «философией правды», позволяющее для спасения души использовать, среди прочего, и юридически-правовую сферу.

Далее остается разобраться, почему архимандрит Гавриил предпочитает словосочетание «философия правды», а не использует привычную академическую номенклатуру «философия права»? С одной стороны, потому что «философия права» ассоциируется с «правом естественным», которое в его время трактуется как учение потенциально противное духу христианства и основам российской государственности. С другой стороны, следует обратить внимание и на содержательный момент. Для этого необходимо сопоставить пособие архимандрита Гавриила с проделанной им прежде работой. Отправной точкой здесь будет, безусловно, его «Русская философия», «сконструированная» в 1839–1840 гг.

В ней обращает на себя внимание привлечение автором – в качестве философского материала – значительного числа представителей правоведения. Например, в примечании к § 146 «Русской философии» мы читаем, что М. М. Сперанский проявил в своей жизни и творчестве «высоту любомудрия в составе, разделах и связи государственных узаконений» [4, С. 26]. А чем занимался в указанное время Сперанский, привлеченный архимандритом Гавриилом при написании первой в России истории русской философии в качестве соответствующего «материала»?

Сперанский возглавил (неформально, «без поста и чина») Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и под его руководством к 1830 г. было составлено «Полное собрание законов Российской империи» в 45 томах, а в 1832 г.

опубликован 15-томный «Свод законов». Но для обнаружения отмеченной архимандритом Гавриилом «высоты любомудрия» нам следует обратить внимание на другое направление деятельности Сперанского: в течение нескольких лет он вел «юридические беседы» с наследником престола, будущим императором Александром II, после чего ему (в 1837 г.) поручили написать руководство по изучению отечественных законов для юношества. Сперанский приступил к работе, не успев довести задуманное до конца по причине смерти. Начиналось «Руководство» с главы «О правде», где во втором разделе («Силы совести») и пояснялась «правда»: «Совесть или молчит, т. е. не действует, или говорит правду. Она может заблуждать вместе с разумом, т. е. не знать истины, но лгать самой себе она не может. Она по природе своей всегда правдива. Суд совести и правда его одни могут примирить вражду внутреннюю и внешнюю. Правда уравнивает две силы противоположные: личность и общение, самолюбие и любовь». Вверх от правды восходит духовная лестница нравственного достоинства, а вниз ведут ступени лестницы всевозможных пороков, нравственного падения. Если человек преуспевает в добродетели, то дух его от «правды человеческой» возвышается к «правде Божией», к святости, к высшему единству союзного бытия его; и наоборот, по мере того как человек погружается в пороки, он нисходит от правды человеческой в «кромешную неправду». Есть две силы, две власти, укрепляющие правду: сила внутренняя (религия) и сила внешняя («общежителное законодательство») [12, С. 15].

Эта работа Сперанского является, по сути, философией права, где вся философия основана на первоначальном значении религии. Однако архимандрит Гавриил, отметив своих предшественников среди соотечественников, о Сперанском в «Философии правды», хотя бы кратко, как в «Русской философии», не упомянул. Впрочем, он и не мог знать его рассуждений о «правде», опубликованных двумя годами позже выхода в свет собственного сочинения. Значит он получил представление о «правде» Сперанского через другой источник. Кого он упомянул в своей «Философии правды»? Во-первых, Горюхинова, основавшего философию права «на библейских началах» и положения этой науки «подтвердившего Св. Писанием» [11, С. 9–10]. Впрочем, ничего близкого там к идеям Сперанского мы не найдем, только благочестивую демагогию в духе Рунича и Магницкого. Также архимандрит Гавриил выделил в «Философии правды» рукописи казанцев Солнцева и Сергеева, а в Петербургском университете – Адама Фишера, своевременно отметившегося статьей «О новейшем естественном праве».

Г. И. Солнцеву архимандрит Гавриил посвятил также обширный параграф «Русской философии» (§ 163), обозначив его как «философа-юриста», выбирая из его сочинения места наиболее «актуальные», а именно – обоснование естественности и разумности самодержавия (§ 314): «Самый древний, с природою человеческою более согласный по составу своему, простейший и самим Богом предоставленный образ правления есть монархический. Древность единоначального правления доказывается как книгами святого писания, так и светскими свидетельствами». Также узнаем из признаний архимандрита Гавриила, что ему были доступны рукописи сочинений Гавриила Солнцева: 1) историческо-юридический трактат а) о правоведении и законах вообще относительно начального оных происхождения и постепенного хода; б) о законодательстве, как древних, так и новейших, в особенности знатнейших народов; в) юридическая энциклопедия и методология; 2) начальные основания римского гражданского права; 3) основания общего уголовного германского права; 4) объясненная теория уголовного права Грельмана; 5) краткое обозрение российского законодательства; 6) монограммы науки римского частного гражданского права; 7) наставления римского гражданского права, древностями объясненаго; 8) естественное частное, публичное и народное право Фюнке, которое Солнцев, по поручению начальства, исправил и издал в свет в пользу русских инвалидов; 9) два тома в листобъяснений на систему естественного права» [4, С. 100]. Далее в «Русской философии» была дана огромная выписка, в свете «Философии правды» подтверждающая полномочия архимандрита Гавриила рассуждать со студентами на темы правоведения.

Обращает на себя внимание пояснение автора – «два тома в лист объяснений на систему естественного права». Что здесь имеется в виду? Дело в том, что Магницкий потребовал в 1821 г. от Г. И. Солнцева «тетрадки» (конспекты) по читаемому им курсу естественного права. Тот предоставил начальству конспект лекций, с которого была сделана копия. С этими записями и ознакомился архимандрит Гавриил, составляя свою историю русской философии. Только вот отлученный Магницким от профессорской службы Г. И. Солнцев стал губернским прокурором, а профессор архимандрит Гавриил вошел, исправляя учебный процесс по новому Уставу, в область права и опубликовал «Философию правды». Однако и у Солнцева мы не находим того, что можно отнести к «правде» в том толковании, что обнаруживаем у архимандрита Гавриила, а еще ранее у Сперанского.

Также архимандрит Гавриил указывает в «Философии правды» на «замечательные системы» П. Д. Ло-

дия и особенно К. Н. Неволлина. У первого есть работа «Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве», опубликованная в 1828 г., в канун его смерти. В Петербургском университете Лодий читал теорию общих прав, руководствуясь архаичными воззрениями последователей вольфианской школы, особенно Цейлера и Мартини, так что вряд ли он мог навести архимандрита Гавриила на философское толкование «правды». В итоге нам остается обратить пристальное внимание на К. А. Неволлина, потому как своему интеллектуальному становлению он был во многом обязан новаторскому нововведению Сперанского. Еще в 1828 г. тот обратил внимание императора на слабость наших университетов в деле изучения права. Для решения проблемы организовали вскорости подготовку новых профессоров права на основе Второго отделения, для чего из Петербургской и Московской духовных академий решено было «заимствовать» по три лучших студента. Общее обучение для отобранных в своеобразную «юридическую школу» Сперанского предполагалось продолжить в столичном университете, но основной площадкой стало Второе отделение. Стараниями Сперанского было достигнуто определенное сочетание теоретического и практического обучения. Студенты должны были слушать, среди прочего, и уроки российского гражданского права у отмеченного в самом начале статьи Куницына, пострадавшего за свое «Право естественное». Но Магницкого отстранили от дел, а Куницын снова учил студентов праву. Среди выбранных для обучения оказался и Неволлин, который с другими «академистами» должен был с весны 1828 г. начать занятия под руководством статс-секретаря Балугьянского, по плану, выработанному Сперанским.

Через год им устроили испытание, после командировали в Берлинский университет, где в течение трех лет, под руководством Савиньи, занимались энциклопедией и философией права, историей и теорией государственного права, правами римским, германским, прусским и европейским международным. По возвращении Неволлина прикомандировали ко II отделению для изучения свода законов, в начале 1834 г. он приступил к экзамену на степень доктора на философско-юридическом факультете, и вскоре назначен профессором энциклопедии права и учреждений Российской империи в новом университете в Киеве – университете Св. Владимира. И вот если заглянуть в труд Неволлина, которого архимандрит Гавриил упомянул в своей книге без указания его сочинения «Энциклопедия законоведения» (1839–1840), то узнаем, что по существу своему закон есть: «1) вообще правда. Он или выражает ее требования,

или устанавливает меры для исполнения сих требований на самом деле. Но 2) определенный образ бытия правды в существах, к ней способных, суть обязанности и права» и далее: «Точным и твердым образом существо правды может быть определено только в философии» [9, С. 20].

Таким образом, суть закона составляет правда, с чем согласен и архимандрит Гавриил, который взявшись за философию законоведения, вывел в название своего пособия «правду». Архимандрит Гавриил использует термин, который давно уже был «рабочим» среди российских правоведов с древнейших времен. На какое-то время он стал периферийным, однако в эпоху опоры на собственные начала, в согласии с консервативным поворотом, стал снова востребованным. Так что архимандрит Гавриил уместно использовал архаичный (в техническом отношении) термин, но метафизически содержательный, в своем процессе модернизации естественного права.

Также следует отметить, что в какой-то мере «Философия правды» архимандрита Гавриила написана «по мотивам» «Энциклопедии законоведения» Неволлина, что обусловлено было потребностью быстро составить краткое пособие для своих студентов, и ничего принципиально нового она не содержала. При этом нам становится теперь понятно, что та трактовка «правды», которая была у Сперанского, дошла до архимандрита Гавриила (не напрямую, а опосредованно и в усеченном виде) через систематический труд Неволлина. Также стоит особо отметить, что в это время у нас не был в ходу термин «философия права». Неволлин хотя и был среди слушателей лекций Гегеля, свой труд назвал иначе «Энциклопедия законоведения», хотя справедливо И. В. Михайловский характеризовал Неволлина как основателя философии права в России [8, С. 36]. Но архимандрит Гавриил своей книгой, самым ее названием «Философия правды» подчеркнул философскую (в его, конечно, богословском понимании) компоненту права, в силу своеобразия своего, предпочтя термин «правда», как выражение высшего типа истинного положения вещей в мире видимом и невидимом. Однако труд настоятеля монастыря и профессора Казанского университета остался в ту пору едва замеченным в академическом сообществе, чему способствовали внешние неблагоприятные условия, проявившиеся в давлении на философию в целом со стороны правительства.

Итоги

Если ретроспективно воспринимать «Энциклопедию законоведения» К. А. Неволлина как текст, сконструированный по европейским канонам, то «Философия правды» архимандрита Гавриила видится уже

как разрыв с канонами. Это своеобразная антитеза философии права, установка на формирование отечественной, правильной философии права, соответственно и именуемой в согласии с духом времени: «философия правды». Оставляя в стороне детальный разбор того, что было задумано и что сделано автором, мы отметим лишь основные моменты из творческого эпизода архимандрита Гавриила. Его работа безусловно не просто «душеспасительная» /как того хотел бы Рунич, Магницкий и прочие/, но и элементарно полезная, прежде всего применительно к учебному процессу, содержащая в популярном формате рассуждения богослова на темы, которые уже основательно разработали философы и правоведы. Как мы уже указывали выше, Магницкий предал университетскому суду профессора Солнцева за преподавание естественного права «на разрушительных началах». По докладу Тимьянского и Городчанинова университетский суд обвинил Солнцева в том, что он начала естественного права выводит из здравого разума человеческого, а не из Евангелия. Профессор архимандрит Гавриил сделал как раз наоборот: начала естественного права вывел из Евангелия, а не из «здравого разума человеческого». И если в период разгула Магницкого, когда вместо «языческого» римского права следовало преподавать право христианское, для переформатирования естественного права Городчанинов и написал в Казани «Мнение христианина о праве естественном», то теперь архимандрит Гавриил предложил свою версию естественного права, издав «Философию правды».

Философии здесь, следует отметить, по минимуму. Она представлена здесь в его понимании, как любомудрие, как форма богопознания. Мы найдем здесь тот же тип мудрствования, который виден в историческом развитии на страницах «русской философии», представленной на суд публики в 1840 году. Но если «Русской философией» автор всех опередил, был и формально, и содержательно, «оригинален», то в «Философии правды» он просто повторил общие места, причем большей частью, не желая того, в духе М. Л. Магницкого, хотя и без фанатизма последнего, равно как и без глубокого философизма и юридического схематизма К. А. Неволлина. В «Философии правды» архимандрита Гавриила осталось главное (но не нашедшее тогда «удачной» реализации) из эпохи Магницкого: естественное право должно сиять сверхестественным светом, потому как подобное право всего лишь отражает евангельские истины. И если с точки зрения правоведа «философия правды» архимандрита Гавриила есть, метафорически выражаясь, шаг назад, и он не без оснований посмотрит на эту книжицу как на сомнительную, маргинальную «фи-

лософию права», то в контексте творчества архимандрита Гавриила мы можем отметить и положительный момент: автор демонстрирует чрезвычайную последовательность, идет вперед, действуя в области правоведения на основании собственных аксиом, взятых из Св. Писания.

Также необходимо подчеркнуть, что нам не следует забывать про условия времени и обстоятельства работы архимандрита Гавриила: он имел дело со студентом императорского университета, которого следовало направить на путь истинный, согласовываясь как прямо, так и косвенно, с установками Лобачевского (ректора), Мусина-Пушкина (попечителя округа), Уварова (министра народного просвещения), исполняющих волю и воплощающих разум императора России Николая I. Профессор кафедры философии и богословия, архимандрит Гавриил был всего лишь промежуточной инстанцией, передаточным звеном механизма, покорно исполняющего распоряжения власти, используя интеллектуальный материал из круга гуманитарного знания. И как звено уже другой цепи, церковной, он также приучен был прежде всего к ревностному служению, а не самостоятельности через вольные рассуждения в области права. Как настоятель монастыря, он все время ощущал на себе пристальное внимание со стороны архиепископа, за которым следил Синод собрание иерархов под руководством обер-прокурора, и тем самым все они находились под надзором императора, помазанника Божьего, распоряжающегося от имени Всевышнего.

Как элемент первой, учебной и светской структуры, архимандрит Гавриил был проводником «охранительных начал»; как представитель духовной инстанции, – чему бы он ни учил, ему вменялось не упускать из виду главной цели всего существующего: спасения души. И удерживая на периферии нашего сознания все эти исторические, политические, образовательные, религиозные и прочие факторы, мы видим все же главное: ценность труда архимандрита Гавриила. Исходя из собственной версии историко-философского процесса в России, опираясь на комплекс богословских, философских и политических идей, он смог оформить контуры «самобытной» философии права, предполагая в дальнейшем развернуть систему в серии публикаций соответствующей тематики. Проект, по независящим от него обстоятельствам не был реализован, однако само начало его дает нам много ценного материала. Прежде всего, эмпирики для понимания особенностей эволюции философии, ее трансформации в контексте идеологических реалий и образовательных практик времени, определяемого как намеренное дистанцирование от «иноземного» ради обретения интеллектуальной самостоятельности.

Литература

1. Булич Н. Н. Университетский суд над проф. Солнцевым во время попечительства Магницкого // Ученые записки Казанского университета, 1864. Отделение историко-филологических наук. Вып. 1. Казань, 1866. – С. 267–288.
2. Ванчугов В. В. Архимандрит Гавриил (Воскресенский), профессор философии Казанского университета // Историко-философский ежегодник. – 2015. – С. 243–267. – EDN: YLYJJA.
3. Ванчугов В. В. Идеологический эпизод в истории русской философии // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 4. – С. 95–106. – EDN: VVGAON.
4. Гавриил, архим. Русская философия. Казань: университетская типография, 1840. – 159 с.
5. Гавриил, архим. Философия правды. Казань: университетская типография, 1843. – 64 с.
6. Загоскин Н. П. История Казанского университета // Н. П. Загоскин История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. III. – Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1903. – С. 506–541.
7. Залеский В. Ф. К столетию Императорского Казанского университета (1804–1904) // Журнал министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1905. Ч. CCCL. – С. 41–130, 306–369.
8. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. I. – Томск: В.М. Посохин, 1914. – 604 с.
9. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Том 1. Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. – СПб.: тип. Э. Праца, 1857. – 501 с.
10. О Новейшем Естественном Праве. Статья 1-я (Орд. Проф. С. Петербургского Университета А. Фишера) // Журнал министерства народного просвещения. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1836. Ч. IX. – С. 25–44.
11. Рассуждение о превосходстве Библейского и Св. Отцов красноречия над витийством древних языческих писателей, говоренное в Торжественном собрании Императорского Казанского университета Июля 5-го дня 1820 года П. О. Профессором Красноречия, Стихотворства и языка Российского Григорьем Городчаниновым // Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском Университете. Часть I. Книжка I. Генварь, 1821 года. – С. 45–69.
12. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. – СПб.: тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. – 171 с.
13. Феокистов Е. Магницкий: Материалы по истории просвещения в России. – СПб., 1865. – Вып. 1. – 227 с.

References

1. Bulich, N. N. (1866) [University trial of Prof. Solntsev during the tutelage of Magnitsky]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta, 1864. Otdeleniye istoriko-filologicheskikh nauk* [Scientific Notes of Kazan University. Dept. of histor.-philological sciences]. Vol. 1. Kazan, pp. 267–288. (In Russ.).
2. Vanchugov, V. V. (2015) [Archimandrite Gabriel (Voskresensky), professor of philosophy at Kazan University]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* [Historical and philosophical yearbook]. pp. 243–267. (In Russ.).
3. Vanchugov, V. V. (2015) [Ideological episode in the history of Russian philosophy]. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism]. Vol. 4, pp. 95–106. (In Russ.).
4. Gabriel, Archimandrite (1840) *Russkaya filosofiya* [Russian philosophy]. Kazan: University Printing House, 159 p.
5. Gabriel, Archimandrite (1843) *Filosofiya pravdy* [Philosophy of Truth]. Kazan: University Printing House, 64 p.
6. Zagoskin, N. P. (1903) [History of Kazan University]. *N. P. Zagoskin Istoriya Imperatorskago kazanskogo universiteta za pervyye sto let yego sushchestvovaniya, 1804–1904* [History of the Imperial Kazan University for the First Hundred Years of its Existence, 1804–1904]. Vol. III. Kazan: Typo-lithographical Museum of the Imperial Kazan University, pp. 506–541. (In Russ.).
7. Zaleskii, V. F. (1905) [On the Centenary of the Imperial Kazan University (1804-1904)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. SPb.: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk* [Journal of the Ministry of Public Education. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences]. Part CCCL, pp. 41–130, 306–369. (In Russ.).
8. Mikhailovsky, I. V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the Philosophy of Law]. Vol. I. Tomsk: V. M. Posokhin, 604 p.
9. Nevolin, K. A. (1857) *Polnoye sobraniye sochineniy. Tom 1. Entsiklopediya zakonovedeniya. Vvedeniye v entsiklopediyu zakonovedeniya, obshchaya chast' yeye i pervaya polovina osobennoy chasti* [Complete Works.

Volume 1. Encyclopedia of Jurisprudence. Introduction to the Encyclopedia of Jurisprudence, its General Part and the First Half of the Special Part]. St. Petersburg: E. Prats Publishing House, 501 p.

10. [On the Newest Natural Law. Article 1 (Ord. Prof. of St. Petersburg University A. Fischer)]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publishing House (1836). Part IX, pp. 25–44. (In Russ.).

11. [Discourse on the Superiority of Biblical and Holy Fathers' Eloquence over the Rhetoric of Ancient Pagan Writers, Delivered at the Solemn Assembly of the Imperial Kazan University on July 5, 1820, by P. O. Grigory Gorodchaninov, Professor of Eloquence, Poetry, and the Russian Language]. *Rassuzhdeniye o prevoskhodstve Bibleyskogo i Sv. Otsov krasnorechiya nad vitiystvom drevnikh yazycheskikh pisateley, govorennoye v Torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta Iyulya 5-go dnya 1820 goda P. O. Professorom Krasnorechiya, Stikhotvorstva i yazyka Rossiyskogo Grigor'yem Gorodchaninovym* [Kazan Bulletin, published at the Imperial Kazan University]. Part I. Book I. January (1821), pp. 45–69. (In Russ.).

12. Speransky, M. (1845) *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [A Guide to Understanding the Laws]. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of the Proper His Imperial Grand Chancellery, 171 p.

13. Feoktistov, E. (1865) *Magnitskiy: Materialy po istorii prosveshcheniya v Rossii* [Magnitsky: Materials on the History of Education in Russia]. St. Petersburg, Issue 1, 227 p.

Информация об авторе:

Василий Викторович Ванчугов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории русской философии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-2674-6578

e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 01.09.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vasily Viktorovich Vanchugov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0002-2674-6578

e-mail: vanchugov.v@yandex.ru

The paper was submitted: 01.09.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 101.1:316; 1 (4/9)(091)(8-6)

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-108>

УТОПИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК ОБРАЗ МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Г. Г. Коломиец¹, П. В. Ляшенко²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹ e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

² e-mail: lyashenkovpavel@rambler.ru

Аннотация. Авторы, отмечая особенности современной техногенной и непредсказуемой в своих последствиях цивилизации, обращаются к некоторым точкам зрения на утопию, получившую широкое распространение в мире и, в частности, в Латинской Америке. Авторы следуют социально-философской методологии освоения инновационного общественного пространства, применяя антропосоциоэкологический подход, который предопределяет тесные взаимосвязи в системе человек-социум-природа и позволяет учитывать действие чувственной и интеллектуальной интуиции, эмоционального и рационального в сознании, утопически настроенного на совершенный образ жизни человека в новых социально-политических условиях. Используется феноменологический подход, обращенный к экзистенциальным ценностям и смыслам. Целью статьи стало желание представить две точки зрения латиноамериканских мыслителей на утопию, на склонность к специфическому утопическому мышлению как необходимости воображающего человеческого сознания видеть возможности межчеловеческих отношений в достаточно достойном благоустроенном мире. Приведены высказывания латиноамериканских деятелей, специалистов по утопии как формы специфического мышления, которая посредством фантазии представляет идеальный, совершенный миропорядок в социуме. Выделены критические и вместе с тем позитивные оценки утопии и антиутопии, их сопричастность к идеям развития современного мира, что позволяет утверждать продуктивность критической и прогностической философской мысли. Во введении авторы дают представление об утопии и антиутопии в российской философии и латиноамериканской мысли. В основной части, посвященной новому подходу конструирования утопии в Латинской Америке на основе межчеловеческих отношений, рассмотрены две точки зрения на утопию Фернандо Аинсы и Йоханки Леон дель Рио. Отмечено, что уругвайский исследователь утопии Ф. Аинса предлагает обновленное восстановление утопического мышления, изложенное в работе «Реконструкция утопии». В этой связи он поднимает три вопроса: современное понимание утопии, ее социальная функция и идея создания утопий с ориентацией на подлинный гуманизм. Что касается другой точки зрения, представленной кубинским философом Й. Леон дель Рио, то здесь обращено внимание на рационально-критический подход к утопии, который ей в принципе импонирует как поиск идеала социально-человеческого существования. Вместе с тем, она критически оценивает моральное состояние существующего капиталистического строя, и следуя марксистской теории, поднимает проблему антиутопии. В выводах сказано, что в некоторых латиноамериканских философских взглядах на значение образа утопии, а также антиутопии, обнаруживается сопричастность разных моделей в продуктивном движении философской мысли в условиях новой социально-политической реальности, отставивая гуманизм, суверенитет, человеческую жизнестойкость. Авторская мысль идет дальше. Утопия и антиутопия в новейших фантазмагориях символически выражают тенденцию внутреннего стремления к лучшему качеству жизни в условиях новых межчеловеческих отношений на разных уровнях, стремление к гармонической упорядоченности в многополярном мире на основе индивидуального, национального и транснационального человеческого достоинства.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, социальная философия, латиноамериканская философская рефлексия, межчеловеческие отношения, антропосоциоэкологический подход, человеческое достоинство.

Для цитирования: Коломиец Г. Г., Ляшенко П. В. Утопия в философской мысли Латинской Америки как образ межчеловеческих отношений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 108–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-108>.

UTOPIA IN THE PHILOSOPHICAL THOUGHT OF LATIN AMERICA AS AN IMAGE OF INTERPERSONAL RELATIONS

G. G. Kolomiets¹, P. V. Lyashenko²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹ e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

² e-mail: lyashenkovpavel@rambler.ru

Abstract. The authors, noting the peculiarities of modern man-made and unpredictable civilization in its consequences, turn to some points of view on utopia, which has become widespread in the world and, in particular, in Latin America. The authors follow the socio-philosophical methodology of mastering the innovative social space, applying an anthroposociological approach, which predetermines close interconnections in the system of man-society-nature and allows taking into account the action of sensory and intellectual intuition, emotional and rational in the consciousness, utopically tuned to the perfect way of life of man in new socio-political conditions. The phenomenological approach is used, addressed to existential values and meanings. The purpose of the article was the desire to present two points of view of Latin American thinkers on utopia, on the tendency to specific utopian thinking as the need for imaginative human consciousness to see the possibilities of interhuman relations in a sufficiently decent, well-ordered world. The article presents the statements of Latin American figures, specialists in utopia as a form of specific thinking, which through fantasy represents the ideal, perfect world order in society. The article highlights the critical and at the same time positive assessments of utopia and dystopia, their involvement in the ideas of modern world development, which allows us to assert the productivity of critical and predictive philosophical thought. In the introduction, the authors give an idea of utopia and dystopia in Russian philosophy and Latin American thought. In the main part, devoted to a new approach to constructing utopia in Latin America based on interhuman relations, two points of view on the utopia of Fernando Ainsa and Yohanka Leon del Rio are considered. It is noted that the Uruguayan utopia researcher F. Ainsa offers an updated restoration of utopian thinking, outlined in the work «Reconstruction of Utopia». In this regard, he raises three questions: the modern understanding of utopia, its social function, and the idea of creating utopias with a focus on genuine humanism. As for the other point of view presented by the Cuban philosopher J. Leon del Rio, here attention is drawn to the rational-critical approach to utopia, which, in principle, impresses her as a search for the ideal of social and human existence. At the same time, she critically evaluates the moral state of the existing capitalist system, and following Marxist theory, raises the problem of dystopia. The conclusions state that in some Latin American philosophical views on the meaning of the image of utopia and dystopia, there is a connection between different models in the productive movement of philosophical thought in the context of a new socio-political reality, advocating for humanism, sovereignty, and human resilience. The author's thought goes further. Utopia and dystopia in the latest phantasmagoria symbolically express the tendency of inner striving for a better quality of life in conditions of new interpersonal relations, striving for harmonious order in a multipolar world based on individual, national and transnational human dignity.

Key words: utopia, dystopia, social philosophy, Latin American philosophical reflection, interpersonal relations, anthroposociological approach, and human dignity.

Cite as: Kolomiets, G. G., Lyashenko, P. V. (2025) [Utopia in the philosophical thought of Latin America as an image of interpersonal relations]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 108–122. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-108>.

Введение

Современная техногенная цивилизация характеризуется поиском решения глобальных проблем, изменением ценностно-смыслового представления о человеке, социуме и государстве. Переосмыслиются ценность самой человеческой жизни, проявляются противоречия в деятельности человека, взаимодействующего с обществом, природой, живой и неживой

материей. Процессы переживаемого исторического периода создают условия для активного научного освоения духовного наследия мыслителей-утопистов и современной интерпретации латиноамериканской утопии в контексте поиска ответа на вопрос: насколько человек, окрыленный творением техники, науки, искусства, изменяет жизненный мир согласно чувству меры, гармонии, должного, прекрасного как высшими

эстетико-этическими принципами вселенского бытия.

В конце XX века, советский и российский философ Э. А. Араб-Оглы писал, что термин «утопия», идущий от названия книги Т. Мора (1516 г.), в XIX и XX вв. «приобрел характер отрицательного обозначения всех сочинений и отношений, содержащих нереальные планы продуманного переустройства общественных отношений...»¹. На рубеже конца XX в. положительное значение утопии проявляется в двух направлениях: первое – утопия создается с целью того, чтобы «предвосхитить вероятное отдаленное будущее», второе – утопия «может предостерегать от некоторых отрицательных социальных последствий легкой деятельности»². Автор данной статьи «Утопия и антиутопия» уделяет больше внимания распространившимся на современном этапе развития общественной мысли антиутопиям.

В этот же период времени итальянский ученый, писатель-эссеист Клаудио Магрис издает книгу «Утопия и разочарование», в которой он характеризует современную эпоху как глубокое ощущение радикальной трансформации цивилизации, человеческого существования и ощущение конца – но не мира, а сложившегося способа жить в современном мире, понимать его и управлять им. С этим он, как видим, связывает свое разочарование того, что техногенная цивилизация не принесла удовлетворения ожидаемого благоустроенного мира. В этой связи К. Магрис провозглашает возникшую необходимость соотношения разочарования с утопией как знания того, что мир нуждается в изменении к лучшему [17, с. 7]. Достигнутый технологический прогресс цивилизации не привел к прогрессу в экономической, социальной, экологической и моральной сферах. На фоне нарастающего разочарования утопия сменилась на антиутопию. Разочарование, по его словам, как основополагающая черта антиутопии, нашло выражение в специфических латиноамериканских версиях, связанных с осознанием того, что устарели и стали несостоятельными мечтания о величии, с которых начинались процессы национального строительства [16, с. 16]. Как мы видим, очарование утопией сменяется разочарованием и ведёт к антиутопиям. В таком случае в соотношении утопии и антиутопии как социальных конструктов, можно выделить противостояние в контексте категорий бытия идеального и реального, невозможного и возможного.

Уругвайский культуролог, специалист по латиноамериканской культуре Фернандо Аинса пишет, что после 1989 г. в постмодернизме стало привычным

не доверять утопиям, с чем он не может согласиться. Ф. Аинса также как и К. Магрис выступает за возвращение к утопическим моделям, повернув утопию непосредственно к качественному существованию человека, в русло антропологии, так как наступило время, когда «необходимо представить возможность другого будущего и найти выход из давящего монотематического *impasse*», утопический дискурс всегда имеет право быть. Мыслитель предлагает обновленное восстановление утопического мышления, изложенное в работе «Реконструкция утопии». Ф. Аинса возлагает надежды на роль утопической функции в Латинской Америке, где утопия характерна для их континентального мышления о должном бытии. В 1996 году он писал, что утопия особенно необходима в это время, вместе с тем видны все признаки ее заката «Политический реализм теснит индивидуальное и коллективное воображение», а люди склонны к мечтам [1, с. 13]. Целью его эссе было доказать необходимость утопической функции, поскольку он считал опасным действие антиутопии, как например «1984» Джорджа Оруэлла, в которой тоталитарная идея смешивает «идеального гражданина Государства» и «идеальное состояние человека» [1, с. 13].

Актуализация обращения к теме утопии на примере некоторой латиноамериканской философской мысли, возникшей после провозглашенного постмодернистской философией конца утопии, происходит вследствие ряда взаимосвязанных факторов, которые для нас важны в свете антропосоциоэкологического подхода, чем и вызвано обращение к Латинской Америке.

Утопия как форма философского мышления, жанр философствующей литературы и научная проблема в странах современной Латинской Америки является популярной, что имеет, на наш взгляд, антропосоциоэкологическое объяснение, уходя в глубинное обоснование самой социальности, его природы и генезиса, социокода цивилизационно-культурного развития. Согласно мнению мексиканского поэта, культуролога и политика Октавио Паса: «Америку невозможно понять, если мы забудем, что являемся главой в истории европейских утопий», что объясняет вписанность утопии в мир, универсальное состояние американца [8, с. 141].

Антропосоциогенез, обусловивший социальное саморазвитие человека и причины социокультурного исторического процесса, обозначил факторы человеческой жизнедеятельности, в основе которых лежит,

¹ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 153–154.

² Там же.

прежде всего, деятельность и труд, организованные сознанием, ориентированным на гармонию, антиэнтропийный порядок, совершенство. Достижение цели получило эмоциональную и рациональную оценку того, что создано человеком построенного, организованного, ориентированного на эстетически воспринимаемые формы реального и идеального бытия. Цивилизационно-культурное развитие предполагает общественные формы жизни, которые невозможны без связи деятельности, поведения, общения, языковой культуры, телесной организации. Согласно В. С. Стёпину, деятельность, поведение, общение регулируются особыми программами социальной природы, социокodem, который обуславливает историческое развитие общества. Деятельность и труд предполагают целевую установку «Цель – это идеальный образ будущего результата деятельности» [6, с. 41]. Утопии, в этом контексте, как идеальные модели того, чего еще нет, но идеально должно быть, заданы или пред-заданы нашему сознанию социокodem, ориентированным на совершенное, прекрасное, хорошее, доброе, светлое. Утопической ориентации способствует и такие факторы, как функционирование символов, знаков, рациональная и чувственная интуиции, развитая телесность в двух видах. Согласно мысли В. С. Стёпина, у человека есть не одно, а два тела, т.е. природное и «неорганическое тело цивилизации». Как мы полагаем, именно оно, «неорганическое тело цивилизации», разрастаясь, расширяясь и совершенствуясь, технологически побуждает к новым утопическим проектам. Следовательно, утопии можно рассматривать как сущностную необходимость бытия человека в социуме, межчеловеческих отношений в жизнедеятельности, целевых программ.

Очевидно, что утопическое присуще человеческому сознанию с древности, выражено в мифологии, сказаниях, легендах, затем в романах и т.д. В свете этого, оправдана характеристика утопии, предложенная Орасио Серутти Гульдбергом, который выделяет три уровня значения утопии: повседневный (фантазия), литературный (жанр) и философский (прогностический). На философском уровне утопия действует в исторической реальности, поскольку «реальное» состоит не только из «того, что есть», но и из «того, что должно быть». Желание возможного и невозможного, выраженное в «долженствовании», формирует и напрягает реальность, направляя её к иной возможности бытия» [12, с. 60].

Утопию, как «место, которого нет» в реальности, но оно есть как идеально воображаемое, в возможности, мы встречаем в латиноамериканской фи-

лософской литературе во множестве романов, эссе, практической деятельности, где утопия связывается с идеально-возможной формой социально-политической организации жизни. Как отмечают современные исследователи, особенно характерно становится обращение к утопии в наше время. Фрей Бетто указывал на катастрофические последствия, которые зарождающаяся идеология неолитерализма принесла Латинской Америке, по сущности ориентированной на развитие подлинных процессов социального, культурного и исторического знания. Он отмечает, что утопии в Латинской Америке не только имеют будущее, но и становятся необходимыми и неотложными [10, с. 60]. Эта мысль справедлива как для всего мира в целом, так и для Латинской Америки в частности. Подчеркнем, что идея конца утопии не приобрела особую популярность в странах Латинской Америки.

Представление об утопии как образе межчеловеческих отношений в философской мысли Латинской Америки

Философия конца XX – начала XXI века характеризует переживаемый социально-исторический период как «пост-утопия», провозглашающий отказ от утопии в пользу антиутопии. Английский писатель Мерлин Коверли, в труде «Утопия», отмечает, что после окончания Второй мировой войны идея утопии стала отступать. Причину отказа от утопий он связывает с разочарованием в идеалах, страхом перед действительностью: как после газовых камер можно было сохранить веру в нечеловеческую идеальность или верить в обещание идеального общества? [9] Как видим, встает экзистенциальный фактор, требующий нового подхода к утопии.

В сложившихся условиях, господствующей тенденцией на Западе «стала дискредитация утопий и создание различных антиутопий, предрекавших мрачное будущее человечества и предостерегавших об опасности насильственного «осчастливления» человека»³. Вопреки антиутопическому повороту западноевропейской философской традиции, философская мысль Латинской Америки провозгласила кризис, но не отказ от утопии, которая «далека от того, чтобы исчерпать свою повествовательную мощь, открывающую ожидания и провозглашения» [9, с. 28]. Антиутопический поворот в Латинской Америке не нашел отклика в силу духовно-мировоззренческой уникальности латиноамериканской культуры и природы самой утопии, генетически восходящей к особенностям воображаемого философско-символического мышления, данного в антропосоциогенезе и развиваемого в процессе тру-

³ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 153–154.

довой человеческой жизнедеятельности, требующей как духовного, так и телесного напряжения.

В качестве примера нового конструирования утопии в Латинской Америке представим точки зрения двух современных латиноамериканских мыслителей.

Обратимся к философским рассуждениям Ф. Аинсы, который отмечает характерный для постмодернизма «конец мифа о Революции и Великого Проекта», имея в виду конец череды революций в Европе и Латинской Америке, а также идеи модернистского и классического социализма, изложенные еще начиная с «Утопии» Т. Мора. Критически оценивая разные подходы, он выступает сторонником современного антропологического подхода к утопии как необходимого фактора в культурном самовыражении, ставя в центр человека и его будущее.

Ф. Аинса указывает на то, что мировая глобализация вызывает «интернациональный страх», обусловленный финансово-экономической политикой, локальными и региональными конфликтами, войнами, отсутствием безопасности, безответственностью в моральном отношении, природными катаклизмами, загрязнением окружающей среды и т. д. Для него утопия всегда была и должна существовать, поскольку она представляет идеальный антропосоциальный образ, характерный для культуры Латинской Америки. Однако в современном мире утопия переживает драматический момент. Рассуждая о напряженном противостоянии сущего и должного, реального и идеального, он призывает, во-первых, отказаться от непродуктивного утопического дискурса, имея в виду устаревшие взгляды на социально-политическое переустройство с поиском «места, которого нет» и антиутопию как невозможность идеального, вызывающих дезориентацию. Во-вторых, он взывает к необходимости произвести реконструкцию утопического мышления, идя не по пути устаревших идеалов, а найти свой путь восстановления утопической функции в Латинской Америке, согласно своей идентичности. Если в западном постмодернистском воображении утопия вытесняется антиутопиями, то исторически для латиноамериканцев утопия всегда присутствовала и оста-

ется как противопоставление должного бытия сущему. Очевидно напряженное противостояние между идеалом и действительностью, должным и сущим объясняется, как пишет Ф. Аинса, сложностью самого утопического дискурса и «особым, «разорванным» характером американской идентичности» [2, с. 80]. Возникает несоответствие философско-утопической социально-политической теории и жизненной практики, когда «индивидуальная мечта и надежда находят продолжение в реалиях коллективных фрустраций» [2, с. 80]. При этом стояла проблема идентичности, в результате возникали неудачные проекты, составившие целую «энциклопедию американской надежды». Аинса выступает за новый образ утопии, исходящий из анализа прошлых неудач и необходимый для Латинской Америки в новых условиях, сохраняя самоидентичность и учитывая риски новых проектов при осознании необходимости утопий. Предложение Аинсы по новой реконструированной утопии направлено не на «место, которого нет», как мечтали прежде, поскольку теперь вся наша планета и анклавы просматриваются сполна, а на антропологический подход к утопии как образа в контексте латиноамериканского культурного самовыражения, не утрачивая совсем связь с реальностью и культурной идентичностью. Культурно-антропологическое измерение предполагает учитывать обычаи, верования, неудовлетворенность жизнью отдельных социальных групп и уйти от ностальгии и разочарования в «политику для людей» (Здесь он ссылается на D. Mathews. *Politica para la gente*. Medellin, 1997)⁴.

В современной философской мысли сложилось «двойственное отношение к утопии. С одной стороны, продолжают попытки ее дискредитировать, подчеркивая недостижимость коммунистических идеалов, отождествить марксизм с утопическим сознанием. С другой стороны, раздаются призывы создать программу обновления государственно-монополистического капитализма посредством «реформации сверху», противодействующей социальной революции»⁵. Во 2-й пол. XX в. в социальной философии закрепилось «разделение утопий на «утопии рекон-

⁴ Приведем его аргументы утопической антропологии. Вот что он пишет в эссе «Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке»: «В современном мире, изменившем свои пределы, все приглашает к тому, чтобы в сложной, разнообразной и множественной текстуре социокультурной реальности освободить утопию от исключительно политического тотализирующего (чтобы не сказать тоталитарного) содержания и обратить в сторону «инаковости» и «социальности» открытых и динамичных межчеловеческих отношений. Утопия должна принадлежать не сфере абсолютного знания, но «встрече», т. е. тому, что Левинас трактует как поле едва начинающихся исследований – утопия человека. Несмотря на утрату уверенности и на то, что сейчас не самые подходящие условия для изучения утопической функции, мы, «искатели утопии», продолжаем упорную работу в данном направлении в Латинской Америке. Творения «чуждого утопического» вновь будут, как оно уже не раз бывало в другие периоды истории идей Нового Света, утопиями творческими и фантастическими, истинными выражениями ренессанса критического мышления, литературными творениями, создаваемыми для и во имя большей свободы. Я в этом настолько убежден, что хочу закончить словами, которые не помню, где прочитал, и кто их сказал: «Я видел лучшее будущее, и оно реально» [2, с. 87].

⁵ Араб-Оглы Э. А. Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 153–154.

струкции», ставящие в основу принцип конституционного преобразования общества, и «утопии бегства» от социальной действительности. В 70-90-х гг. появилось понятие «обоснованная утопия» для признания социальных программ воплощения в жизнь «предполагаемого будущего». При этом западная философия воспринимала утопию как химеру, боясь новых революций, освободительных движений и особенно распространения коммунизма как реального воплощения утопии. Падение коммунистических режимов, кризис социализма и утопизма в Европе, не нашел отклика в Латинской Америке, в которой сохраняется стремление к утопии в ряде социальных явлений, таких как социально-освободительное сапатистское движение (1994 г.), конституции Эквадора (2008 г.) и Боливии (2009 г.). Именно в единстве латиноамериканских народов видит сущность утопии Латинской Америки кубинская исследовательница Йоханка Леон дель Рио, для которой утопия выполняет функцию противостояния иностранному, агрессивному и разрушительному силам и исторически ассоциируется с испанской колонизацией, а сегодня – с экономической зависимостью от североамериканского капитала [14]. Этим стремлением к единству объясняется интерес мыслителей Латинской Америки к утопиям как социальным моделям, направленным, как считал А. Э. Штекли, к обретению братства и общности духа [7]. Утопии, как мы считаем, являются воображаемыми социально-антропологическими моделями, направленными на идеально-максимальное повышение уровня жизни общностей и общества, межчеловеческих отношений. В утопии воплощается вера человека как телесно-социально-духовного существа в самого себя, через провозглашение культа равенства возможностей и справедливости, творческой и вместе с тем ответственной свободы. В этом свете утопию можно трактовать как модель мягкой политической силы во имя безопасности социально обусловленного человеческого существования.

Подобные тенденции в развитии утопии Латинской Америки могут указывать не столько на возрождение утопии, сколько на ее перерождение или современное конструирование образа утопии как фактора межчеловеческих отношений на новом и более высоком уровне, направленном на возможную реализацию морально достойной социальной жизни, хотя бы в далеком будущем. Тем самым, утопия по сущности фундирует активное и гармоничное межчеловеческое взаимодействие, деятельность, поведение, общение, стремится к обоснованию новых антропосоциоэкологических горизонтов развития человека. Человечество, в свете утопии «оказывается помощником Бога в деле Творения, которое с каждым днем совершенст-

вуется, благодаря тому божественному инструменту, каким является утопия. Утопия присутствует во всем, что связано с человеком» [1, с. 39].

В анализе утопии в Латинской Америке, Ф. Аинса ставит три вопроса: «что мы понимаем в настоящее время под утопией? К чему в настоящее время сводится утопическая функция? Что мы можем предложить со своей стороны?» [2, с. 80]. Обращаясь к вопросу о сущностном подходе и понимании утопии, что «Утопия, традиционно понимаемая как политический или социальный проект, вообще игнорировала антропологическое измерение» [2, с. 80], мы представим свое рассуждение. На наш взгляд, антропосоциоэкологический подход предполагает, прежде всего, биосоциокультурную сущность человека, у которого, во-первых, тело природное и разрастающееся посредством технологий «неорганическое тело цивилизации». Во-вторых, человек – существо социальное. В-третьих, вершиной является духовная сущность человека, включая в своей многогранности эстетическую, аксиологическую, этическую, религиозную, научную и другие духовные аспекты. В утопиях Нового времени они присутствуют, например, в утопии Кампанеллы «Город солнца». Мы должны признать, что социально-политические проекты неотделимы от человеческого существования. Если понимать человека по своей сущности и его бытие, обусловленное космосом, земной биосферой, природой, социумом, телесностью, психически и интеллектуально воспринимаемыми явлениями мира, то утопия нуждается в культурных воззваниях. Так и Аинса считал, что культурным реалиям несет угрозу экономико-финансовая глобализация и ее последствия для человека. Следует понимать, что утопическая функция присуща человеку с его свободой воображения, но как быть человеку между государственным порядком и свободой.

Подчеркивая антропологический подход в создании утопии, Ф. Аинса приводит слова латиноамериканских ученых, ссылающихся на испанского педагога и писателя Р. Мартинеса. Так он пишет «Утопия, – говорит нам Рохелио Бланко Мартинес в книге «Отсутствующий город. Утопия и утопизм в западном мышлении», – антропоцентрична, гуманистична и одновременно тоталитарна; прилагательное «тоталитарный» здесь используется не в политическом смысле, а в смысле наличия центростремительной точки, точки синтеза, гармонии, к которой устремляется структура. Утопия монистична в оптимистическом смысле, потому что помещает человека в центр мира как господина своих снов и хозяина своей судьбы» [2, с. 82].

Нам импонирует то, что Аинса отмечает выдающиеся заслуги доминиканского исследователя, лите-

ратуроведа Энрикеса Уренья, который первый сказал об «утопии Америки» еще в 1922 г. и изложил следующий проект социального развития. А именно: «дать образование всем людям», найти «наилучшие инструменты для создания всеобщего блага» и прилагать благородные усилия, чтобы «приблизиться к социальной справедливости и подлинной свободе», что в итоге было резюмировано в лозунге: «идти, наконец, вперед, к нашей утопии». Этот лозунг с годами превратился в судьбоносную проблему латиноамериканской мысли» [2, с. 83–84]. Как видим, здесь идеалы и ценности классической утопии, перекликающиеся с коммунистическими утопическими идеалами: всеобщее образование, всеобщее благо, социальная справедливость, подлинная свобода.

Как пишет Ф. Аинса, современный колумбийский философ Рафаэль Гутьерес Гирадот отмечал, что, в представленной им американской перспективе «утопия трансформировалась в «антропологическую и историческую категорию», основанную на критической и рационалистической способности человеческого существа. Стремление к совершенству, которое рождается вместе с греческой философией, обретает свою историческую и антропологическую определенность в Америке, где утопия превращается в диалектическую форму мысли. Поэтому развивая мартианский идеал «нашей Америки», можно говорить о «нашей утопии» в двойном смысле: реализация утопии как «наше человеческое и историческое самоосуществление» и как самоосуществление Америки, которая «исторически была Утопией» [13, с. 24].

Из приведенного высказывания выделим слова: «наше человеческое и историческое самоосуществление» и как самоосуществление Америки, которая «исторически была Утопией» – это и есть ответ на вопрос: что такое латиноамериканская утопия сегодня.

По второму вопросу значимости утопической функции ответ Ф. Аинса был следующим. Ссылаясь на Клаудио Маргиса, он пишет: «... конец мифа о Революции и Великого Проекта должен придать «больше конкретной силы идеалам справедливости», лишенным искажений мифологизирующего и всеобъемлющего идолопоклонства» [2, с. 83]. И далее о том, что К. Маргис понимает под утопией непосредственную борьбу за такой порядок, как он должен быть, потому что не всё предопределено, хотя эта борьба закончится разочарованием. Нужны терпение, упорство, несмотря на то, что не всё осуществится, но важны борьба, движение, действие за лучшее будущее. Продолжим мысль Маргиса и скажем, что утопия, в своей идеальной функции возможного или вероятного, нас предостерегает в виду непредсказуемости в приближении к её реальному воплощению.

Утопия как идеальная модель общественного состояния и межчеловеческих отношений никогда в полной мере не может осуществиться, тем не менее, ценность ее по своей функции высока: «Утопия и разочарование не противостоят, но взаимно поддерживают и корректируют друг друга, помогая в осуществлении своих моделей. Разочарование, корректируя утопию, усиливает ее основной элемент – надежду, и хорошо бы здесь вспомнить Канта, что надежда возникает не из видения спокойного и оптимистичного мира, а «из жизненных испытаний и неприкрытых страданий, порождающих неукротимую жажду избавления» [14].

Подчеркивая такое латиноамериканское качество как умеренность, приводятся слова Хосе Карлос Мариатеги – перуанского писателя, философа-марксиста, автора «Семи очерков истолкования перуанской действительности» (1928), что «чрезмерная вера Америки в свое будущее порождает серию преувеличений, категоричность которых необходимо смягчить, исходя из здравого смысла, дополненного историзмом эссеиста, чувствующим себя в моральном плане «реформатором» и «преобразователем общества» [2, с. 84].

Как полагает Ф. Аинса, латиноамериканская утопия должна сочетать социальные цели и человеческие возможности их достижения. При этом он напоминает, что «Америка – это ее индейцы, но также ее конкистадоры, освободители и просветители: это одно целое, подлинный тигель культур» [2, с. 85]. В этой связи по мысли философствующего писателя Латинская Америка становится центром сосуществования взглядов с надеждой на будущее. Ценной представляется его мысль, что «Утопия продолжает оставаться реальностью и необходимостью, которую сопровождает не эхо создания систем, а ответственное творчество индивидуальности, соединенное с коллективным взаимодействием» [2, с. 85].

Как мы понимаем Ф. Аинса, функциональная сила утопии состоит в межчеловеческих отношениях, которые являются фактором человеческого творчества и свободы воображения. Поскольку не просветительские программные установки и классические утопии, а сам процесс созидания приближает будущее. С утопией он связывает идею вероятности и варианты будущего, когда необходима мудрость в выборе пути. Утопии связываются с неудовлетворенностью социально-политическими системами, партиями, что называется «голодом другой политики», который лежит в основе любой утопии. Он пишет, как по его мнению должно быть: «Неформальная политика предполагает гражданскую работу на всеобщее благо, в которой гражданин не чувствует себя жертвой или потребителем навязанных или доступных политических реше-

ний, но творцом общего пространства глубоко прочувствованных, а не формально принятых решений» [2, с. 85]. В его утопии долгий путь «к толерантности, умеренности, преодолению драматизма и конвергенции», достижению нормативного консенсуса в межчеловеческих отношениях.

Что же в результате предлагается Ф. Аинсом по третьему вопросу конструирования новых утопий, когда человек ощущает наступление новой цивилизационной технократической формации. Он указывает на большое количество утопических литературных текстов в Бразилии, Аргентине, Коста-Рики, Колумбии и др. Утопическая функция присутствует в романах. Кроме того, доказывая культурную ценность утопии в Латинской Америке, он приводит ряд симпозиумов, посвященных проблеме «Утопии и Латинская Америка». В рамках международных конгрессов в Стокгольме, Кито, Варшаве, Сантьяго-де-Чили, Севилье отстаивались концепты, теоретическая и практическая значимость междисциплинарного подхода латиноамериканской философии, приветствующей утопии. Например, в книге «Цивилизаторский процесс и утопическая практика в нашей Америке» (1995), где сказано, что Америка, прежде бывшая хранилищем утопий для других, теперь творит утопии для себя, провозглашает право на неотъемлемое право критического мышления и освободительного дискурса по вопросу утопии. К сказанному дополним свою мысль, что обилие литературы, в которой находит место, которого нет в реальности, но оно есть в фантазийной свободной утопии и выполняет роль пропаганды.

Ф. Аинса заключает свое размышление о том, что многим новая утопия может показаться неосуществимой. Однако, как он считает, в современном мире, сложились социокультурные условия освободить утопию от исключительно политического тоталитарного содержания и обратить в сторону подлинной «социальности открытых и динамичных межчеловеческих отношений». Утопия, как мы понимаем латиноамериканцев, не должна быть, скажем словами Канта, «вещью самой по себе» в сфере недостижимого, а должна приблизиться к человеку. Латиноамериканские мыслители считают себя искателями новой утопии, создавая философско-фантастические литературные произведения. Ф. Аинса утверждает, что утопия, безусловно, способна приближать к реальному воплощению того, что виделось как лучшее будущее.

Прежняя утопия предполагала историческую, национальную, территориальную идентичность, а что же происходит сейчас, когда стираются эти границы. В главе «Новые границы идентичности» описываются возможности утопической функции маргинального, нетипичного типа. Обычно самоидентичность

распознается ответом на вопрос «кто такой», и как пишет Аинса, традиционно идентичность определяет «чувство причастности к некоему общему достоянию (территории, истории, языку, религии, ритуалам и обычаям)» [1, с. 197]. Теперь же национальные границы размываются, большое количество иммигрантов, «инаковость» групп меньшинства, безработных, отток сельского населения в города вызывают смещение и многообразие культурных потоков. Подобные гибридные процессы вызовут иные утопические проекты воображаемого пространства для сосуществования разных социальных групп.

От себя добавим, как здесь не вспомнить постмодернистские эстетические категории, такие как коллаж, абсурд, лабиринт, жесткость и повседневность, деконструкция и симулякр, др. А у Аинсы утопическая рефлексия связывается с мультикультурным «бриколлажем». И тут по его словам встает проблема международной этики и ответственности при свободе утопического творчества. Важно «глобально мыслить и нравственно поступать» [1, с. 204]. Аинса заключает эссе словами, что будущая утопия выйдет за пределы «нигдеинной» территории и станет «настоящей *пантопией* – утопией «всех возможных пространств»» [1, с. 205].

На какую мысль наталкивает нас тема реконструкции утопии по Аинсу? Выделим межчеловеческие отношения в социально-политической латиноамериканской философской стратегии. В межчеловеческих отношениях, поднимаемых утопической функцией мы видим три уровня: многоликое целостное человеческое бытие, желающее безопасности; индивидуальное, личностное бытие, мечтающее о благосостоянии и благополучии; транснациональное бытие в самоидентичности людей, социальных групп, этносов, государств.

Теперь представим другую точку зрения, которая не столько прогностическая, сколько критически-рационалистическая, вызванная острым переживанием вхождения и распространения в мире антиутопических взглядов.

В статье «Почему Утопия?» Йоханка Леон дель Рио отмечает перманентный интерес к утопии, характерный для латиноамериканского мышления. Кубинская исследовательница утопии писала, что время разворачивает настоящее, которого искали в прошлом, но не нашли, поскольку осталась неудовлетворенность из-за неисполненного желания, но за этим отрицанием прошлого выступает реализация желаемого в настоящем. Латиноамериканская мысль всегда была устремлена на «рассвет», на грядущий день, в будущее и занята проблемой не кто мы есть сейчас, а какими должны быть. Она указывает на то, что все исторические, социальные, экономические, полити-

ческие и культурные условия Латинской Америки способствуют тому, чтобы думать об «измерении будущего» [14]. Устремленность в будущее, как особенность латиноамериканского мышления проявляется во всех культурах и этносах Латинской Америки от индейцев, латиноамериканцев до афроамериканцев. Й. Леон дель Рио трактует утопию в латиноамериканской мысли как художественный процесс и это утопия восстания, пишет она, ссылаясь на Артура Андреса Роига, отстаивавшего высокое значение утопии в латиноамериканской философии.

Согласно Й. Леон дель Рио, феномен утопии существует в двух ипостасях. Один вид утопии – это мечта, реализованная в проектах и социальных экспериментах западного общества о так называемом Новом Свете. Этот вид утопии характерен для первоначального этапа развития утопической мысли, когда в Латинскую Америку стала проникать западноевропейская философская традиция, отражающая желаемый образ жизни и будущего. На этом этапе Латинская Америка испытывала западное влияние.

Второй вид утопии – это утопия собственно Латинской Америки, наполненная размышлениями над судьбой латиноамериканских народов. Именно второй тип утопии нашел выражение в социальных и революционных движениях, в таких как народное единство в Чили, Мексиканская революция, крестьянское движение Сандино и Сандинистская революция, аргентинский перонизм, Кубинская революция. С утопией в Латинской Америке связаны дискурсы о будущем индийской, испаноязычной и африканской Америки. Роль не столько самих вымыслов и воображения, вызывающих напряжение, сколько действие утопической функции, побуждающей людей к действиям, превышающим рамки социальной реальности. Философа волнует не вопрос, что такое утопия, а ее позитивное влияние: «Утопии – это нечто большее, чем необходимость перемен и потрясений в социальной деятельности людей, это непредвиденное обстоятельство, в котором играет роль воля действующих субъектов». Она сравнивает утопическую функцию с детонатором в современной философии, что и привлекает латиноамериканскую мысль, которая обратилась к реконструкции утопии. Притягивает именно сила критической регулирующей функции утопии.

Й. Леон дель Рио указывает на различие выражений: «Утопия для Латинской Америки» и «Утопия в латинской Америке». Первое означает тысячулетнюю мечту западного мира о так называемом Новом Свете для эксперимента западного проекта. Второе выражение относится к истории и теории утопии в Латинской Америке, чему посвящено ее исследование.

Латиноамериканская утопия, на ее взгляд – это социальная мысль в контексте политики и практики, взятая как процесс самосознания, как проблема идентичности, связанной с судьбой латиноамериканских обществ. Здесь один вид утопии привел к восстанию коренных народов, другой в XIX–XX вв. к идеям независимости, приведшим к революциям. Таким образом, утопии не просто игра воображения, а регулирующая функция. И политика в латиноамериканской мысли, согласно автору, есть утопия. Обозначив таким образом контуры своего исследования, Йоханка Леон дель Рио разделяет утопические модели на два вида: утопия латиноамериканского единства и утопия латиноамериканского освобождения.

1. Утопия латиноамериканского единства, предстает идеалом, «который определяет значение Латинской Америки на основе ее единства как общества, идентифицируемого по своей идентичности (языковой, религиозной, культурной и исторической) и является эффективным средством противостояния иностранным, агрессивным и разрушительным силам, исторически отождествляемым с испанской колонией, а сегодня – с экономическим присутствием североамериканского капитала» [14].

Обращаясь к истории периода борьбы за независимость Южной Америки: выделяется деятельность Симона Боливара и Франциско де Миранды, когда была задумана социально-политическая утопия, боливарианский проект под названием Великая Колумбия. Он предусматривал Единство Конфедеративной республики из союза Венесуэлы и Новой Гранады вплоть до Амфикистического конгресса, регулирующего разногласия, как лига суверенных братских наций с целью противостояния иностранной власти. По мнению Йоханки Леон дель Рио, боливарианская утопия скорее субъективная, трансцендентальная утопия, продвигающая мысль о мечте свободы и славы латиноамериканской нации, где понятие нации трактуется не только в этническом смысле, но и в государственной идентичности. Провалившийся боливарианский проект Й. Леон дель Рио называет «лабиринтом одиночества», в котором оказался герой утопии. Мифотворческая сила пересмысленной утопии тогда рассматривалась не ради социальной, политической, экономической независимости континента, а воспринималась как вовлеченность молодых наций в мировой рынок. Такая утопия выступала не за интересы широких масс, а за интересы обедневшей латиноамериканской аристократии и иностранной буржуазии. При этом выдвинутая проблема идентичности вызвала братоубийственные войны. Так, боливарианская утопия приняла другой характер – не благой идеи, а инструмента и воплотилась в разрушительное консервативное действо, разделяя народы.

Символическое утопическое выражение другой угрозы после доминирования Испании, а именно, американский империализм конца XIX в. нашло выражение в мыслях Хосе Марти, писателя и лидера освободительного движения Кубы. Его утопия о полноценной жизни людей с идеей свободы и признания субъекта, человека, когда нужно верить в лучшее в человеке и опасаться худшего. Собственно здесь перекликается идеально-социалистическая модель «сделать человека лучше». Автор пишет о том, что утопия используется как средство, ограничивая саму утопию. Жизненная важность утопии в ее посреднической деятельности, выступая стимулом. Что касается реальной жизни, то здесь, по мнению автора, необходим анализ с материальной, рациональной точки зрения, с учетом самоопределения другого. Сегодня, как замечает философ, латиноамериканское единство является скорее революционной, чем консервативной утопией: «Это утопия единства в солидарности, надежды и защиты культурной самобытности». Критическая оценка такой утопии необходима, так как реальность, породившая такую утопию, не преодолена.

2. Утопия освобождения – это модель, предполагающая процесс латиноамериканской гуманизации человека в политическом, экономическом, культурном и духовном плане. Утопия освобождения вызвана социально-освободительным движением, поэтому заслуживает исторического исследования. Здесь находит место понятие народной утопии в работе «Надежда и утопия в латиноамериканской борьбе» Хелио Галлардо Мартинеса, чилийского философа и профессора университета Коста-Рики. Народная утопия потому, что выражает надежды народа.

Однако утопия освобождения, являясь самым сильным компонентом в современной латиноамериканской философской мысли, имеет разные подходы. Первый вид такого типа утопии составляет утопия духовного освобождения, которую Й. Леон дель Рио связывает с введением индейцев в христианскую веру еще в эпоху Возрождения. Тогда, например, появилась Утопия Лас Касаса, вдохновленного утопией Т. Мора. В те времена, в частности, христианские гуманисты, священники Лас Касас, защищавшие коренное население, и Гинер де Сепульведа, вели спор, из которого вытекают линия революционной утопии и линия консервативной утопии. Освобождение в схоластике имело два смысла как духовное освобождение и как гражданское освобождение. В XIX в. утопическая мысль была направлена, как выше отмечалось, на политическое освобождение, связанное с борьбой за независимость не без влияния европейской идеологии с лозунгами «братство, равенство, свобода».

Современное создание утопии освобождения получает смысл позитивизма и институционализации латиноамериканских обществ, где преобладает логика, теория и абстрактность. Утопия нашла место в научном утопизме, где научный подход направлен на реализацию утопических возможностей человеческого освобождения. Леон дель Рио пишет, что теперь «утопия нашла различные опосредования в проектах эмансипации социально-политических структур, мышления и культуры» [14].

В латиноамериканской философии с начала XX в. (А. Деустуа, Ф. Ромеро, А. Касо, А. Корн и др.) было направление, которое повернуло утопическую тему освобождения в сторону индивидуальной этики свободы с моральной ответственностью на основе опыта в мире межчеловеческих отношений, культурной и интеллектуальной идентичности как освобождение от американского империализма.

Другая форма утопии освобождения – это марксистская мысль с идеей «отчуждения» человека, классовой борьбы в целях достижения идеи социализма. Примерами латиноамериканской марксистской утопии являются семь эссе Х. К. Мариатеги «Интерпретация перуанской реальности с мечтой о социализме в Латинской Америке», заслуживающей и сегодня внимания и являющемся ресурсом новых утопий, по мысли Й. Леон дель Рио.

В конце XX в. проблему социализма как утопии рассматривает мексиканский философ-марксист Адольдо Санчес Васкес, одна из работ которого называется «От социализма научного к социализму утопическому». Он придавал большое значение марксистской эстетике и искусству, что для нас является ценным, так как марксистская эстетика подчеркивала духовно-практическое назначение искусства для освоения действительности с помощью фантазии и воображения. Для Васкеса социализм представляется утопией, так как в историческом развитии он остается идеалом. Важно отметить, что Йоханка Леон дель Рио ставит под сомнение не сам социализм в плане утопии, а «концепцию утопии, с помощью которой предполагается обосновать социализм». Согласно ее мнению, утопию нельзя понимать как позитивное трансцендентальное представление о реальности, ведь утопия всегда за пределами реальности. Утопия функционирует, стимулирует, но важнее рассматривать саму социально-политическую и экономическую реальность.

Следует заметить, что утопия освобождения в марксистской мысли Латинской Америки XX века, с одной стороны, провозглашает «конец утопии», но с другой – создается теоретико-концептуальное основание для развития философско-утопической мысли,

рассматривающей бытие человека в согласованности с его чувственностью [7, с. 434].

К утопии освобождения Й. Леон дель Рио относит также еще одну теорию – «теологию освобождения» как политическое мессианское движение, которое объединяет и марксистов и христиан в контексте социальных наук. Это движение противостоит не атеизму, а идолопоклонству перед господством неолиберальной политэкономии. Богословское, по сути, оно ищет связи между теологией и экономикой. При этом богословская рефлексия с эмпирической точки зрения обращена к критике неолиберальной политической экономики и утопизации рыночного права, заинтересованного в расчетах и рентабельности, не считаясь с фундаментальными основами жизни людей и природы.

Рассматривая утопию в современном мире XIX–XX вв. с исторической точки зрения, Й. Леон дель Рио является сторонником рационально-критического подхода к миру утопического, чтобы, как пишет автор, не быть в плену наивного и утешительного. Идеальная составляющая утопии может ввести в заблуждение, вселяя надежду, в то время как современная социальная действительность указывает на то, что мир стал другим по сравнению с прошлыми столетиями. Тем не менее, в наше время об утопии следует думать и говорить, поскольку то, что считалось ранее неотчужденным, стало отчужденным предметом торговли. Так например, если ранее «добродетель, любовь, мнение, наука, совесть и т. д. приобретались, но никогда не обменивались», по сути это ценности жизни, то теперь «время всеобщей коррупции, всеобщей продажности, или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, моральная или физическая, превращенная в меновую стоимость, выносятся на рынок, вместо того, чтобы быть оцененной по самой справедливой стоимости» [14].

Антиутопический подход автора указывает на значимость утопии в том смысле, что утопии подобно утопиям Мора, Кампанеллы, остались в истории, в прошлом, которые не следует забывать, чтобы оставаться человеком. Утопии в современном мире сегодня заменила виртуальная ироничная реальность техноутопий, по сути, как мы понимаем автора, современная утопия стала выполнять функцию нарративов, симулякра, игры, лабиринта. Думать об утопии сегодня необходимо для того, чтобы не забыть не только прошлое, места, которого не было у человека и его состояния, но и не потерять память о том, зачем мы живем здесь сегодня. Страх вызывают коммуникационные технологии, манипулирующие массовым сознанием. Современные утопии отличаются тем, что

они встраиваются в мир новой техногенной цивилизации, взывая к социально-политической мудрости. В XX веке соратник К. Поппера, экономист Р. Хайек называл вредной утопией идеи планирования социальной жизни в контексте глобальной рационализации человеческих взаимоотношений. В этой связи встает проблема антиутопии.

Заметим, В. А. Лекторский, приводя слова К. Маркса, что «человек как результат собственной деятельности» [5, с. 173] пишет: «Я хочу специально подчеркнуть, что имею в виду не только целенаправленное изменение человеческой телесности и психики (сознательное «конструирование» человека), но и создание такого технологического мира, который роковым образом может повлиять на человека, хотя такая цель непосредственно не ставится». А цель как раз наоборот заключается в том, чтобы усовершенствовать человеческую жизнь, сделав ее более творческой [5, с. 173]. Таким образом, наряду с утопиями выстраиваются антиутопии.

Антиутопистом нередко называют К. Маркса. В свое время мы, следуя антропо-аксиологическому методу и идеи «утопии этического симбиоза» как возможности достойного существования в глобальном мире, обратили внимание на феномен чувственности в философско-антропологической концепции К. Маркса [3]. Маркс в ранних философских работах, связанных с экономикой, выделял «сущностные силы человека», где чувственность, неразрывно связанная с сознанием, являлась предпосылкой духовно-практической деятельности [4, с. 434]. Лекторский отмечает, что до недавнего времени проекты покорения природы и преобразования социальных отношений как утопии породили экологический и антропологический кризисы. Однако проекты трансформации межчеловеческих отношений и восходящего движения человеческой жизни вновь возвращают к утопиям: «Время утопий как будто возвращается» [5, с. 179].

Й. Леон дель Рио, в анализе утопии, на наш взгляд, остается в рамках марксистской философии, согласно которой сознание фундировано чувственностью, являющейся предпосылкой практической и духовно-практической деятельности. Чувственность, побуждающая к созданию форм предметного бытия, обусловлена развитой телесной организацией и выступает как «чувство общественного человека», «богатство субъективной человеческой чувственности», что является особенностью «человеческих сущностных сил». При этом научный коммунизм в свете философской традиции марксизма, по рассуждению Леон дель Рио – это модель и принцип будущего, а не утопия. Продолжая эту мысль в последующей статье «История и логика концепции утопии»

Й. Леон дель Рио пишет: «С XXI веком, по-видимому, исчезла возможность проецирования идеала на лучшее общество и невозможность мыслить утопию. Однако распространение утопических вселенных прослеживается в идеалах социальных движений сопротивления капитализму» [15, с 5]. Таким образом стоит вопрос об утопическом значении.

В своем рационально-критическом анализе утопической проблематики кубинская исследовательница утопии провозглашает не только сознательный отход от утопии как не соответствующей потребностям современного социума, т. е. зрелому состоянию капиталистического производства, но и определяет иную концептуальную основу в осмыслении проблемы человека и его отношения к внешнему миру. Й. Леон дель Рио, вслед за Карлом Марксом, провозглашающим о конце утопии, создает теоретико-концептуальное основание для философской дилеммы «утопия-антиутопия». Новая форма утопии, согласно ее словам, точнее топос, не «место, которого нет», а эксклюзивное место, куда вы можете или войти, или не войти, там, где место не занято суверенными потребностями. И «если нет места для всех, то я должен по крайней мере найти место для себя».

Как мы ранее отмечали, доминантой сознания в современном человеческом бытии, а значит, в межчеловеческих отношениях ценностью выступает достоинство человека, претендующего на признание на разных уровнях. Национальное человеческое достоинство, которое понимается в двух ипостасях и как этнического национального достоинства и как достоинство гражданской нации, предполагает не просто существовать, а существовать достойно, т. е. быть признанным участником диалога культур. Достоинство нации, государства состоит в том, чтобы быть услышанными, признанными, авторитетными в новых цивилизационных условиях [3].

На вопрос и ответы Й. Леон дель Рио «Почему утопия?» мы по-своему скажем: «почему нужна утопия?». Почему нашему сознанию нужно образное мышление посредством символизации, поиск решения социальных межчеловеческих проблем. Оно, наше социально ориентированное сознание ищет выход в искусстве, творческой модели, и находит место в утопии. Тяготение к созданию утопии – это яркая вершина, некий предел мечтаний общественного социального сознания, нашедший свою форму выражения посредством сильного чувственно-эмоционального и рационального напряжения одаренного мышления. Сегодня утопии, как и антиутопии, усиливаются в средствах выражения, тяготея к виртуальности, маргинальности, которое ближе к человеческому soma, к природной человеческой сущности.

С точки зрения антропосоциоэкологического подхода дилемма утопия/антиутопия указывает на ценность и смысл транснационального достоинства человечества по своей природе с правом на существование в планетарном масштабе.

Заключение

Обращение к некоторым вопросам философского латиноамериканского взгляда на утопию доказывает следующее. Утопия для современного человека есть не столько то, что оно «место, которого нет» в реальном пространстве, сколько то, что оно есть как идеально воображаемое в человеческом сознании, образ, нашедший выражение в литературно-философских и фантазмагорических жанрах, имеющих целевую установку на преобразование человеческой жизни, органически связанной с социумом. Утопия указывает на идеально желаемое, как должно быть, и этим функциональным значением движет мысль, деятельность.

Характер труда и деятельности исторически меняются, когда человечество находится в межчеловеческих сложных отношениях, связанных с природными и социальными преобразованиями. Антиутопические взгляды, обусловленные разочарованием, рационально-критической оценкой социальной действительности имеют право быть и требуют серьезного внимания, поскольку и они выполняют ту же потенциально прогностическую и регулирующую функцию, что и утопия. В условиях трансформации цивилизации нового типа утопия и антиутопия выступают как антропосоциоэкологическая ценность.

Антропосоциоэкологический подход, на наш взгляд, присутствует в идеально-образных утопиях, или в отстраненных антиутопиях. Как мы полагаем, тенденция к созданию новых утопий или антиутопий связана со страхом перед быстро развивающимися био- и нано- технологиями с возможной трансформацией человеческого тела и психики, всего образа жизни, а также мощных миграционных перемещениях, противостояния толерантности и нетерпимости «инаковости». В дальнейших исследованиях по утопии следует обратить внимание на эстетическое как чувственно-телесное посредством органов чувств восприятие мира, недооцененное европейским сознанием, склонным к рациональной эпистемологии, на значимость утопии в межчеловеческом отношении. Симпатии и антипатии чувственного и рационального уровней во многом определяют построение новых философских моделей, которые оперируют междисциплинарными взаимодействиями и требуют высшей ступени трансдисциплинарного мышления, что осуществляется в утопиях.

Некоторый опыт исследования латиноамериканской утопии еще раз подчеркивает двойственность утопии в функциональном значении, которая определяется как критическим взглядом на действительность, так и желаемой перспективой будущего, из-за неудовлетворенности социально устроенной жизни на данном этапе. Качество человеческого существования оценивается с точки зрения этико-эстетического восприятия гармонии и совершенства, морально должного, мерой свободы в творческом созидании, эмоционально и психологически переживаемого межкультурного взаимодействия. Само свободное создание в воображении идеальной утопической модели требует нравственной ответственности перед природой, обществом, человеческой жизнестойкостью и безопасностью. Латиноамериканские утопии как образы «места, которого нет» с позиции Ф. Аинсы полны жизнеутверждающей перспективы. Критическая оценка коммерциализации многих жизненных явлений в настоящее время с позиции Йоханки Леон дель Рио находит объяснение антиутопиям как месту, которое есть теперь и сейчас.

Утопия на современном этапе развития в свете стремления мира к гармоничному и безопасному существованию предстает идеальной моделью межчеловеческих отношений, направленных на регуляцию всех уровней социокультурного человеческого бытия

(микро – общественности и общества; макро – государства, страны; мегауровень – глобальные межчеловеческие взаимодействия в условиях новой цифровой и непредсказуемой цивилизации).

Резюмируя, скажем, что в некоторых философских взглядах Латинской Америки на значение образа утопии, а также антиутопии, обнаруживается сопричастность разных моделей в продуктивном движении философской мысли, направленной к новой социально-политической реальности, отстаивая гуманизм, суверенитет, человеческую жизнестойкость. Мы видим устремленность в новую непредсказуемую реальность, когда утопия и антиутопия в новейших фантазмагориях символически выражают тенденцию внутреннего стремления к лучшему качеству жизни в условиях новых межчеловеческих отношений на разных уровнях: всечеловеческом, континентальном, социально-политическом, национально-государственном, национально-этническом, индивидуальном. Символическая необходимость утопии является фактором социального человеческого бытия и выражает стремление к гармонической упорядоченности межчеловеческих отношений в многополярном мире на основе индивидуального, национального, всечеловеческого и транснационального человеческого достоинства.

Литература

1. Аинса Ф. Реконструкция утопии. Эссе. /Перевод с французского Е. Гречаной, И. Стаф. – М.: «Наследие». – 1999. – 207 с.
2. Аинса Ф. Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке. Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки // Латинская Америка. – 2012. – № 8. – С. 77–88. – EDN: PBOANL.
3. Коломиец Г. Г. Национальное достоинство и утопия этического симбиоза // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 5 (193). – С. 31–35. – EDN: WCFHNZ.
4. Коломиец Г. Г., Ляшенко П. В. Чувственность в философско-антропологической концепции Маркса-антиутописта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2018. – Т. 22, № 4. – С. 434–445. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-434-445>.
5. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.
6. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – 408 с.
7. Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. – М.: Наука, 1978. – 368 с.
8. Ainsa F. (2016) Los senderos de la Utopía también se bifurcan. 45 años de viaje buscando llegar a alguna parte. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21. – No. 75, pp. 139–154. (In Spanish).
9. Coverley M. (2010) Utopia. Harpendon: Oldcastle Books, 160 p. (In Eng.).
10. Betto F. (1997) Vigencia de las Utopías en América Latina: Educación Popular, Pedagógica y Política. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. – No. 2. – pp. 57–68. (In Spanish).
11. Oviedo G. (2012) Acerca de «lo-no-necesariamente-imposible» y el «lugar» de su «no-lugar». La temporalidad abierta de la función antropológico-trascendental del discurso utópico en la filosofía de Arturo Andrés Roig. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 17. – No. 59. – pp. 27–48. (In Spanish).
12. Cruz G. (2017) Del socialismo indio al Reino de la Verdad y la Vida: utopías de Fausto Reinaga. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21, No. 75. – pp. 59–71. (In Spanish).

13. Gutierrez Girardot R. Prologo // La utopia de America. Biblioteca Ayacucho. – 1989. – 150 p.
14. Leon del Rio Y. (2002) Por que Utopia? // El Catoblepas. – No. 7. – URL: <https://nodulo.org/ec/2002/n007p05.htm#kn18>. (accessed: 04.05.2025).
15. León del Río Y. (2006) Historia y lógica del concepto de utopía. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 11. No. 34, pp. 55–78. (In Spanish).
16. Juan Pro (2022) Introduccion // Utopias Hispanas. Historia y antología. Granada, pp. 5–16.
17. Margis C. (2001) Utopia y desencanto. Barselona, 189 p.

References

1. Ainsa, F. (1999) *Rekonstruktsiya utopii. Esse* [Reconstruction of utopia. Essay]. M.: «Heritage», 207 p. (In Russ., transl. from French).
2. Ainsa, F. (2012) [Utopia: Alternative models and forms of cultural expression in Latin America. New foundations of utopia «from» and «for» Latin America]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. Vol. 8, pp. 77–88. (In Russ.).
3. Kolomiets, G. G. (2016) [National Dignity and the Utopia of Ethical Symbiosis]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 5 (193), pp. 31–35. (In Russ.).
4. Kolomiets, G. G., Lyashenko, P. V. (2018) [Sensuality in the Philosophical and Anthropological Concept of Marx the Anti-Utopian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 22, No. 4, pp. 434–445. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-434-445>. (In Russ.).
5. Lektorovsky, V. A. (2012) *Filosofiya, poznaniye, kul'tura* [Philosophy, Cognition, Culture]. M.: «Canon+» ROOI «Rehabilitation», 384 p.
6. Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. Saint Petersburg: SPbGUP, 408 p.
7. Shtekli, A. E. (1978) «Gorod Solntsa»: utopiya i nauka [«City of the Sun»: Utopia and Science]. M.: Science, 368 p.
8. Ainsa, F. (2016) Los senderos de la Utopía también se bifurcan. 45 años de viaje buscando llegar a alguna parte. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21. No. 75, pp. 139–154. (In Span.).
9. Coverley, M. (2010) Utopia. *Harpndon: Oldcastle Books*, 160 p. (In Eng.).
10. Betto, F. (1997) Vigencia de las Utopías en América Latina: Educación Popular, Pedagógica y Política. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 2, pp. 57–68. (In Span.).
11. Oviedo, G. (2012) Acerca de «lo-no-necesariamente-imposible» y el «lugar» de su «no-lugar». La temporalidad abierta de la función antropológico-trascendental del discurso utópico en la filosofía de Arturo Andrés Roig. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 17. No. 59, pp. 27–48. (In Span.).
12. Cruz, G. (2017) Del socialismo indio al Reino de la Verdad y la Vida: utopías de Fausto Reinaga. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 21. No. 75, pp. 59–71. (In Span.).
13. Gutierrez, Girardot R. (1989) Prologo. La utopia de America. *Biblioteca Ayacucho*, 150 p.
14. Leon, del Rio Y. (2002) Por que Utopia? El Catoblepas. No. 7. Available at: <https://nodulo.org/ec/2002/n007p05.htm#kn18>. (accessed: 04.05.2025).
15. León, del Río Y. (2006) Historia y lógica del concepto de utopía. *Utopía y Praxis Latinoamericana*. Vol. 11. No. 34, pp. 55–78. (In Span.).
16. Juan, Pro (2022) Introduccion. Utopias Hispanas. *Historia y antología*. Granada, pp. 5–16. (In Span.).
17. Margis, C. (2001) Utopia y desencanto. *Barselona*, 189 p.

Информация об авторах:

Галина Григорьевна Коломиец, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия

ORCID iD: 0000-0003-1027-9095; **Scopus Author ID:** 57223833920

e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Павел Васильевич Ляшенко, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и конституционного права, Оренбургский государственный университет, Россия

ORCID iD: 0009-0008-1981-588X

e-mail: lyashenkopavel@rambler.ru

Вклад соавторов:

Авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.06.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Galina Grigoryevna Kolomiets, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Russia

ORCID iD: 0000-0003-1027-9095; **Scopus Author ID:** 57223833920

e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Pavel Vasilyevich Lyashenko, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Constitutional Law, Orenburg State University, Russia

ORCID iD: 0009-0008-1981-588X

e-mail: lyashenkopavel@rambler.ru

Contribution of the authors:

The authors made an equal contribution to the concept, preparation and writing of the article.

The authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 15.06.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЛОВУШКИ ОТЧУЖДЁННОЙ ВОВЛЕЧЁННОСТИ И СПОСОБ ВЫХОДА ИЗ НИХ

М. А. Соколов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия
e-mail: maksim.sokolov.prof@yandex.com

Аннотация. Общая цель исследования – раскрыть потенциал философского осмысления насущных вызовов, которые ставит перед человеком цифровая реальность в наиболее существенных для человеческого бытия аспектах. Более конкретная цель – выявить те аспекты цифровой реальности, которые одновременно и несут угрозу расчеловечивания, и оставляют возможность инвертировать такое состояние, как с точки зрения теории, так и практики. Релевантность философской рефлексии обуславливается тем, что, с одной стороны, цифровой мир вовлекает в себя человека, обеспечивая извечно искомую человеком связность бытия, а с другой стороны, наоборот, препятствует деятельному синтезу идей и понятий, как в случае с клиповым мышлением. Амбивалентность подобного феномена побуждает использовать диалектический метод – следуя духу гегелевской логики – для исследования таких пар понятий как отчуждённость-вовлечённость, аутентичность-неаутентичность, связность-кенозис в контексте цифровых ситуаций. Инструментальным принципом работы является достижение органичного сочетания объектного фокусирования на феномены новейшей эпохи вкупе с методологической опорой на труды и мысли классиков, таких как Кант, Гегель и Хайдеггер. Статья, исходя из такого принципа, изначально отталкивается от четырёх кантовских вопросов философии в русле понятия связности и переходит к экзистенциальной трактовке связности как вовлечённости, чтобы точнее подобрать понятия для отражения сущностных вызовов цифровизации, учитывая баланс адекватности и всеобщности. Для этого исследуется релевантность философии Хайдеггера, его философско-этимологических, феноменологических установок и экзистенциалов в контексте цифровизации и предлагается диалектическое развитие его мысли в актуальных социально-исторических условиях. Конструируется понятие «отчуждённая вовлечённость» и анализируется его экспликативный потенциал в отношении цифровой реальности. Такой подход позволяет рассмотреть четыре вида взаимодействия «человек – цифровая среда» (социальные медиа, диалоговые системы ИИ, пересадка сознания, использование «больших данных») в качестве ловушек отчуждённой вовлечённости, трансформирующих познание, объяснение и понимание человеком мира и себя. Научная новизна работы состоит в том, что удалось подробно и полноценно диагностировать проблемные места цифровой эпохи с философско-понятийной точки зрения, опираясь при конструировании понятий на классические общепhilosophические методы и принципы, отражая и сохраняя неразрывность и преемственность философской мысли. Актуальность работы состоит в том, что предполагается решать проблемы цифровизации не путём отказа от её инфраструктуры, а путём более осмысленного и деятельного участия человека в конструировании цифровой реальности. Тем самым намечаются пути решения научно-философской проблемы асинхронности между технологическим прогрессом и гуманитарным развитием. В заключении предлагается разновидность гегелевского выхода из пути отчуждения на путь познания для человека 21-го века: выдвигаемая схема, отсылающая к новой формуле синтеза теории и практики в терминах общей семиотики, содержит предпосылки к практической реализации.

Ключевые слова: связность, отчуждённость, вовлечённость, цифровизация, искусственный интеллект, свобода, ловушки отчуждённой вовлечённости.

Для цитирования: Соколов М. А. Ловушки отчуждённой вовлечённости и способ выхода из них // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 123–132. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-123>.

TRAPS OF ALIENATED INVOLVEMENT AND A WAY OUT OF THEM

M. A. Sokolov

Samara National Research University, Samara, Russia

e-mail: maksim.sokolov.prof@yandex.com

Abstract. *The general aim of the research is to reveal the potential of philosophical reflection regarding urgent challenges posed by the digital reality in the most essential aspects of human existence. The specific target of the investigation is to identify those aspects of digital reality which simultaneously carry the threat of dehumanization and leave the possibility of inverting such a condition from a theoretical and a practical standpoint. The relevance of philosophical reflection is conditioned by the fact that, on the one hand, the digital world engages the human being, providing the coherence of existence that humans have always sought, and on the other hand, it prevents the active synthesis of ideas and concepts, as in the case of clip thinking. The ambivalence of such a phenomenon prompts us to use the dialectical method – following the spirit of Hegelian logic – to investigate such pairs of concepts as alienation-involvement, authenticity-unauthenticity, and coherence-kenosis in the context of digital situations. The instrumental principle of the work is to achieve an organic combination of an objective focus on the phenomena of the recent era together with a methodological reliance on the works and thoughts of classical scholars such as Kant, Hegel, and Heidegger. Based on this principle, the article initially builds on the four Kantian questions of philosophy in the context of the notion of connectedness and moves to an existential interpretation of connectedness as engagement in order to more precisely select concepts that reflect the essential challenges of digitalization, taking into account the balance of adequacy and universality. To this end, the relevance of Heidegger's philosophy, his philosophical-etymological, phenomenological attitudes and existentials in the context of digitalization are explored and a dialectical development of his thought is proposed for modern socio-historical conditions. The concept of «alienated engagement» is constructed and its explicative potential in relation to digital reality is analyzed. This approach allows us to consider four types of interaction between humans and their digital environment (social media, AI dialogue systems, consciousness transplantation, the use of «big data») as traps of alienated engagement, transforming human cognition as well as the human faculties of explanation and understanding the world and oneself. The scientific novelty of the work consists in the fact that it has become possible to comprehensively diagnose the problematic features of the digital age from the philosophical and conceptual point of view, relying in the construction of concepts upon classical and general philosophical methods and principles, reflecting and preserving the continuity and contiguity of philosophical thought. The relevance of the current work is related to the fact that the work does not suggest solving the problem of digitalization by abstaining from the use of digital infrastructure: the work offers a path for a more thoughtful and active engagement of human beings in constructing digital reality. Such a suggestion delineates ways of overcoming the philosophical and scientific problem of asynchronicity between technological progress and human development. In conclusion, we propose a type of Hegelian way out of the path of alienation onto the path of comprehension for the 21st century human being: the scheme that is put forward, referring to a new formula for the synthesis of theory and practice in terms of general semiotics, contains implications for practical realization.*

Key words: *connectivity, alienation, involvement, digitalization, artificial intelligence, freedom, traps of alienated involvement.*

Cite as: Sokolov, M. A. (2025) [Traps of alienated involvement and a way out of them]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 123–132. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-123>.

Введение

Если исключить принцип солипсизма и последовать Гуссерлю [9], предлагавшему вслед за Декартом сомневаться во всём, за исключением базовой интуиции о существовании мира и его, то три вопроса Канта [19, с. 36]: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?» – можно сформулировать как вопросы об *отношении* познающего,

этического и верующего «я» к миру. Но «я», в таком случае, не только трояким образом *связано* с миром, – оно и не подвергается полному кенозису, не расщепляется окончательно и бесповоротно на познающее, этическое и верующее «я», а *соединяется* воедино, если не для ответа, то для вопрошания «Что есть человек?» (четвёртый вопрос Канта [19, с. 36]). Из такой постановки вопроса следует, что исследование поня-

тия *связности* является ключом либо к ответам на поставленные вопросы, либо, по крайней мере, к проявлению их сути.

Методы исследования

Проводится анализ понятия связности в философско-этимологическом, диалектическом и феноменологическом ключе. Диалектический аспект связности раскрывается с помощью исследования динамики смыслов взаимообуславливающей пары понятий «отчуждённость-вовлечённость». Следуя гегелевскому принципу снятия (*Aufhebung*) и хайдеггеровскому противопоставлению аутентичности-неаутентичности бытия (*eigene-uneigene*), развёртывается трактовка актуальных социально-исторических условий как отчуждённой вовлечённости, содержащей, однако, потенцию к подлинной вовлечённости. Философско-этимологический аспект связности раскрывается в методологической установке Хайдеггера и его работы «О поэтах и поэзии. Гёльдерлин, Рильке, Тракль». Феноменологический аспект исследования опирается на принцип «Назад к самим вещам» Гуссерля и Хайдеггера, а также принцип единства феноменологии и герменевтики, изложенный в книге Хайдеггера «Бытие и время». Суть этого метода основывается на том, что истина сокрытия бытия для присутствия (*Dasein*) проявляется через прояснение структур сокрытия бытия как такового. Поиск свойств неаутентичного модуса присутствия направлен на то, как бытие как таковое трактует себя и проявляет (скрывает) себя в неаутентичных условиях: это создаёт условия для поворота (*Kehre*) в сторону аутентичности.

От связности к отчуждённой вовлечённости: путевая нить (*Leitfaden*)

Понятие *связности* и его роль в философии глубоко разработаны в таких работах А. В. Смирнова, как «Субстанциальная и процессуальная картина мира (к вопросу о типологии культур и картин мира)» [28] и «Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению» [29]. В статье [28] автор пишет, что «осмысливание неотторжимо от выявления связности, а связность напрямую соотносится с единством. Именно на основе этих двух понятий кристаллизуется <...> интуитивное постижение реальности». В главе «Размышление I.6 Связность и знак» Смирнов [29, с. 117] отмечает, что «человеческое сознание характеризуется прежде всего тем, что последовательно развивает, в дополнение к знаковой функции, способность к связности. Именно эта способность составляет характерное свойство человека».

Примечательно, что установка философии Смирнова развивает и раскрывает идеи Канта. Так, синтез

как форма связности играет у Канта ключевую роль [19; 17; 16]. Во-первых, сама возможность содержательной метафизики связывается им с возможностью синтетических априорных суждений [19, с. 92, 541]. Другим ключевым тезисом Канта является тезис о связности сознания в форме «трансцендентального единства апперцепции» [17, с. 163]. Часть III «Критики способности суждения» Канта [16, с. 19] озаглавлена так: «О критике способности суждения как средстве, связывающем две части философии в единое целое».

Отдавая должное потенциалу работ А. В. Смирнова в раскрытии понятия *связности как таковой*, необходимо дополнительно учесть специфический контекст нового мира цифровизации и экзистенциальных вызовов человечеству, которые несут в себе технологии искусственного интеллекта и новых типов сетевой коммуникации, развитие кибернетики третьего порядка [23], не существовавшие в парадигме немецкой классической философии. Своеобразным мостиком между классической парадигмой и новыми вызовами техники может служить экзистенциальный поворот в философии, отправной точкой которого можно считать философию К. Ясперса, Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера. Именно Хайдеггер уловил и адекватно описал угрозу технологизации для человека и нашёл её истоки в новоевропейской философии [30, с. 221–238, 26]. Если рассматривать связность именно в контексте экзистенциальной философии, то связь человека с миром можно обозначить таким тематическим термином как *вовлечённость*, подразумевая под ним вовлечённость человека в со-бытие с миром и её потенциальное раскрытие человеку в моменты рефлексии собственной вовлечённости. Хайдеггер оперирует такими экзистенциалами как присутствие (*Dasein*), озабоченность (*Die Sorge*), исследует *вброшенность* человека в окружающий его мир [3; 20]. В книге Хайдеггера, посвященной поэзии [31, с. 40], автор уделяет особое внимание поэтической интерпретации тянущей, *влекущей* силы тяготения в стихотворении Рильке: «Бытие, будучи риском, удерживает всё сущее в качестве рискованного/рискующего в этой взаимосвязи (*in diesem Bezug*). Однако эта середина (центр) влекуще-притягивающей связи (*des anziehendes Bezuges*) одновременно удаляется ото всего сущего)». Но почему, при всём многообразии обозначений экзистенциалов Хайдеггера, особенно актуально рассмотреть такую их интерпретацию как *вовлечённость*?

Хайдеггер, анализируя греческое понятие истины *ἀλήθεια* как несокрытости, отмечает, что истина никогда в полной мере не раскрывает себя, всегда оставляя некую загадку, некую сокрытость. Более того, он обнаруживает, что бурное развитие техники и мета-

физичность европейской философии имеют сходство в том, что вовлекают как «обычного человека», так и философа в ловушку сокрытости. Эту ловушку сокрытости он обозначил как «постав» (Gestell) [30, с. 11–13]. Вместо того, чтобы следовать пути, предлагаемому бытием, и тем самым позволить бытию приоткрыться человеку, человек возводит конечные преграды на этом пути и пытается удовлетвориться такими преградами. В философии возводимые таким образом преграды проявляют себя как метафизические системы, в науке – как научные картины мира, предпочитающие вычисление в противовес пониманию, а в повседневной жизни такие преграды являют себя товарами массового производства, вырождающими Dasein в Das Man. Однако отчуждённость человека от бытия в контексте отчуждённости потребителя от проживания жизни (Erleben), отчуждённости учёного от таинственности природы (вспомним формулу физиков-практиков «Заткнись и вычисляй!», англ. «Shut up and calculate!») [39] и отчуждения философов в их увлечённости построениями онтологических систем, призванных описать, а не раскрыть бытие, меркнут в сравнении с отчужденностью пользователя социальных медиа 21-го века, притянутого к своему смартфону в бесконечном просмотре бессмысленных роликов индустрии раз-влечений по типу сервиса TikTok [33]. Отчужденность во времена Хайдеггера не достигала ещё такой качественно новой глубины, которая требует поиска новых формулировок и трактовок для философского осмысления. Новая неведомая сила отчуждения, утягивающая подростков к себе и в себя как чёрная дыра (вспоминаем поэтику тяготения Рильке-Хайдеггера), может быть обозначена как *отчуждённая вовлечённость*. Новые медиа магнитом вовлекают человека в виртуальную реальность, отчуждая от реальной социальности. Каждый погруженный в смартфон возвращается в состояние атомарности, которое Гегель описывал как наивное состояние ребёнка или животного [6, с. 480].

Четыре проявления отчуждённой вовлечённости в цифровую эпоху

Наиболее ярко отчуждённая вовлечённость проявляется в так называемом «клиповом мышлении». Как пишет А. В. Ерахтин в статье «Гуманитаристика, философия и клиповое мышление» [12], «клиповое мышление работает по тем же принципам, что и видеоклипы, то есть человек воспринимает окружающую его действительность как последовательность никак не связанных между собой явлений. Индивид перестаёт воспринимать и усваивать большие и пространственные тексты, разрушается способность к целостному и системному осмыслению, выстраиванию при-

чинно-следственных связей». Клиповое мышление препятствует процессам познания и понимания, этического выбора и внеположенной субъекту духовной реальности, образ которой и формирует предмет надежды, поскольку во всех этих процессах необходимым условием является трансцендирование фрагментарности вот-бытия. Как утверждал Кант [17, с. 575], «если бы всякое представление было чуждо другим представлениям, как бы изолировано и обособлено от них, то в таком случае никогда не возникло бы ничего подобного знанию, так как знание есть целое подвергнутых сравнению и связанных между собой представлений...», см. также переход от вот-бытия к мере, сущности, понятию и духу у Гегеля [6]. Так, для понимания универсальной мощи закона природы, внеположенного отдельным фрагментам вот-бытия [35], мышлению необходимо выйти за пределы клипов (англ. clipped – обрезанный, обрубленный). Кроме того, чтобы *объяснить* законы природы, необходимо прибегать к суждению как *связи* субъекта и предиката и к силлогизмам, раскрывающим *связь* суждений, однако *атомарность* клипового мышления блокирует формирование связей. Познание же *духовного* есть понимание, которое, по Дильтею, разворачивается во времени и подразумевает раскрытие внутренней связности между прошлым и настоящим [11; 27]. Однако клиповому мышлению свойственна дискретность, бессмысленное перескакивание с темы на тему, с клипа на клип. Единственный «понимающий» в этом процессе – алгоритм выдачи клипов интерактивного медиа. Таким образом, понимание отчуждается от человека в пользу машины.

Вторая ловушка отчуждённой вовлечённости – это диалоговые системы искусственного интеллекта типа ChatGPT, способные по запросу пользователя написать реферат, статью или даже стихотворение, создать изображение или видео [15]. Экономический фактор фактически бесплатного труда машины заставляет всё большие человеческие сообщества, заточенные на производство нематериальных ценностей, полагаться на машины, отказываясь от труда людей. Таким образом, если раньше творческие способности отчуждались только у массового потребителя в его экзистенциале Das Man, но производились кастой творческой интеллигенции, сохранявшей некую причастность раскрытию бытия, то теперь и эта прослойка общества уничтожается, причём уничтожается техникой. Таким образом, *место* подлинного субъекта занимает машина, и тезис постмодернистов о смерти субъекта становится фактически истинным. Более того, если под одними из основных качеств субъектности понимать способность принимать решения и нести за них ответственность, то нейропедагог или

нейрочинивник, которым делегировали принятие решений, отчуждают ответственность от делегирующих и присваивают её себе, как бы *конструируя* собственную (машинную!) субъектность.

Третья ловушка отчуждённой вовлечённости – представление о возможности «пересадки сознания». Ещё Аристотель понимал душу и тело как две неотъемлемые части одной первой сущности [36], а на современном языке философии и психологии такому пониманию соответствует понятие «психофизическое единство» [34]. Аристотель приводит пример с рукой, отделённой от тела, как объектом, не являющимся уже по сути рукой [1, с. 188]. Таким образом, рука есть рука, когда она *чья-то*, принадлежит некоему психофизическому единству. С точки зрения Гегеля, одним из ответов на вопрос «Что есть человек?» является «Человек есть собственник», поскольку человек, взаимодействуя с миром, всё делает «своим» [6, с. 706, 7, с. 102–103]. Таким образом, человеку может быть пересажен орган другого человека, и он сделает его «своим» (если его не отвергнет иммунная система). Исходя из этого, само сознание невозможно пересадить, можно пересадить *что-то сознанию*. Однако, если человек как *Das Man* привык объективировать и отчуждать своё сознание, то неудивительно, что возникает ложное представление о возможности пересадки сознания подобно биооргану, хотя на деле, если что и будет пересажено – это то, что *уже насажено человеку* – некая отчуждённая форма *Das Man*.

Четвёртая ловушка отчуждённой вовлечённости – представление о том, что человека, его личность, личностные аспекты его деятельности можно свести к поведению, предсказать, определить с помощью «больших данных». С позиций гуманистической психологии объективные, численные параметры не могут определять душу человека¹. Однако такой тезис справедлив, только если отношение человека к миру описывается экзистенциалом *Dasein* в его подлинной, невырожденной форме, а не в форме *Das Man*. В ситуации подлинного отношения к бытию, как бы социум или язык ни сковывал человека (как пишет М. Гаспаров о языке, «что бы мы ни делали, о чем бы ни думали, к чему бы ни стремились – мы не вольны выйти из этого потока...» [4, с. 5]), человек всё же – существо *бесконечное*, как с точки зрения свободного речепорождения (как утверждает Хомский [38], несмотря на набор правил и ограничений), так и с точки зрения

бесконечной самореференции (бесконечная «зеркальность» самосознания, чистого для-себя-бытия у Гегеля [6, с. 138], эстетические рекурсии Канта [37]). Хайдеггер подчёркивал *конечность* человеческого бытия в форме бытия-к-смерти [30, с. 31, 32, с. 403], однако подобная конечность может быть *подлинной*, если её содержание совместно творится бытием и человеком через вовлечённость человека в бытие. «Метафизический порыв» духовно здорового, вопрошающего человека² стремится трансцендировать *неподлинную* конечность, навязываемую структурными условиями социума. Что означает «трансцендирование неподлинной конечности»? Для В. А. Конева это – утвердить себя [21]. В. П. Зинченко говорит о пределе такого утверждения как влияния личности на культуру в форме «памятников человеческого духа» [14, с. 20]. Отличный пример такого успеха – А. С. Пушкин, фактически создавший литературный русский язык, воздвигнув памятник себе «нерукотворный» [8]. Да, памятник как нечто завершённое, утверждённое – в определённом смысле конечен, но конечен подлинно, через жертву бытию культуры. Таким образом, именно человек как развитая личность определяет сам себя, или даже общество вокруг себя. Успешное определение сущностных аспектов души человека машиной или алгоритмами говорит только о глубоком отчуждении человека от самого себя, от идеалов собственного развития. Но в таком случае, согласно Зинченко [14], нет развития культуры, а значит, и нет предпосылок для того, чтобы кто-либо брал эстафету воздвижения памятников духа: культура и человек попадают в ловушку самовыворждения.

Итоги исследования и заключение о возможности выхода из ловушек отчуждённой вовлечённости

Каков возможный выход из описанных ловушек? Возвращаясь к понятию связности, рассмотренные ловушки отчуждённой вовлечённости можно трактовать как ловушки негативной, сковывающей человека связности. Подобную негативную связность в форме довления объективного духа над субъективным Гегель описывает в «Феноменологии духа» [5, с. 110] как «несчастное сознание». В «Науке Логики» [6, с. 532] этому состоянию духа соответствует довление причинной стороны сущности в виде необходимости до «самого трудного» этапа: перехода *от необходимости к свободе*. Этот самый сложный этап представлен в «развитии

¹ Абдурахманов Р. А. История психологии: идеи, концепции, направления: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – С. 133.

² Курашов В. И. Начала прагматической антропологии: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030100 – «Философия», специализация «Философская антропология». – 2-е изд., испр. – М.: Университет, 2007. – С. 24, 233–238. – EDN: QWQKPP.

понятия», т.е. в науке. Освобождением от оков негативной связности цифрового мира станут междисциплинарные исследования сущности этого нового мира, методов машинного обучения, принципов функционирования кибернетики третьего порядка. Изучив новый мир с позиций философии техники, теории управления, теории коммуникации и математической теории нейросетей, человек сможет сделать его «своим» (по Гегелю), а значит, и управлять им. Тогда не машины будут хозяевами человека, а человек будет использовать машины как инструменты для достижения собственных целей. Недаром Адам дал имена животным, и Бог повелел Адаму ими управлять [2, с. 5]. Та же логика, даже в большей степени, применима и по отношению к машинам: только так человек восстановит идеалы эпохи Возрождения в условиях нового цифрового мира. Подобная мысль содержится в недавно переведённом с фарси эссе Джалала Але-Ахмада: «*Чтобы контролировать машины, нужно их создавать. Предмет, созданный чужими руками, будь это хоть амулет или талисман от сглаза, несет в себе загадку, частицу пугающих и недоступных человеку миров. Он хранит в себе тайну<...> Так давайте же проявим любопытство, давайте немного повзрослеем, откроем талисман и узнаем его секрет*» [10, с. 100–103].

Предложенный рецепт перекликается с переключением внимания в философии техники с традиционно-философской рецептивной деятельности на деятельность проективную и вскрытием их различий и подобия. Как пишет А. Ю. Нестеров, исследуя эпистемологические и онтологические основания философии техники [24]: ««четвёртое царство» выполняет для проективной деятельности те же функции, что и «мир идей» Платона для традиционно исследуемой в истории философии рецептивной деятельности». Поскольку «что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно», а слова «деятельность», «деяние», «действие» однокоренные не только в русском языке (ср. act, activity, actuality в английском или wirken, Wirklichkeit в немецком), актуальная ситуация отчуждения как ловушка отчуждённой вовлечённости может пониматься и как сдвиг в рецептивную сторону от баланса и диалога рецептивности и проективности. Согласно Хайдеггеру, бытие и его «вес» даже в дефективном модусе присутствия не исчезает, а приобретает статус отчуждённой вовлечённости. Отдельно стоит отметить, что древнегреческое τέχνη может пониматься и как искусство, и как техника, и А. Ю. Нестеров неспроста развивает

понимание подобия между техникой и творчеством как в историко-философском, так и в современном ключе и в актуальном терминологическом аппарате, в том числе как форм проективного семиозиса [24; 25]. Дело в том, что Хайдеггер постоянно стремится подчеркнуть, что нельзя понимать его разведение аутентичности и неаутентичности присутствия как подготовку к некоему новому философскому проекту по успешному преодолению неаутентичности. Вместе с тем, знаменитое «новое начало» и «четверница» Хайдеггера как альтернатива новоевропейской метафизичности возникла после внимательного изучения им творческих актов Гёльдерлина: как пишет Николай Болдырев в послесловии к книге Хайдеггера о поэтах и поэзии [31, с. 138] «изучив внутреннее пространства Гёльдерлина, Хайдеггер делает открытия, после которых ты уже не можешь жить как прежде». Таким образом, проективный семиозис Гёльдерлина, сочетаясь с рецептивным семиозисом Хайдеггера и приводят к искомому «просвету бытия» (Lichtung). Это возвращает нас к социальности, со-бытию (Mitsein), только в своей аутентичности: следовательно, налицо необходимость союза проективных и рецептивных «семиотиков».

С философско-духовной точки зрения в этом отношении релевантны мысли князя С. Н. Трубецкого в изложении В. Зеньковского [13, с. 749] «как гласит известная и прославленная формула С. Трубецкого, мы во всех актах (теоретического и морального характера) «держим внутри себя собор со всеми», или, в изложении С. Левицкого [22, с. 221], «это вселенское сознание не носит характера высшей духовной индивидуальности. Оно носит форму «мы», а не «я». Иначе говоря, вселенское сознание соборно». С актуальной, научно-практической точки зрения необходимо отметить недавно прошедшую всероссийскую конференцию с международным участием «Свет и тени цифровой реальности: образ инженера 21-го века»³, одной из дискуссионных тем которой стала тема «Союз философов и инженеров в цифровую эпоху». Такие и подобные им назревающие формы деятельного синтеза могут способствовать выходу из ловушек отчуждённой вовлечённости, навязываемых цифровой эпохой: таким образом, homo faber сохранит человеческое в человеке, несмотря на актуальные вызовы человеческому со стороны машин.

Проведённое исследование очерчивает способы устранения дисгармонии между технологическим прогрессом и гуманитарным развитием человека, опираясь на общепризнанные философские понятия, такие как

³ Всероссийская конференция с международным участием // Свет и тени цифровой реальности. – URL: <https://lightandshadows.psu.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

связность, аутентичность, отчуждённость и вовлечённость и предлагая для изучения новое понятие: ловушки отчуждённой вовлечённости. Дальнейшие исследования могли бы обратить взгляд на другие формы проявления упомянутых ловушек, помимо четырёх форм, отражённых в статье. Вместе с тем, само сконструированное понятие может быть

уточнено и переформулировано, поскольку является в большей степени инструментом философского поиска, чем элементом новой онтологии. Продолжение философских поисков в этом направлении полностью согласуется с выводами статьи о живой творческой мысли как преодолевающей прокрустово ложе цифровых ловушек.

Литература

1. Аристотель *Метафизика* / перевод с древнегреческого Александра Кубицкого. – Санкт-Петербург: Азбука, 2020. – 413 с.
2. Библия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 1006 с.
3. Бурханов Р. А., Никулина О. В. Концепция экзистенциалов в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // *Манускрипт*. – 2018. – № 5 (91). – С. 65–68. – <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.14>. – EDN: XQYGXB.
4. Гаспаров Б. М. *Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования*. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.
5. Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа*. – М.: Наука, 2000 – 495 с.
6. Гегель Г. В. Ф. *Наука логики*. – Изд. 2-е, стер. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 799 с.
7. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
8. Гринбаум О. Н. Стихотворение А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» и его финальные строки в свете гармонии // *Philologia Classica*. – 2015. – Т. 10. – С. 284–302. – EDN: WDTCLR.
9. Гуссерль Э. *Картезианские медитации* / пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2010. – 229 с.
10. Джалал А.-А. *Гарбзадеги* / Пер. А. Андрюшкина. М.: Ad Marginem, 2024. – 228 с.
11. Дильтей В. *Собрание сочинений*: В 6 т. / под общ. ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуал. кн., 2000. – Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. Т. 3 / пер. с нем. под ред. В. А. Куренного. – 2004. – 418 с.
12. Ерахтин А. В. *Гуманитаристика, философия и клиповое мышление* // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2019. – № 2 (19). – С. 35–41. – EDN: IEGDUJ.
13. Зеньковский В. *История русской философии*. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
14. Зинченко В. П. *Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили: к началам органической психологии*. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 445 с.
15. Имамов М. М. Использование ChatGPT в экономике // *Дискуссия*. – 2023. – № 4 (119). – С. 62–72. – <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2023-4-119-62-72>. – EDN: VNAYQH.
16. Кант И. *Критика способности суждения* / перевод с немецкого Николая Соколова. – Санкт-Петербург: Азбука, сор. 2019. – 444 с.
17. Кант И. *Критика чистого разума*. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 606 с.
18. Кант И. *Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука; Религия в пределах только разума; Логика. Пособие к лекциям*. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 549 с.
19. Кант И. *Иммануила Канта пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки* / Перевод [с нем.] В. С. Соловьева; [Примеч. О. Ю. Бойцовой]. – М.: Прогресс: VIA, 1993. – 236 с.
20. Качераускас Т. *Парадигма философской поэтики и герменевтико-феноменологическая философия* // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2004. – № 2 (39). – С. 122–126. – EDN: KHQLUP.
21. Конев В. А. *Размышление над одним из тезисов С. Н. Булгакова, инициированное идеей процессуальной логики* // *Философский журнал*. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 69–77. – <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-69-77>. – EDN: BHMCOТ.
22. Левицкий С. А. *Сочинения* / сост., послеслов. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Канон, 1995. [Т. 2]: *Очерки по истории русской философии. От истоков до XIX века, том первый*. – М.: Канон, 1996. – 494 с.
23. Лепский В. Е. *Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка* // *Философские науки*. – 2018. – № 10. – С. 7–36. – <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-7-36>. – EDN: YSAYZV.

24. Нестеров А. Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «Четвёртое царство» Ф. Дессауэра // *Онтология проектирования*. – 2016. – Т. 6, № 3 (21). – С. 377–389. – <https://doi.org/10.18287/2223-9537-2016-6-3-377-389>. – EDN: WMXBUB.
25. Нестеров А. Ю. Способы представления творчества и интуиции в теориях творчества П. К. Энгельмейера и Ф. Дессауэра // *Научно-исследовательские исследования*. – 2023. – № 4. – С. 110–123. – <https://doi.org/10.31249/scis/2023.04.07>. – EDN: OHGDWG.
26. Павленко А. Н. Мартин Хайдеггер: сущность современной техники // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. – 2003. – № 1. – С. 67–75. – EDN: ПУЗКТ.
27. Розин В. М. А. П. Огурцов о гуманитарно-антропологическом повороте // *Философская мысль*. – 2022. – № 5. – С. 22–30. – <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.5.38137>. – EDN: JENGTN.
28. Смирнов А. Субстанциальная и процессуальная картина мира (к вопросу о типологии культур и картин мира) // *Философская антропология*. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 62–81. – EDN: VSFIWZ.
29. Смирнов А. В. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. – М.: ЯСК, 2021. – 445 с.
30. Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библина*. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
31. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии. Гёльдерлин, Рильке, Трагль / составление, перевод с немецкого Николая Болдырева. – М.: Водолей, 2017. – 238 с.
32. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: мир – конечность – одиночество / пер. с нем. В. В. Библина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2013. – 590 с.
33. Цуканов Е. А. Мир, расколотый надвое: по ком звонит колокол виртуального? // *Наука. Искусство. Культура*. – 2021. – № 2 (30). – С. 161–167. – EDN: BNMVYZ.
34. Шадриков В. Д. О психологических конструктах и последовательности их изучения при подготовке психологов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т. 1, № 3. – С. 37–43. – EDN: QJEMLN.
35. Шафоростов А. И. История фундаментальных идей: детерминизм // *Известия Лаборатории древних технологий*. – 2023. – Т. 19, № 2 (47). – С. 91–102. – <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-91-102>. – EDN: HCGAIR.
36. Шилкина И. С. Учение о душе в рамках философско-психологических воззрений Аристотеля // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. – 2014. – Т. 20, № 1. – С. 61–64. – EDN: RZIYYL.
37. Bertinetto A., et al. (2020) Kant's Concept of Power of Judgment and the Logic of Artistic Improvisation // *Kant's Aesthetics in XX. Century*, Berlin and New York: De Gruyter. – pp. 315–337.
38. Chomsky N. (1981) On cognitive capacity. In *The Language and Thought Series*. – Harvard University Press, 1981. – pp. 305–323.
39. Johansson A. et al. (2018) «Shut up and calculate»: The available discursive positions in quantum physics courses. *Cultural Studies of Science Education*. – Vol. 13. – pp. 205–226. (In Eng.).

References

1. Aristotle (2020) *Metafizika* [Metaphysics] (A. Kubitskiy, Trans.). Alphabet, 413 p.
2. Bibliya [The Bible] (2009) OLMA Media Grupp, 1006 p. (In Russ.).
3. Burkhanov, R. A., Nikulina, O. V. (2018) [The concept of existential in Martin Heidegger's fundamental ontology]. *Manuskript* [Manuscript]. No. 5(91), pp. 65–68. – <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-5.14>. (In Russ.).
4. Gasparov, B. M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yaz. sushchestvovaniya* [Language, memory, image: Linguistics of lang. existence]. New literature review, 351 p.
5. Hegel, G. W. F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Science, 495 p.
6. Hegel, G. W. F. (2005) *Nauka logiki = Wissenschaft der logik* [Science of logic]. Science, 799 p. (In Russ.).
7. Hegel, G. W. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of right]. Thought, 524 p. (In Russ., transl. from German).
8. Greenbaum, O. N. (2015) [A.S. Pushkin's poem «I erected a monument to myself not made by hands» and its final lines in the light of harmony]. *Philologia Classica* [Philologia Classica]. Vol. 10, pp. 284–302. (In Russ.).
9. Husserl, E. (2010) *Kartezianskiye meditatsii* [Cartesian meditations]. M.: Academic Project, 229 p. (In Russ., transl. from German).
10. Dzhahal, Ale-Akhmada (2024) *Garbzadegi* [Westoxification]. Ad Marginem, 228 p. (In Russ.).
11. Dilthey, W. (2004) *Postroyeniye istoricheskogo mira v nauках o dukhe* [Construction of the historical world

in the human sciences] M.: House of Intellectual Books, 2. Vol. 3: Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit. Vol. 3, edited by V. A. Kurenny, 418 p. (In Russ., transl. from German).

12. Erakhtin, A. V. (2019) [Humanities, philosophy and clip thinking]. *Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities]. Vol. 2 (19), pp. 35–41. (In Russ.).

13. Zenkovsky, V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. M.: Academic Project, Antiquity, 880 p. (In Russ.).

14. Zinchenko, V. P. (2014) *Posokh Osipa Mandel'shtama i Trubka Mamardashvili* [Osip Mandelstam's staff and Mamardashvili's pipe: Towards the origins of organic psychology]. Direkt-Media, 445 p. (In Russ.).

15. Imamov, M. M. (2023) [Using ChatGPT in the economy]. *Diskussiya* [Discussion]. Vol. 4 (119), pp. 62–72. – <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2023-4-119-62-72>. (In Russ.).

16. Kant, I. (2019) *Kritika sposobnosti suzheniya* [Critique of judgment]. St. Petersburg: Aphabet, 444 p. (In Russ., transl. from German).

17. Kant, I. (2008) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Science, 606 p.

18. Kant, I. (2006) *Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafiziki, mogushchey poyavit'sya kak nauka = Prolegomena zu einer jeden künftigen metaphysik, die als wissenschaft wird auftreten können ; Religiya v predelakh tol'ko razuma = Die Religion innerhalb der grenzen der blossen vernunft ; Logika. Posobiye k lektsiyam = Logik. Ein handbuch zu vorlesungen* [Prolegomena to any future metaphysics that may appear as a science; Religion within the Limits of Reason Alone; Logic: A manual for lectures]. Science, 549 p. (In Russ.).

19. Kant, I. (1993) *Immanuila Kanta prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, mogushchey vozniknut' v smysle nauki* [Immanuel Kant's Prolegomena to any future metaphysics that may emerge in the sense of science]. M.: Progress: VIA, 236 p. (In Russ., transl. from German).

20. Kacherauskas, T. (2004) [Paradigm of philosophical poetics and hermeneutic-phenomenological philosophy]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. Vol. 2 (39), pp. 122–126. (In Russ.).

21. Konev, V. A. (2022) [Reflection on one of S.N. Bulgakov's theses initiated by the idea of process logic]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal]. Vol. 15, No. 4, pp. 69–77. – <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2022-15-4-69-77>. (In Russ.).

22. Levitsky, S. A. (1996) *Ocherki po istorii russkoy filosofii. Ot istokov do XIX veka, tom pervyy* [Essays on the history of Russian philosophy. From its origins to the 19th century, Volume One]. M.: Kanon, 494 p.

23. Lepskiy, V. E. (2018) [Philosophical and methodological foundations of the formation of third-order cybernetics]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. Vol. 10, pp. 7–36. – <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-7-36>. (In Russ.).

24. Nesterov, A. Yu. (2016) [Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology: F. Dessauer's «Fourth Kingdom»]. *Ontologiya Proektirovaniya* [Ontology of Design]. Vol. 6, No. 3 (21), pp. 377–389. – <https://doi.org/10.18287/2223-9537-2016-6-3-377-389>. (In Russ.).

25. Nesterov, A. Yu. (2023) [Ways of representing creativity and intuition in the theories of creativity of P.K. Engelmeier and F. Dessauer]. *Naukovedcheskie Issledovaniya* [Science Studies]. Vol. 4, pp. 110–123. – <https://doi.org/10.31249/scis/2023.04.07>. (In Russ.).

26. Pavlenko, A. N. (2003) [Martin Heidegger: The essence of modern technology]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 1, pp. 67–75. (In Russ.).

27. Rozin, V. M. (2022) [A. P. Ogurtsov on the humanitarian-anthropological turn]. *Filosofskaya Mysl'* [Philosophical Thought]. Vol. 5, pp. 22–30. – <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.5.38137>. (In Russ.).

28. Smirnov, A. (2015) [Substantia and processual worldview (on the question of the typology of cultures and worldviews)]. *Filosofskaya Antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Vol. 1, No. 1, pp. 62–81. (In Russ.).

29. Smirnov, A. V. (2021) *Logika smysla kak filosofiya soznaniya. Priglasenie k razmyshleniyu* [The logic of meaning as the philosophy of consciousness. Invitation to reflection]. M.: YASK, 445 p.

30. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow: Republic, 445 p.

31. Heidegger, M. (2017) *O poetah i poezii. Gyol'derlin, Ril'ke, Trakl'* [On poets and poetry. Hölderlin, Rilke, Trakl]. Moscow: Water-carrier, 238 p.

32. Heidegger, M. (2013) *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic concepts of metaphysics]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 590 p. (In Russ., transl. from German).

33. Tsukanov, E. A. (2021) [A world split in two: for whom does the virtual bell toll?]. *Nauka. Iskustvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. Vol. 2 (30), pp. 161–167. (In Russ.).

34. Shadrikov, V. D. (2004) [On psychological constructs and the sequence of their study in the training of

psychologists]. *Psikhologiya. Zhurnal VShE* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 1, No. 3, pp. 37–43. (In Russ.).

35. Shaforostov, A. I. (2023) [History of fundamental ideas: determinism]. *Izvestiya Laboratorii Drevnikh Tekhnologii* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. Vol. 19, No. 2 (47), pp. 91–102. – <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2023-2-91-102>. (In Russ.).

36. Shilkina, I. S. (2014) [The doctrine of the soul in the framework of the philosophical and psychological views of Aristotle]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 20, No. 1, pp. 61–64. (In Russ.).

37. Bertinetto, A., et al. (2020) Kant's concept of power of judgment and the logic of artistic improvisation. In Kant's Aesthetics in XX. Century. *De Gruyter*, pp. 315–337. (In Eng.).

38. Chomsky, N. (1981) On cognitive capacity. In The Language and Thought Series. *Harvard University Press*, pp. 305–323. (In Eng.).

39. Johansson, A., et al. (2018) «Shut up and calculate»: The available discursive positions in quantum physics courses. *Cultural Studies of Science Education*, Vol. 13, pp. 205–226. (In Eng.).

Информация об авторе:

Максим Алексеевич Соколов, аспирант, научная специальность 5.7.1 Онтология и теория познания, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

ORCID ID: 0009-0002-1113-0495

e-mail: maksim.sokolov.prof@yandex.com

Статья поступила в редакцию: 09.04.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Maksim Alekseevich Sokolov, postgraduate student, scientific specialty 5.7.1 Ontology and Theory of Knowledge, Samara National Research University, Samara, Russia

ORCID ID: 0009-0002-1113-0495

e-mail: maksim.sokolov.prof@yandex.com

The paper was submitted: 09.04.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья
УДК 141.1 (141.12)

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-133>

О МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ НАТУРАЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ СОЗНАНИЯ

Е. В. Ускова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: uskova80@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены онтологические основания натурализма по отношению к сознанию и сделана попытка выяснения отношений между натурализмом и метафизикой. Онтология понимается как учение о бытии, а метафизика – как исследование за пределами опытных оснований. Возможна ли «натурализация» метафизики и включение сознания в онтологическую картину мира так, чтобы это соответствовало научным стандартам, вот в чём вопрос. Натурализм – это самая естественная и распространённая, но не лишённая противоречий философская позиция. Она исходит из приоритета научного знания, в то время как критерии научности часто оказываются неопределёнными; провозглашает редукцию основным принципом, следование которому может лишить предмет исследования его специфики; часто отрицает значимость онтологических оснований при решении гносеологических вопросов. Натурализм по отношению к сознанию имеет ряд очевидных преимуществ: опора на науку и объяснение сознания только как естественного явления; применение строгих научных методов при исследовании сознания; рассмотрение мозга как источника и причины сознания. Отмечаются следующие трудности, с которыми сталкиваются натуралистические теории сознания: проблема «квалиа» и феноменальных аспектов сознательного опыта; провал в объяснении «сознание-тело» (сознание-мозг); проблема с локализацией сознания; единство «Я» как носителя сознания; онтологический статус сознания. Также ставится вопрос о статусе философии в натуралистическом изучении мира в целом и сознания как его части. Философия претендует на роль переводчика с одного языка на другой и пробует выстроить единую картину мира, поочерёдно используя в качестве основных термины физики, логики, биологии. Метафизические претензии философии рассматриваются как онтологический и гносеологический реализм, в то время как противоположная позиция – это релятивизм или плюрализм. Натурализм применительно к теориям сознания понимается как исследовательская позиция, свободная от метафизики.

Ключевые слова: философия сознания, метафизика сознания, онтологический статус сознания, натурализм, физикализм, редукционизм.

Для цитирования: Ускова Е. В. О метафизических основаниях натурализма в отношении сознания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 5. – С. 133–141. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-133>.

Original article

ON THE METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF NATURALISM IN RELATION TO CONSCIOUSNESS

E. V. Uskova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: uskova80@mail.ru

Abstract. The article examines the ontological foundations of naturalism in relation to consciousness and attempts to clarify the relationship between naturalism and metaphysics. Ontology is understood as the doctrine of being, and metaphysics as research beyond empirical foundations. Is it possible to “naturalize” metaphysics and include consciousness in the ontological picture of the world in a way that would correspond to scientific standards? That is the question. Naturalism is the most natural and widespread, but not without contradictions, philosophical position. It proceeds from the priority of scientific knowledge, while the criteria of scientificity often turn out to be vague; proclaims reduction as the main principle, adherence to which can deprive the subject of research of its specificity;

often denies the significance of ontological foundations in solving epistemological issues. Naturalism in relation to consciousness has a number of obvious advantages: reliance on science and explanation of consciousness only as a natural phenomenon; application of strict scientific methods in the study of consciousness; consideration of the brain as the source and cause of consciousness. The following difficulties encountered by naturalistic theories of consciousness are noted: the problem of «qualia» and phenomenal aspects of conscious experience; failure to explain «consciousness-body» (consciousness-brain); the problem of localization of consciousness; the unity of the «I» as a bearer of consciousness; the ontological status of consciousness. The question of the status of philosophy in the naturalistic study of the world as a whole and consciousness as a part of it is also raised. Philosophy claims to be a translator from one language to another and tries to build a unified picture of the world, alternately using physics, logic, and biology as basic terms. The metaphysical claims of philosophy are considered ontological and epistemological realism, while the opposite position is relativism or pluralism. Naturalism as applied to theories of consciousness is understood as a research position free from metaphysics.

Key words: *philosophy of consciousness, metaphysics of consciousness, ontological status of consciousness, naturalism, physicalism, reductionism.*

Cite as: Uskova, E. V. (2025) [On the metaphysical foundations of naturalism in relation to consciousness]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 133–141. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-5-133>.

Введение

В данной статье мы рассмотрим натурализм как подход к описанию явлений и интересов нас будут как основания самого натурализма, так и те выводы, к которым мы можем прийти, применяя натуралистический подход к объяснению сознания. Мы обозначим ключевые особенности натурализма и покажем, какими объяснительными возможностями обладает данный подход, а также укажем на те ограничения, которые очевидно возникают у любой натуралистической теории сознания.

Натуралистический подход к описанию мира исходит из безусловного материалистического видения мира: мир материален в своей основе и не существует ничего сверхъестественного, сверхчувственного. Таким образом, всё происходящее в мире может и должно быть объяснено силой разума человека, вооружённого проверенными и доказавшими свою эффективность научными методами. Натурализм – это изучение видимого мира силами науки (а то, что невидимо или недоступно нам для изучения на данный момент станет таковым, когда наука достигнет соответствующей степени развития, либо вообще не может и не должно быть предметом науки).

Онтология понимается нами как учение о бытии, а метафизика как часть философии, занимающаяся вопросами, лежащими за пределами опытного знания, в духе И. Канта. При этом мы можем трактовать онтологию как часть метафизического знания о мире, а можем исключать её из области метафизики, получая «неметафизическую онтологию». Именно такой вариант соотношения онтологии и метафизики характерен для натурализма: попытка занять нейтральную позицию по отношению к метафизическим проблемам и выстроить научную онтологию, в которой со-

знание рассматривается как естественный феномен. Действительно ли натуралистическим теориям сознания удаётся избежать метафизической проблематики, мы и попробуем разобраться.

Натурализм как философская позиция

Натурализм выступает как заглавие для определённой философской позиции по отношению к сознанию, но суть этой позиции видится отдельным философам по-разному. В частности, интересный взгляд на историю натурализма как явления культуры, а не только философии, мы находим в статье У. Селларса «Появление натурализма» [17]. Каждая из натуралистических концепций по отношению к сознанию имеет как свои внутренние логические несогласованности, так и в целом натурализм представляет собой достаточно противоречивое явление.

Одни авторы полагают, что объяснительные возможности натурализма напрямую связаны с тем, что он собой представляет. Если мы понимаем натурализм как некий тезис, то его практически невозможно защищать в силу логической неопределённости составляющих его терминов и проблематичных следствий, которые из него вытекают. Более выигрышной позицией в этом смысле будет рассмотрение натурализма как «исследовательской программы», что позволяет сделать положения такой позиции менее чёткими и в целом не претендующими на чрезмерную научную строгость. «Исследовательская программа – это набор методологических диспозиций, диспозиций, которые принимают определённого вида аргументы или убеждения в качестве источников очевидного знания. С моей точки зрения, натурализм – это разделяемая многими исследовательская программа, подмножество максимального набора методологи-

ческих диспозиций, которая рассматривает методы науки и только их в качестве основных источников очевидного знания» [16, с. 107]. Однако, как отмечает автор, данная позиция также не является логически непротиворечивой. Таким образом, вопрос об успешности натурализма, поставленный автором в заглавии своей статьи, решается скорее отрицательно, т. е. натурализм не может рассматриваться как логически непротиворечивая позиция сама по себе, а значит она не может быть применена нами для объяснения чего-либо (например, сознания).

В целом многие авторы также сходятся в том, что возможно выделить три направления в натурализме: онтологический – пытающийся ответить на вопрос о сущности и природе сознания как такового, эпистемологический – рассматривающий сознание с точки зрения возможности его познания, и методологический натурализм – предлагающий конкретные методы и пути его осмысленного изучения. Например, Д. Папино в статье «Натурализм» в «Стенфордской энциклопедии философии» пишет: «...натурализм интуитивно может быть разделён по своему содержанию на онтологический и методологический. Онтологический натурализм связан с содержанием реальности, утверждая, что в реальности нет места для «сверхъестественного» или иного рода «жутких и загадочных» вещей. Напротив, методологический натурализм связан с теми способами, которыми мы исследуем реальность, и выступает за неоспоримый авторитет научного метода» [13].

Натурализм – это философская позиция, которая мыслится как во всём следующая за науками и разделяющая их истины. Конечно же, это объясняется прежде всего историческими причинами, а именно «логическим позитивизмом», который был обозначен его основателями (Р. Карнапом и У. Куайном) как проект, направленный против метафизики в философии, отстаивающий идею логической непротиворечивости и ясности. (См. P.M.S. Hacker: *Passing by the Naturalistic Turn: On Quine's Cul-De-Sac// How Successful is Naturalism?* Georg Gasser (Ed.), 2007 о том, как формировались идеи логического позитивизма в Венском кружке [12]).

Например, У. Куайн так и пишет: «...реальность должна быть идентифицирована и описана самой наукой, а не предшествующей ей философией» [15, р. 21]. Основная задача, которая тогда остаётся за философией – это анализ и прояснение. Этот философский проект имеет уже более чем вековую историю. Сложности, с которыми сталкивается данное представление об идеях и задачах философского исследования, могут быть раскрыты при анализе предпосылок и следствий этой философской позиции.

О них, в частности пишет Юлина Н. С. в своей статье «Антитеза натурализма и формализма: вчера и сегодня». Речь идёт о том, что вне зависимости от конкретной ориентации того или иного философа в XXI веке особенно остро встаёт вопрос о границах и специфике философского знания как такового [6, С. 129]. Если трансцендентализм и проект философии как метафизики в целом себя исчерпал, то необходимо определить, так сказать «цель» и «смысл» существования философии вообще. И особенно это актуально для натуралистической философии сознания, поскольку именно научный подход к изучению сознания лежит в её основе. Когнитивные науки действительно делают впечатляющие успехи на пути изучения сознания и вряд ли философия сознания может сделать больше, чем науки сами по себе. Единственное, на что всегда несомненно претендовала и, как нам представляется, по-прежнему, претендует философия – это обобщение и построение некоторой метатеории, целостного взгляда на сознание.

Натуралистический взгляд на сознание

Он имеет очевидные преимущества, но и сталкивается с рядом затруднений.

Для начала обозначим те преимущества, которыми обладают натуралистические теории сознания.

1. Опора на науку и объяснение сознания только как естественного явления.
2. Применение строгих научных методов для изучения сознания.
3. Рассмотрение мозга как источника и причины сознания.

Ограничения натуралистических теорий сознания:

1. Проблема «квалиа» и феноменальных аспектов сознательного опыта. Это то, что пока не может быть описано методами науки, а значит не может быть объяснено. Это и есть та область в исследовании сознания, которая пока всецело принадлежит философии и психологии. Её натуралистическое описание представляет очевидную трудность: каждый из нас имеет непосредственный доступ к своему сознанию, но это невозможно сделать никому другому, а значит и научное изучение качественной окраски сознательного опыта также пока только желаемо. *Наличие сознания как явления, но отсутствие объекта для изучения, а именно сложность пространственной локализации сознания в мозге, а вернее отсутствие конкретного участка мозга, «порождающего» сознание. Сознание в этом смысле понимается как результат работы мозга как системы нейронов, но нет центра, руководящего работой сознания. Ещё не обнаружены «ферменты», отвечающие за выработку сознания, за производство мыслей.*

2. Провал в объяснении «сознание-тело» (сознание-мозг). У нас есть явные достижения в исследовании мозга со стороны нейрофизиологии и каждый из нас может дать отчёт о том, что он осознаёт в тот или иной момент времени с большей или меньшей степенью ясности. Такого рода самоотчёты в рамках психологии называются интроспективными. Но пока не может быть перекинуто никакого мостика из области «внешней» (со стороны 3-го лица) к «внутренней» (со стороны 1-го лица).

3. Проблема с локализацией сознания: мы не знаем, где именно в мозге располагается сознание. Совершенно очевидно, что сознание пока невозможно без своей биологической основы, хотя некоторые функционалисты с этим и не согласны. Исследования мозга предположительно связывают появление мозга с теми его частями, которые возникли позднее в ходе эволюционного развития – префронтальные зоны коры головного мозга. С другой стороны, изучение пациентов с глубокими поражениями разных частей головного мозга показали, что его способности к регенерации и дублированию функций поразительны. То есть мы не можем говорить о строгой локализации отделов головного мозга и ещё не обнаружен тот центр, где находится сознание.

4. Единое «Я» как носитель сознания. Если нам не удаётся локализовать сознание внутри мозга, то тем более остаётся вопрос о том, почему все разрозненные внутренние и внешние впечатления, ощущения, воспоминания, намерения, желания и т. д. соединяются для каждого из нас в нечто целое и совершенно безошибочно приписываются «мне», становятся «моими» и характеризуют именно «меня»? Как именно сеть из огромного количества нейронов головного мозга генерирует эту целостность восприятия и появляется «Я» как центр сознания каждого мыслящего индивида?

5. Онтологический статус сознания. Если мы откладываем сознанию в этом статусе, то есть считаем, что сознания нет как отдельного объекта в мире, то возникают вопросы о его фиксации и изучении. Один из вариантов решения этого вопроса – это приписывание онтологического статуса мозгу и описание сознания как одного из свойств или функций мозга. При этом для его изучения мы можем использовать интроспекцию, феноменологию, рефлексию как таковую, учитывая их принципиальную субъективность.

Натуралистические теории сознания

При рассмотрении сознания натуралистическую позицию по отношению к нему занимают те философы и учёные, которые придерживаются монизма в его материалистическом варианте. Предполагается, что

сознание однозначно имеет причину своего существования в головном мозге, но по-разному видится суть этого причинного отношения. Представители теории тождества (Ю. Плэйс, Дж. С্মарт) [14; 18] полагают, что все процессы, происходящие в сознании, соответственно тождественны физическим процессам в мозге, различия лишь в их описании (См. описание теории тождества и других теорий сознания в аналитической философии: Крейн Т. А. «Краткая история философии сознания в XX веке» – [10]). Философы, придерживающиеся концепции дуализма свойств, также исходят из того, что есть единственный материальный субстрат – мозг, являющийся причиной сознания, при этом физиология мозга и сознание будут выступать в качестве разных свойств одного и того же органа. Биологический натурализм Дж. Сёрла также представляет собой материалистическую позицию по отношению к сознанию, автор полагает сознание естественным биологическим феноменом, появившимся в ходе эволюционного развития человеческого вида, однако он отдельно подчёркивает наличие феноменальных свойств сознания и невозможность их элиминации из нашего описания сознания [3]. Позиция физикализма (Х. Патнэм, ранний Д. Деннет), рассматривающая сознание как функцию мозга или иного (возможно и не только биологического) субстрата, также отвечает духу материализма и является натуралистической.

В предыдущей части нами были описаны преимущества и ограничения натуралистических теорий сознания. Рассмотрим, как их видят представители современной философии.

Например, по мнению уже упомянутых выше Г. Гассера и М. Стефана, которое они изложили в своей статье «Тяжёлое бремя доказательства в пользу биологического натурализма» [4], натурализм выступает в качестве некоторого набора программных стратегий понимания мира. Его центральная идея – это анализ мира исключительно научным способом. Только наука даёт истинное знание о реальности. Только наука обладает максимально точным знанием о нашем мире, его устройстве и каузальных взаимодействиях в нём. Вопросами о наиболее общих предельных основаниях нашего мира занимается конечно же онтология. Именно в рамках онтологии мы можем получить ответы на вопросы о том, то «реально», а что «нереально» в мире.

С точки зрения натурализма, именно методы естественных наук осуществляют гегемонию по отношению ко всем способам поиска истины, именно науки могут дать нам наиболее точную информацию о том, что существует. Таким образом, получается, что именно онтология зависит от того, что признаётся реальными самими науками. При поисках

ответа на вопрос о природе сознания представители конкретных научных дисциплин (нейрофизиологии, когнитивной психологии и других) обращаются к философии в попытках добыть некоторое общее представление о сознании. Но они не получают его, поскольку философия сама обращается к конкретным наукам за основными истинами и идеями по отношению к сознанию. Получается замкнутый исследовательский круг.

Ещё одной проблемой натурализма становится задача построения единой онтологии окружающего мира. Это общая трудность натуралистических теорий, которые касаются не только описания сознания. Каждая наука имеет собственный предмет исследования и занимается его изучением и объяснением на своём языке. При переходе с одного уровня описания к другому, с одного языка на другой возникают сложности. Каждая наука преуспела в описании своей части реальности, впечатляюще успехи математики, физики, химии, биологии и т.д. Но, когда мы пробуем объединить достижения разных наук и создать единую картину, нам необходим некоторый общий язык. Ранее предполагалось, что эти трудности могут быть преодолены с помощью языка физики, на котором могут быть описаны и химические, и биологические, и любые другие процессы. Но даже в рамках одной науки не всегда можно использовать одни и те же способы описания, поскольку речь может идти о разных связях и отношениях (в микромире и макромире – в физике; между органическими и неорганическими веществами в химии и т.д.). Вместе с тем оказывается, что в рамках современных научных представлений, учёные соглашались с наличием «разрывов» в переходе от описаний одной науки к другой, от микромира к макромиру, от неодушевлённой материи к одушевлённой. Все эти миры взаимопроникают друг в друга, но на каждом уровне действуют свои причинно-следственные связи и законы, их описывающие. Однако, как отмечают авторы, наличие такого «объяснительного разрыва» между физическим и ментальным не остаётся незамеченным и представляет из себя одну из центральных тем метафизики сознания [4, с. 168]). Каждая наука предлагает нам свой образ мира, каждая из них даёт нам описание своего уровня реальности, учитывая также разницу между миром природы и миром культуры, естественными и социальными науками. При описании конкретных явлений мы пользуемся достижениями той или иной науки, переходим с одного языка на другой. Но относительно сознания нас это не удовлетворяет, потому что явление сознания пока невозможно ухватить с помощью науки. Мы точно знаем, что оно есть, но как это доказать?

Чтобы миновать эти неизбежные онтологические противоречия, многие современные философы-натуралисты, как отмечают Г. Гассер и М. Стефан, «отказываются от исследования в области онтологии, считая их необязательными, т.к. натурализм должен быть нейтральной онтологической позицией» [11, с. 160]. Конечно, учёных как таковых, может совершенно не интересовать онтологическая проблематика, но философы не могут оставить её без внимания и не попытаться ответить на вопрос об онтологических основаниях натурализма. «Онтология – это не маргинальная, а центральная тема для натурализма», полагают они [11, с. 160].

Стратегия избегания самого разговора об онтологии сознания свойственна многим современным сторонникам натурализма. Один из таких вариантов натурализма предлагает Брандл Й. Л., называя его «скромным натурализмом». Он не претендует ни на какие метафизические выводы и обобщения, являясь метафизически нейтральным, претендует только на объяснение сознания как естественного феномена, появившегося у живых существ по ходу их развития. Данный натурализм базируется на следующем объяснительном принципе: «Всё знание об эмпирическом мире получается из естественных источников знания, то есть из источников, чьё функционирование может быть рационально объяснено» [9, с. 259].

Отметим также ещё одну трудность, с которой мы сталкиваемся при непосредственном рассмотрении натуралистической позиции по отношению к сознанию. Как полагает Г. Гассер и М. Стефан, мы приходим к логической невозможности отрицания следующих двух тезисов:

1. Редукционизма по отношению к сознанию, т.е. идеи сведения высшего (сознания) к низшему (мозгу).

2. Каузальной замкнутости физического, т.е. представления о том, что всё происходящее в мире имеет свои физические (естественные) причины и может быть объяснено исключительно с помощью законов физики.

Если мы утверждаем 1-е положение, но отрицаем 2-е или наоборот (утверждаем 2-е, но отрицаем 1-е), то это ведёт к логическому противоречию [11, с. 174]. То есть, по мнению авторов, теория сознания под названием «нередуктивный натурализм» – внутренне противоречива. Сама по себе попытка обоснования феноменальной природы сознания и желание учесть эту его характеристику несовместима с позицией редукционизма. Одновременно «спасти феномен» сознания, указав на его уникальную субъективную природу и качественные качества, с одной стороны, и объясняя его в терминах естественных наук, представляет-

ся непоследовательным. В этом смысле более последовательным кажется эпифеноменализм Д. Чалмерса, постулирующего сознание отдельным нефизическим свойством всего материального, которое должно быть не исключено из физического мира, а наоборот, включено в него. Однако в этом случае нам придётся пересмотреть всё наше представление о мире, сформулированное в рамках науки. В попытках избежать логических противоречий в теории сознания, мы приходим к идее пересмотра фундаментальных оснований всей научной картины мира, и онтологии как таковой, поскольку вынуждены постулировать сознание как самостоятельную онтологическую сущность, странным образом обладающую совершенно «невозможными» физическими качествами.

Натуралистические теории сознания и метафизика

О том, как связаны между собой темы метафизики и сознания, мы находим упоминание в программной статье Д. Иванова «Философия сознания». В ней он рассматривает изменения в предмете и методах, которые прошла философия на пути исследования сознания. В частности, он отмечает, что первоначально исследовательский проект по изучению сознания в рамках «логического позитивизма» исходил из отрицания метафизики, её изгнания. Однако те философы, которые стояли у истоков этого проекта, тем не менее имели некоторые общие представления об устройстве мира и отталкивались от них (а значит метафизика неявным образом присутствовала в их размышлениях). Постепенно это было осознано и самими представителями аналитической философии и некоторые из них стали отказываться от антиметафизических позиций. «Возможно, именно подобного рода размышления привели аналитических философов во второй половине XX века к отказу от антиметафизических установок, которых придерживались некоторые представители ранней аналитической философии, например, позитивисты» [2, с. 226].

О разнице в подходах к исследованию сознания также пишет Г. А. Золотков в статье «О возвращении к метафизике в аналитической философии сознания». Он, в частности, полагает, что «...так, первые крупные программы, рассматривавшие проблематику философии сознания, имели сильный аналитико-лингвистический характер. Однако к концу XX в. сильной становится тенденция к более метафизически ориентированным исследованиям» [1, с. 134]. Получается, что метафизическая проблематика не может быть изгнана из философского исследования просто через провозглашение «Конца метафизики» или запрета на «метафизические суждения» о мире.

Если мы говорим об исследовании сознания, то метафизический характер оно может приобретать, на наш взгляд, двумя способами.

Во-первых, ввиду проблематичности исключительно научного взгляда на сознание. Как мы выяснили, научное исследование качественной окраски наших ментальных состояний пока невозможно. Наши теории о том, что представляют из себя «квалиа» оказываются умозрительными, базируются на нашем внутреннем опыте и его экстраполяции на всё множество рациональных субъектов. Отсутствие твёрдой основы для объективного опыта является благодатной почвой для метафизики, как её видел И. Кант.

Во-вторых, претензии натурализма на универсальное описание мира и сознания, как его части. Здесь речь идёт об установке позитивизма, являющегося прямым предшественником натурализма, на изгнание метафизики и приоритет научного описания, логика провозглашается универсальным языком науки, отсюда и появление «научного позитивизма». Для философии отводится роль «прояснения» и обоснования научных идей и концепций, в том числе и по отношению к сознанию. Натурализм же выступает как более широкая позиция по отношению к «логическому позитивизму», которая выступает за научность, объективность и рациональность как основу для философского анализа, при этом логика остаётся тем «цементом», который скрепляет любые идеи, но больше не играет роль «фундамента» в построении здания философской теории сознания.

Относительно второго способа существования метафизики в натуралистических теориях сознания приведём соображения Юлиной Н. С., одного из авторитетных исследователей американской аналитической традиции. В своём исследовании «Проблема метафизики в американской философии XX века» она раскрывает позицию «научного материализма» (Дж. Сمارт, Р. Рорти, Х. Патнэм, Д. Армстронг, П. Фейерабенд и др.), который и является предшественником натурализма в его современном варианте. Оценивая это направление, она пишет «Действуя в русле старых метафизических традиций, они полагают («научные материалисты»), что только то, что является ясно очерченным, чётко определённым, имеет строгие критерии истинности и доказательности и т.д., можно принять в качестве образца «онтологически адекватного языка». Таким требованиям, по их мнению, отвечает наука. Соответственно языки всех остальных дисциплин в силу их «смутности», «нечёткости», неформальности объявляются феноменальными, «неподлинными» и обрекаются на исчезновение [7, с. 261]. В ориентации на науку в данном случае Юлина Н. С. не видит ничего зазорного, но проблема натуралистической традиции состоит в том, что

«...вместо анализа знания в его сложном переплетении с другими формами культуры, вместо анализа самой культуры как определённой законосообразной, органически связанной системы, они выбирают в качестве мерила один вид духовной культуры – науку, а все остальные отбрасывают как несовершенные» [7, с. 262].

Далее натурализм развивался и место языка физики как наиболее адекватного для описания мира, занимает биология [8, с. 213]. Идея эволюционного развития выходит на первый план и выступает в качестве объяснительного принципа, который среди прочего может быть применён и к сознанию.

Заключение

Итак, вернёмся к вопросу о метафизических корнях натурализма, если таковые имеются. Опора на метафизику как идею единственно верного универсального взгляда на мир в современной философии приобрела название «реализма». Это представление о том, что у нас есть доступ к реальности самой по себе и у нас есть точный язык для этого, речь об онтологическом и гносеологическом реализме. Если мы сомневаемся в том, что именно наука имеет как непосредственный доступ к реальному миру, так и единственная может давать нам его истинное описание, то тогда мы склоняемся к релятивизму.

Например, позиция онтологического реализ-

ма в сочетании с гносеологическим антиреализмом представляет собой отсутствие претензий на метафизическое описание мира и сознания, как его части. В рамках такого подхода к описанию явлений окружающего нас мира мы исходим из того, что научное видение оказывается приоритетным, но не единственным. Философия в этом случае может выступать в качестве дополнительного источника идей, помогает синтезировать и упорядочивать знания, накопленные людьми в самых разных областях культуры. Цель философии – включить сознание в единую картину мира, которая должна быть натуралистической.

Мы полагаем, что натурализм по отношению к сознанию в варианте «биологического натурализма» в современной философии сознания выступает как наиболее перспективная позиция. Это связано в том числе и с прорывом в биологии и нейробиологии, с развитием когнитивных наук. Отвергать те знания, которые добыты учёными, по меньшей мере неразумно. Стоит ли при этом отмахиваться от сознания, как призывают элиминативисты, или наоборот, сделать его феноменальную природу основной проблемой, как предлагает Д. Чалмерс – это остаётся дискуссионным вопросом. Плюралистический подход к описанию сознания с опорой на строгие научные результаты представляется нам наиболее перспективным как с точки зрения науки, так и с точки зрения философии.

Литература

1. Золотков Г. А. О возвращении к метафизике в аналитической философии сознания // Философские науки – 2018. – № 10 – С. 130–142. – <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-130-142>. – EDN: YSAZBZ.
2. Иванов Д. Философия сознания // Философская антропология – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 218–250. – <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-218-250>. – EDN: ZUZHSR.
3. Серл Д. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
4. Трансцендентальный поворот в современной философии (9): метафизика, эпистемология, теория сознания, когнитивистика и искусственный интеллект, теология: сборник тезисов 9-го международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 21–24 апреля 2022 г.) / Отв. ред. С. Л. Катречко, А. А. Шиян; Изд-во: РГГУ, 2024. – 162 с.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории = The Conscious Mind / пер. с англ. В. В. Васильева. – М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2013. – 512 с.
6. Юлина Н. С. Антитеза натурализма и формализма. Вчера и сегодня // Философские науки – 2012. – № 4. – С. 116–130. – EDN: OYCMVL.
7. Юлина Н. С. Проблема метафизики в американской философии XX века. Критический очерк эмпирико-позитивистских течений / АН СССР, Ин-т философии; [отв. ред. В. А. Лекторский]. – М.: Наука, 1978. – 296 с.
8. Юлина Н. С. Философский натурализм: о книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует» / РАН, Ин-т философии. – М.: Канон+, 2007. – 240 с.
9. Brandl J. (2007) The Unmysteriousness of Consciousness: A Case Study in Naturalistic Philosophy. in How Successful is Naturalism?. Ontos Verlag, Frankfurt, pp. 243–266. (In Eng.).
10. Crane T. (2018) A Short History of the Philosophy of Consciousness in the Twentieth Century. In Kind A. Philosophy of Mind in the Twentieth and Twenty-First Centuries: The History of the Philosophy of Mind, Vol. 6, pp. 78–103. (In Eng.).
11. Gasser G. & Stefan M. (2007) The Heavy Burden of Proof for Ontological Naturalism. In How Successful is Naturalism? Ontos Verlag, Frankfurt, pp. 159–182. (In Eng.).

12. Hacker P. M. S. (2007) Passing by the Naturalistic Turn: On Quine's Cul-De-Sac In How Successful is Naturalism? Ontos Verlag, Frankfurt, pp. 143–158. (In Eng.).
13. Papineau, D. «Naturalism», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/naturalism/>. (eccessed: 15.02.2025) (In Eng.).
14. Place U. T. (1956) Is Consciousness a Brain Process? British Journal of Psychology. Vol. 47, No. 1, pp. 44–50. (In Eng.).
15. Quine W. V. O. (1981) Things and their Place in Theories // Theories and Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 216 p. (In Eng.).
16. Rea M. C. (2007) How Successful Is Naturalism? In Gasser G. How Successful is Naturalism? Ontos Verlag, Frankfurt, pp. 105–116. (In Eng.).
17. Sellars R. W. (1924) The Emergence of Naturalism. The International Journal of Ethics, Vol. XXXIV. No. 4, pp. 309–338. (In Eng.).
18. Smart J. J. C. (1959) Sensations and Brain Processes. Philosophical Review. Vol. 68, No. 2, pp. 141–156. (In Eng.).

References

1. Zolotkov, G. A. (2018) [On the return to metaphysics in analytical philosophy of consciousness]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. Vol. 10, pp. 130–142. – <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-10-130-142>. (In Russ.).
2. Ivanov, D. (2018) [Philosophy of consciousness]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. Vol. 4, pp. 218–250. – <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-2-218-250>. (In Russ.).
3. Serl, D. (2002) *Otkryvaya soznanie заново* [Rediscovering consciousness]. Moscow: Idea-Press, 256 p.
4. [The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy (9): Metaphysics, Epistemology, Theory of Consciousness, Cognitive Science and Artificial Intelligence, Theology]. *sbornik tezisev 9-go mezhdunarodnogo nauchnogo seminar «Transtsendental'nyy povorot v sovremennoy filosofii»* [Collection of Abstracts of the 9th International Scientific Seminar «The Transcendental Turn in Contemporary Philosophy»]. Ed. S. L. Katrechko, A. A. Shiyani; Publisher: RGGU, 162 p. (In Russ.).
5. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchij um: v poiskah fundamental'noj teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow: URSS: LIBROKOM, 512 p.
6. Yulina, N. S. (2012) [Antithesis of naturalism and formalism. yesterday and today]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences]. Vol. 4, p. 116–130. (In Russ.).
7. Yulina, N. S. (2012) *Problema metafiziki v amerikanskoj filosofii XX veka. Kriticheskij ocherk empiriko-pozitivistskih techenij* [The Problem of Metaphysics in American Philosophy of the Twentieth Century. A Critical Essay on Empirical-Positivist Currents]. Moscow: Science, 295 p.
8. Yulina, N. S. (2007) *Filosofskij naturalizm: o knige Deniela Denneta «Svoboda evolyucioniruet»* [Philosophical Naturalism: On Daniel Dennett's «Freedom Evolves»]. Moscow, Kanon+, 240 p.
9. Brandl, J. (2007) The Unmysteriousness of Consciousness: A Case Study in Naturalistic Philosophy. *How Successful is Naturalism?*. Ontos Verlag, Frankfurt, pp. 243–266. (In Eng.).
10. Crane, T. (2018) A Short History of the Philosophy of Consciousness in the Twentieth Century. *Kind A. Philosophy of Mind in the Twentieth and Twenty-First Centuries: The History of the Philosophy of Mind*, Vol. 6, pp. 78–103. (In Eng.).
11. Gasser, G. & Stefan, M. (2007) The Heavy Burden of Proof for Ontological Naturalism. In How Successful is Naturalism? *Ontos Verlag, Frankfurt*, pp. 159–182. (In Eng.).
12. Hacker, P. M. S. (2007) Passing by the Naturalistic Turn: On Quine's Cul-De-Sac In How Successful is Naturalism? *Ontos Verlag, Frankfurt*, pp. 143–158. (In Eng.).
13. Papineau, David «Naturalism». *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2023 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/naturalism/>. (accessed: 15.02.2025). (In Eng.).
14. Place, U. T. (1956) Is Consciousness a Brain Process? *British Journal of Psychology*. Vol. 47, No. 1, pp. 44–50. (In Eng.).
15. Quine, W. V. O. (1981) Things and their Place in Theories. Theories and Things. *Cambridge, MA: Harvard University Press*, 216 p. (In Eng.).

16. Rea, M. C. (2007) How Successful Is Naturalism? Gasser G. How Successful is Naturalism? *Ontos Verlag, Frankfurt*, pp. 105–116. (In Eng.).
17. Sellars, R. W. (1924) The Emergence of Naturalism. *The International Journal of Ethics*, Vol. XXXIV. No. 4, pp. 309–338. (In Eng.).
18. Smart, J. J. C. (1959) Sensations and Brain Processes. *Philosophical Review*. Vol. 68, No. 2, pp. 141–156. (In Eng.).

Информация об авторе:

Екатерина Викторовна Ускова, кандидат философских наук, доцент кафедры Онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4531-7285; **Scopus Author ID:** 57219992739

e-mail: uskova80@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025; принята в печать: 30.09.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ekaterina Viktorovna Uskova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0000-0002-4531-7285; **Scopus Author ID:** 57219992739

e-mail: uskova80@mail.ru

The paper was submitted: 14.03.2025.

Accepted for publication: 30.09.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т.е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

УДК. На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

Название статьи (на русском и английском языках). Название статьи должно быть однозначным, понятным специалистам в других областях, и отражать содержание статьи. Редакция просит не использовать в названии статьи аббревиатуры, вопросительные и восклицательные предложения, а также не формулировать название статьи в виде двух предложений.

Информацию об авторах (на русском и английском языках), включающую в себя следующие сведения по каждому автору:

- фамилия, имя, отчество;
- место работы (название организации согласно уставу);
- город, страна;
- контактный электронный адрес.

Аннотацию (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. Для большинства читателей она будет главным источником информации о представленном исследовании.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость (при наличии), направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Вся информация, содержащаяся в аннотации, должна быть раскрыта в основном тексте статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

Благодарности (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

Основной текст статьи. Принимаются статьи на русском и английском языках. Объем текста статьи без библиографического списка должен составлять не более 20 страниц авторского текста, оформленного в соответствии с техническими требованиями журнала.

Основной текст статьи излагается *в следующей последовательности*:

Введение. Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

Заголовки структурных частей статьи. Здесь описывается суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования. Желательно наличие раздела «Методы», содержащего описание того, как было проведено исследование. Следует изложить все факторы, которые могли повлиять на результаты исследования.

Результаты исследования (или иной заголовок). Данный раздел статьи должен содержать описание полученных результатов исследования и их интерпретацию.

Заключение. Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы. Ранее опубликованные результаты не должны включаться в этот раздел статьи.

Литература (References). Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15–17 научных источников. В данный раздел могут быть включены следующие типы источников:

- статьи в научных *рецензируемых* журналах;
- статьи в *рецензируемых* сборниках трудов конференций;
- книги (кроме учебной и справочной литературы);
- монографии;
- патенты.

Не рекомендуется включать источники из малотиражных изданий (сборников статей, трудов конференций, монографий), не доступных для ознакомления онлайн, российских журналов, не входящих в РИНЦ или исключенных из РИНЦ.

Ссылки на правовые акты, справочные и статистические материалы, информационные и аналитические материалы сайтов необходимо оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов (не менее 30%), а также работ, изданных за последние 5 лет.

Прямое библиографическое самоцитирование (процент работ авторов в общем списке источников) не должно превышать 20%.

Литература приводится в алфавитном порядке, иностранные источники размещаются в конце библиографического списка также в алфавитном порядке.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008. Примеры оформления библиографических ссылок.

Для оформления **References** используется система Harvard system of referencing. Правила и примеры оформления.

На все источники должны быть ссылки в тексте статьи в квадратных скобках. Например, [5] или [9, с. 14], т. е. указывается номер источника в списке литературы или номер источника в списке литературы и номер страницы в этом источнике.

Аффилиация авторов (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

Вклад соавторов (при наличии авторского коллектива).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx. Для всех частей статьи должны выполняться следующие технические требования:

- шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt;
- межстрочный интервал – 1,5 строки;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- выравнивание текста: по ширине;
- автоматическая расстановка переносов должна быть выключена;
- поля: левое – 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см.

Формулы и символы помещаются в тексте статьи, используется редактор формул Microsoft Equation.

Таблицы. Все таблицы, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается перед таблицей.

Формат названия таблицы:

Таблица <номер>. <Название без использования аббревиатуры>.

Под таблицей должно быть указано их авторство (источник). Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все таблицы.

Внутри таблицы допускается размер шрифта 12 pt (гарнитура Times New Roman)

Рисунки. Все рисунки, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается под рисунком.

Формат названия рисунка:

Рисунок<номер>. <Название без использования аббревиатуры>

После названия рисунка должно быть указано авторство (источник) этого рисунка. Рекомендуемый формат:

- источник: разработано автором;
- источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все рисунки.

Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены шрифтом Times New Roman, допускается размер шрифта 12 pt.

Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы.

Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.

Подстрочные библиографические ссылки оформляются на основе использования команды MS Word «Ссылки / Вставить сноску».

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following **journal headings** are accepted for publication:

Economic sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical sciences

The subject of the articles is topical issues in the field of ontology and the theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following **elements**:

UDC. On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

The title of the article (in English and Russian). The title of the article should be unambiguous, understandable to specialists in other fields, and reflect the content of the article. The editorial board asks not to use abbreviations, interrogative and exclamation sentences in the title of the article, and also not to formulate the title of the article in the form of two sentences.

Information about the authors (in English and Russian). including the following information for each author:

- full name;
- place of work (name of the organization according to the charter);
- city, country;
- contact email address.

Abstract (in English and Russian). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. For most readers, it will be the main source of information about the presented research. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

All information contained in the abstract should be disclosed in the main text of the article.

Key words (in English and Russian). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

Acknowledgments (in English and Russian). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

The main text of the article. Articles in Russian and English are accepted. The volume of the text of the article without a bibliographic list should be to 20 pages of the author's text, designed in accordance with the technical requirements of the journal.

The main text of the article is presented in the *following sequence*:

Introduction. This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

Headings of the structural parts of the article. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its elaboration in modern science, the methodological apparatus and (or) the methodological tools of the research carried out. It is desirable to have a section "Methods" containing a description of how the study was carried out. All factors that could influence the results of the study should be stated.

Research results (or another title). This section of the article should contain a description of the obtained research results and their interpretation.

Conclusion. Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

Previously published results should not be included in this section of the article.

References. The list of references should contain, as a rule, at least 15–17 scientific sources. The following types of sources can be included in this section:

- articles in scientific peer-reviewed journals;
- articles in peer-reviewed conference proceedings;
- books (except educational and reference literature);
- monographs;
- patents.

It is not recommended to include sources from small-circulation publications (collections of articles, conference proceedings, monographs) that are not available for online review, Russian journals that are not included in the RSCI or excluded from the RSCI.

References to legal acts, reference and statistical materials, informational and analytical materials of websites should be made in the form of subscribed bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. Theses are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, (at least 30%) as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5–2008. Examples of the design of bibliographic references.

Direct bibliographic self-citation (percentage of authors' works in the general list of sources) should not exceed 20%.

The literature is given in alphabetical order, foreign sources are placed at the end of the bibliographic list also in alphabetical order.

The Harvard system of referencing is used for the design of References. Rules and examples of registration.

All sources should be referenced in the text of the article in square brackets. For example, [5] or [9, p. 14], i.e. the number of the source in the list of references or the number of the source in the list of references and the page number in this source is indicated.

Affiliation of authors (in English and Russian). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

Contribution of co-authors (the section is filled in if there is a group of authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material must be typed in a Microsoft Word text editor in the format *.doc or *.docx. The following technical requirements must be met for all parts of the article:

- font: Times New Roman typeface, 14 pt;
- line spacing – 1.5 lines;
- paragraph indentation – 1.25 cm.;
- text alignment: width;
- automatic hyphenation should be turned off;
- margins: left – 2 cm, right – 2 cm, top – 2 cm, bottom – 2 cm.

Formulas and symbols are placed in the text of the article, the Microsoft Equation formula editor is used.

Tables. All tables found in the text of the article should be numbered and have a name that is located in front of the table.

Format

of the table name: Table <number>. <Name without using an abbreviation>.

Their authorship (source) should be indicated under the table. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all tables.

A font size of 12 pt (Times New Roman typeface) is allowed inside the table

Drawings. All figures found in the text of the article should be numbered and have a name that is located under the figure.

Format of the picture title:

Figure<number>. <Name without using an abbreviation>

After the name of the drawing, the authorship (source) of this drawing should be indicated. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all the drawings.

All explication (captions) in the picture field must be made in Times New Roman font, font size 12 pt is allowed

Scanned graphs, tables, and diagrams are not allowed.

The photos presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi.

Subscript bibliographic references are formed on the basis of using the MS Word command «Links / Insert footnote».

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 5, 2025

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректura – Е. Д. Денисова
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 15.10.2025. Дата выхода в свет 30.10.2025.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17,09. Усл. изд. л. 15,50. Тираж 500. Заказ № 40.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфический комплекс «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru